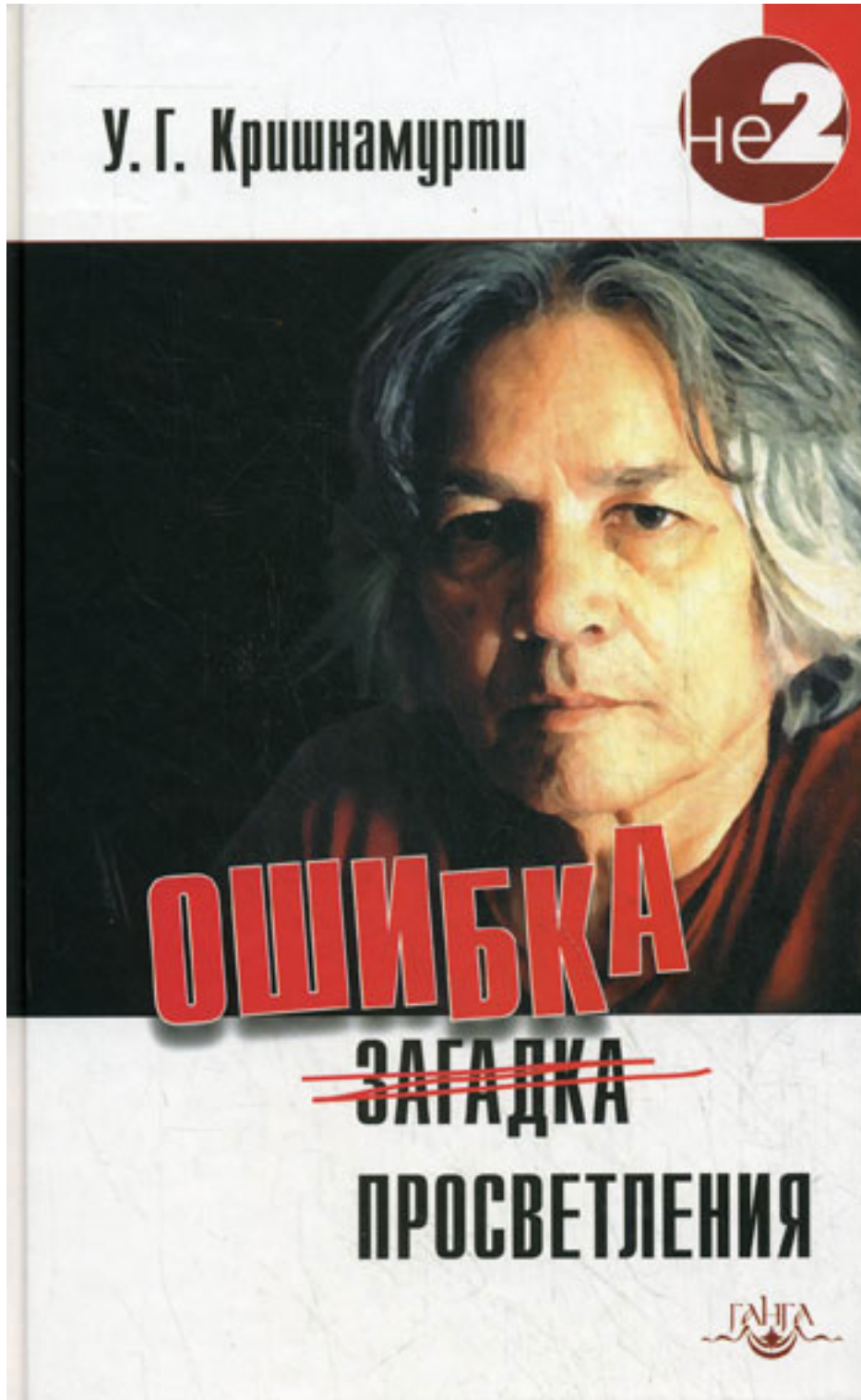

У. Г. Кришнамурти
Ошибка просветления

Ганга; Москва; 2010
ISBN 978-5-98882-061-1

Аннотация

Это история о человеке, у которого было все – красота, богатство, воспитание, слава, карьера – и который отдал все это за то, чтобы найти ответ на мучивший его вопрос: существует ли на самом деле свобода или просветление за всеми этими абстракциями, которыми нас забросали религии?

В 49 лет с ним произошла грандиозная мутация, которая радикально изменила его восприятие, работу всех его органов чувств и физиологию тела до уровня клеток и хромосом. Все накопленное знание было полностью выметено из него, в том числе и представление о независимом «я» и противостоящем ему обществе. Он словно дошел до конца коридора, состоящего из противоположностей, – и причины, и следствия полностью исчезли.

Книга представляет собой собрание ранних бесед с этим человеком, который не вписывается ни в какие существующие общественные и духовные рамки и представления. На этих беседах он бесцеремонно сносит лживую надстройку из наших заимствованных идей и установленных обычаев, ведь для того, чтобы проявилось настоящее, все ложное должно быть разрушено.

Читая эту книгу, многие из вас почувствуют, что у вас отнимают все ваши хрупкие убеждения, которые вы собирали всю свою жизнь. Слова У. Г. подобны огню – они сожгут вас. Но как ни странно, они же и оживят вас.

Содержание

Часть I	4
Часть II	25
Часть III	36
Часть IV	49

У. Г. Кришнамурти

Ошибка просветления

«Мое учение, если именно так вы хотите это называть, не охраняется никаким авторским правом. Вы можете воспроизводить, распространять, истолковывать, искажать, коверкать его, делать с ним что угодно, даже называть себя его автором без моего согласия или чьего бы то ни было разрешения».

У. Г. Кришнамурти

Часть I

У. Г.

**(Составлено из бесед в Индии и Швейцарии,
состоявшихся с 1973-го по 1976 г.)**

Люди называют меня «просветленным» – я не выношу этого определения – они не могут найти другого слова, чтобы описать то, как я функционирую. Я вместе с тем отмечаю, что просветления как такового вообще не существует. Я говорю это, потому что всю свою жизнь провел в поисках, я хотел стать просветленным, но обнаружил, что просветления вообще нет, так что не возникает и вопроса о том, является ли какой-то определенный человек просветленным или нет. Мне плевать на Будду, жившего в VI в. до нашей эры, а тем более на всех прочих претендентов, что есть среди нас. Это кучка эксплуататоров, наживающихся на человеческой легковёрности. Нет никакой силы вне человека. Человек создал Бога из страха. Так что проблема в страхе, а не в Боге.

Я открыл сам для себя, что нет никакого «Я», которое нужно было бы осознавать, – вот осознание, о котором я говорю. Оно приходит, как тяжелый удар. Оно потрясает тебя, как удар молнии. Ты поставил все на одну карту, на осознание своего «Я», и в результате вдруг обнаруживаешь, что нет никакого «Я», которое надо обнаружить, нет никакого «Я», которое надо осознать, – и ты говоришь себе: «Какого черта я делал всю свою жизнь?» Это просто взрывает тебя.

Со мной всякое происходило – понимаешь, я прошел через это. Физическая боль была невыносимой – вот почему я говорю, что тебе это действительно не нужно. Если бы я мог дать тебе взглянуть на это, прикоснуться к этому – тогда тебе бы вообще не захотелось касаться этого. То, что ты преследуешь, не существует; это миф. Ты бы не захотел иметь ничего общего с этим.

У. Г.: Видишь ли, я подчеркиваю, что – я не знаю, как бы ты это ни назвал; я не люблю использовать слова «просветление», «свобода», «мокша» или «освобождение»; все эти веские слова имеют свой собственный подтекст – этого нельзя вызвать никакими усилиями с твоей стороны; это просто случается. И почему это случается с одним человеком, а не с другим, я не знаю.

Вопрошающий: *Итак, это случилось с вами?*

У. Г.: Это случилось со мной.

В: *Когда, сэр?*

У. Г.: Когда мне было сорок девять. Но что бы ты ни делал, чтобы приблизиться к тому, чего ты ищешь, это стремление или поиск истины или реальности уводит тебя от твоего

собственного естественного состояния, в котором ты *всегда* находишься. Это не является чем-то таким, чего ты можешь добиться, обрести или достичь в результате твоих усилий, – вот почему я использую слово «беспричинный». У этого нет причины, но каким-то образом поиск прекращается.

В: *Вы полагаете, сэр, что это не есть результат поиска? Я спрашиваю, потому что слышал, что вы изучали философию, были связаны с религиозными людьми...*

У. Г.: Понимаешь, поиск уводит тебя от себя – у него обратное направление – он не имеет никакого отношения к этому.

В: *Это случилось вопреки, а не благодаря ему?*

У. Г.: *Вопреки* – да, именно так. Все, что ты делаешь, не позволяет тому, что уже есть, выразить себя. Вот почему я называю это «твоим естественным состоянием». Ты всегда находишься в этом состоянии. Поиск мешает выразиться по-своему тому, что есть. Поиск *всегда* имеет неверное направление, так что *все*, что ты считаешь очень глубоким, *все*, что ты считаешь священным, представляет собой загрязнение в этом сознании. Вряд ли тебе понравится (*смеется*) слово «загрязнение», но все, что ты считаешь *священным, святым и глубоким*, – это загрязнение.

Итак, ты ничего не можешь сделать. Это не в твоих руках. Я не хочу использовать слово «милость», потому что если говоришь «милость», тогда чья милость? Ты не специально избранный индивид; ты получаешь это, не знаю почему.

Если бы это было возможно для меня, я бы мог помочь *кому-то*. Это нечто, чего я не могу дать, потому что у тебя *есть* это. С чего бы мне давать это тебе? Смешно просить то, что у тебя и так есть.

В: *Но я не чувствую этого, а вы чувствуете.*

У. Г.: *Нет*, это не вопрос чувствования этого, это не вопрос знания этого; ты никогда не будешь *знать*. У тебя нет никакой возможности знать это для себя; оно начинает выражать себя. Нет сознательного... Видишь, я не знаю, как это сказать. Мне никогда не приходила в сознание мысль, что я отличаюсь от кого-то.

В: *Так и было с самого начала, с тех пор как вы стали осознавать себя?*

У. Г.: Нет, я не могу этого сказать. Я искал чего-то – как любой человек, воспитанный в религиозной атмосфере, – искал чего-то, к чему-то стремился. На этот вопрос ответить не просто, потому как мне придется вдаваться во всю предысторию. Может быть, это и предстоит, я не знаю. (*смеется*)

В: *Просто из любопытства, как Начикете, мне интересно узнать, как все это произошло лично с вами, в той степени, насколько вы это осознаете.*

У. Г.: Видишь ли, это длинная история; не так все просто.

В: *Мы бы хотели услышать ее.*

У. Г.: Нет, понимаешь, мне придется рассказывать вам всю свою жизнь – это займет много времени. История моей жизни доходит до определенной точки, а потом прекращается – после этого нет никакой биографии.

У двух биографов, которые заинтересованы в том, чтобы написать мою биографию, два разных подхода. Один говорит, будто то, чем я занимался – *садхана* (духовная практика), образование, весь мой прошлый опыт, – привело меня к этому. Другого биографа мало интересует мое утверждение о «вопреки», потому что тут не хватает материала, чтобы он смог написать большой том. (*смех*) В этом они больше заинтересованы. Издателей тоже интересуют эти вещи. Это естественно, потому что вы действуете в сфере, где всегда действуют причинно-следственные отношения, – вот почему вам интересно обнаружить причину, как такое случилось. Итак, мы вернулись к тому, с чего начали: нас по-прежнему заботит «как».

Моя биография *бесполезна*: она ни для кого не может быть моделью, потому что твоя биография уникальна. Каждое событие в твоей жизни это нечто уникальное в своем роде.

Твои обстоятельства, твоё окружение, твой опыт – все отличается. Каждое событие твоей жизни отличается.

В: *Я не ищу модели, которую можно было бы дать остальному миру, – я спрашиваю не с этой точки зрения. Мы видим звезду, мы видим солнце, мы видим луну – таким образом; не то чтобы я хотел подражать вам. Это может быть существенно, кто знает? Поэтому я сказал, что я здесь Начикета: я не хочу уходить, не узнав от вас истину.*

У. Г.: Тебе нужен Яма Дхармараджа, чтобы он ответил на твои вопросы.

В: *Если вы не против, будьте этим Ямой Дхармараджей.*

У. Г.: Я не против. Помоги мне. Видишь ли, я беспомощен, я не знаю, с чего начать. Где закончить, я знаю. *(смех)* Думаю, мне придется рассказать всю историю своей жизни.

В: *Мы не прочь послушать.*

У. Г.: Она не приходит.

В: *Вас нужно вдохновить.*

У. Г.: Я не вдохновлен, и я последний человек, чтобы вдохновлять кого-то. Мне придется рассказать вам, чтобы удовлетворить ваше любопытство, другую, никчемную сторону моей жизни.

(Он родился 9 июля 1918 г. в Южной Индии, в семье брахманов, принадлежавших к верхушке среднего класса. Так как их родовое имя было Уппалури, его назвали Уппалури Гопала Кришнамурти. Его мать умерла вскоре после его рождения, и он воспитывался родителями матери в городке Гудивада под Масулипатаном.)

Я воспитывался в очень религиозной атмосфере. Мой дед был очень культурным человеком. Он знал Блаватскую (основательницу Теософского Общества) и Олькотта, а позднее второе и третье поколение теософов. Все они бывали у нас в доме. Он был выдающийся юрист, очень богатый, очень культурный человек и, как ни странно, очень ортодоксальный. Он был в каком-то смысле запутавшимся ребенком: ортодоксальность и традиция, с одной стороны, и противоположное, теософия и все такое – с другой. Ему не удалось найти баланс. Это было начало моей проблемы.

(У. Г. часто рассказывали, что его мать перед смертью сказала, что он «был рожден для неизмеримо высокой участи». Его дед воспринял это очень серьезно и оставил свою юридическую практику, чтобы посвятить себя воспитанию и образованию У. Г. Его дедушка и бабушка, а также их друзья, были убеждены, что он является йога бхраштой, тем, кто был на волосок от просветления в своей прошлой жизни.)

У него на содержании были ученые люди, и он посвятил себя по некоторой причине – я не хочу вдаваться в это – тому, чтобы создать для меня атмосферу мудрости, чтобы правильно воспитать меня, в духе теософов и всего такого. И вот каждое утро эти ребята приходили и читали *Упанишады, Панчадаси, Нишкармья Сиддхи*, комментарии, комментарии на комментарии, и все это с четырех до шести утра, и этот маленький мальчик пяти, шести или семи лет от роду – не знаю – должен был слушать все это дерьмо. Этого было так много, что к тому времени как мне исполнилось семь, я мог повторить большинство из этих вещей, отрывки из *Панчадаси, Нишкармья Сиддхи*, и то, и другое, и третье. Сколько праведных людей побывало в моем доме – из Ордена Рамакришны и прочих; кто угодно, и эти ребята каким-то образом гостили в этом доме и раньше – он был открыт для каждого праведника. И вот, будучи еще очень юным, я обнаружил: все они были лицемерами – они что-то говорили, во что-то верили, а их жизни были пусты, *ничтожны*. Это было начало моих поисков.

Мой дед медитировал. (Он умер, и я не хочу сказать о нем ничего плохого.) Он медитировал в течение часа-двух в отдельной комнате для медитации. Однажды маленький полторагодовалый ребенок почему-то принялся реветь. Этот парень спустился вниз и стал бить ребенка, пока тот чуть ли не посинел, – и это человек, представьте себе, который медитирует по два часа каждый день. «Посмотри! Что он сделал?» Это явилось своего рода (не хочу

приводить этот психологический термин, но от него никуда не денешься) травмой. «Должно быть что-то странное со всей этой медитацией. Их жизни поверхностны, пусты. Они чудесно говорят, прекрасно выражают какие-то вещи, но как насчет их жизни? В их жизни есть этот невротический страх: они что-то говорят, но это не действует в их жизни. Что с ними не так?» – не то чтобы я осуждал этих людей.

Все это продолжалось дальше и дальше, и я оказался втянутым в это: «Есть ли что-то в том, что они проповедуют – Будда, Иисус, великие учителя? Все говорят о *мокше*, освобождении, свободе. Что это такое? Я хочу знать это сам. Все эти ребята никуда не годны, но должен же в этом мире быть человек, который является воплощением и апостолом всего этого. Если есть такой, я хочу найти его сам».

Тогда столько всего произошло. В те годы был один человек по имени Шивананда Сарасвати – он был миссионером индуизма. В возрасте от четырнадцати до двадцати одного (я пропускаю множество ненужных событий) я ходил туда и часто с ним встречался, и я все делал, совершал все эти аскезы. Я был так молод, но я был решительно настроен выяснить, есть ли *мокша*, и хотел этой *мокши* для себя. Я хотел доказать себе и всем, что в таких людях не может быть никакого лицемерия – «Все они лицемеры» – и вот я практиковал йогу, медитацию, изучал все. Я пережил всевозможные опыты, о которых говорилось в книгах, – *самадхи*, *сверх-самадхи*, *нирвикальпа самадхи*, все. Потом я сказал себе: «Мысль может создать любой опыт, какой ты только пожелаешь – блаженство, счастье, экстаз, растворение в небытии – все эти переживания. Итак, это не может быть тем самым, потому что я остался таким же человеком, который механически проделывает эти вещи. Медитации не имеют никакой ценности для меня. Это никуда меня не ведет».

Тогда, видите ли, большой проблемой для меня, молодого человека, стал секс: «Это нечто естественное, биологическое, это побуждение человеческого тела. Почему все эти люди хотят отвергнуть секс и подавить нечто очень естественное, то, что является частью целого, чтобы получить что-то еще? Оно для меня реальнее и важнее, чем *мокша*, освобождение и все такое. Вот в чем реальность – я думаю о богах и богинях, а вижу эротические сны с поллюциями – со мной происходит вот это. Почему я должен испытывать чувство вины? Это что-то очень естественное; я не могу контролировать такие вещи. Медитация не помогла мне, учеба не помогла, дисциплина не помогла. Я никогда не притрагиваюсь к соли, к чили или другим специям». А потом однажды я увидел, как наш старик Шивананда ест манго пикули за закрытыми дверями. «Вот человек, который отказал себе во всем в надежде чего-то добиться, но этот парень не может контролировать себя. Он лицемер» – я не хочу сказать о нем ничего плохого. «Такая жизнь не для меня».

В: Вы говорите, что в возрасте от четырнадцати до двадцати одного года вы испытывали сильное половое влечение. Вы тогда женились?

У. Г.: Нет, я не торопился; я позволил этому быть. Я хотел испытать половое влечение: «Предположим, ты ничего с этим не делаешь, что тогда произойдет?» Я хотел понять весь этот механизм: «Почему меня тянет заниматься мастурбацией? Я ничего не знаю о сексе – тогда откуда у меня всевозможные сексуальные образы?» Это было моим исследованием, моей медитацией; а не сидение в лотосе или стойка на голове. «Почему я способен формировать эти образы?» – я никогда не смотрел фильмы, на эти, знаете ли, плакаты, которые у вас теперь повсюду. «Как это так? Это что-то внутри, оно не закладывается извне. Внешнее стимулирует – стимулы приходят извне. Но есть и другой стимул, изнутри – это для меня важнее. Я с успехом могу отрезать все внешние стимулы, но как я могу вычеркнуть то, что идет изнутри?» Я хотел выяснить это.

И потом, мне также было интересно обнаружить, что такое сексуальный опыт. Хотя я никогда не испытывал секс, мне как будто были знакомы сексуальные переживания. Это продолжалось и продолжалось. Я не торопился испытать секс с женщиной, ничего такого;

я позволял всему идти так, как оно шло. Это было время, когда я не хотел жениться. Моей целью было стать аскетом, монахом, и все такое – вовсе не женитьба, – но эти вещи все происходили, и я сказал себе: «Если это вопрос удовлетворения полового влечения, почему бы не жениться? Вот для чего нужно общество. Почему ты должен идти заниматься сексом с какой-то женщиной? Ты можешь иметь естественное выражение секса в браке».

Когда мне был двадцать один год, я пришел к очень сильному ощущению того, что все учителя – Будда, Иисус, Шри Рамакришна, все – дурачили себя, обманывали себя и всех вокруг. Это совершенно не могло быть тем самым – «Где это состояние, о котором говорят и которое описывают эти люди? Это описание, по-видимому, не имеет никакого отношения ко мне, к тому, как я функционирую. Все говорят: „Не злись“, а я постоянно зол. Внутри меня происходит много жестоких вещей, так что это фальшиво. То, каким эти люди говорят мне быть, фальшиво, и, будучи фальшивым, оно делает фальшивым и меня. Я не хочу жить жизнью фальшивого человека. Я жаден, а они говорят об отсутствии жадности. Тут что-то не так. Эта жадность – что-то реальное, естественное для меня; неестественно то, о чем говорят они. Где-то что-то не так. Но я не готов менять себя, подделывать себя ради того, чтобы оказаться в состоянии отсутствия жадности; моя жадность является для меня реальностью». Я жил среди людей, которые без конца рассуждали об этих вещах – все были фальшивы, говорю тебе. И вот каким-то образом то, что вы называете «экзистенциалистской тошнотой» (я тогда не пользовался этими словами, но теперь, так получилось, я знаком с этими понятиями), отвращение ко всему священному и всему святому, пробралось в мою систему и исторгло из меня все: «Больше никаких *шлок*, никакой религии, никаких практик – в этом ничего нет; то, что есть здесь, это нечто естественное. Я зверь, я чудовище, я полон жестокости – вот реальность. Я полон желания. Отсутствие желания, отсутствие жадности, отсутствие гнева – все эти вещи не имеют для меня никакого значения; они фальшивы, и они не только фальшивы, но и меня делают фальшивым». И вот я сказал себе: «Я завязываю со всем этим» – но, видишь ли, это не так-то просто.

Потом мне кто-то встретился, мы обсуждали все это. Он обнаружил во мне практически атеиста (но не практикующего атеиста), скептического ко всему, еретика с головы до ног. Он сказал: «Есть тут один человек, где-то недалеко от Мадраса в Тируваннамалае, его зовут Рамана Махарши. Давай поедem и посмотрим на него. Вот живое человеческое воплощение индуистской традиции».

Я не хотел видеть никаких святых людей. Если ты видел одного, ты видел их всех. Я никогда не выискивал таких людей, не сидел у ног мастеров, учась чему-то; потому что каждый говорит тебе: «Делай больше и больше одного и то же, и ты получишь это». Все, что я получал, так это больше и больше опытов, и потом эти опыты требовали постоянства – а постоянства не существует. Так что «Все праведники – обманщики, они говорят мне только то, что есть в книгах. Это я могу прочитать – „Делай то же снова и снова“ – этого я не хочу. Не хочу опытов. Они пытаются поделиться со мной своим опытом. Меня не интересует опыт. Что касается опыта, то для меня нет разницы между религиозным и сексуальным опытом или каким-то другим; религиозный опыт сродни любому другому».

Меня не интересует переживание Брахмана, не интересует переживание реальности; не интересует переживание истины. Они, возможно, могут помочь другим, но мне они не способны помочь. Мне не интересно снова и снова делать одно и то же; хватает того, что я уже сделал. В школе, если тебе нужно решить математическую задачу, ты повторяешь это вновь и вновь – ты решаешь математическую задачу и обнаруживаешь, что ответ заключается в самой задаче. Так какого черта ты делаешь, пытаясь решить проблему? Легче сначала найти ответ, вместо того чтобы проходить через все это».

Итак, нехотя и сомневаясь, я отправился к Рамане Махарши. Тот парень потащил меня. Он сказал: «Тотчас езжай туда. С тобой произойдет нечто». Он говорил об этом, дал мне

книгу «Поиски в скрытой Индии» Поля Брантона, и я прочитал главу об этом человеке – «Ладно, я не против, пойду и посмотрю». Этот человек сидел там. Только от одного его присутствия я почувствовал: «Что! Этот человек – как он может помочь мне? Этот парень, который читает комиксы, шинкует овощи, играет с тем, другим, третьим – как может этот человек помочь мне? Он не может помочь мне». И все-таки я сел там. Ничего не произошло; я смотрел на него, а он смотрел на меня. «В его присутствии ты чувствуешь тишину, твои вопросы исчезают, его взгляд меняет тебя» – все это осталось сказкой, выдумкой для меня. Я сидел там. Внутри было множество вопросов, глупых вопросов и вот: «Вопросы не исчезли. Я сижу тут уже два часа, а вопросы все также здесь. Ладно, задам ему несколько вопросов» – потому что тогда я очень сильно желал *мокиши*. Идея *мокиши* была привнесена моим духовным окружением и я хотел ее. «Вас считают освободившимся человеком» – этого я не сказал. «Вы можете дать мне то, что есть у вас?» – я задал ему этот вопрос, но он не ответил, и спустя какое-то время я повторил вопрос: «Я спрашиваю: „То, что есть у вас, можете вы дать мне это?“» Он сказал: «Я могу дать, но можешь ли ты взять это?» Боже! Впервые этот парень говорит, что у него есть что-то и что я не могу взять это. Никто до этого не говорил: «Я могу дать тебе», а этот человек сказал: «Я могу дать, но можешь ли ты взять это?» Тогда я сказал себе: «Если есть в этом мире кто-то, способный взять это, так это я, ведь я проделал так много *садханы*, семь лет *садханы*. Он может думать, что я не могу взять это, но я могу. Если я не могу, то кто может?» Такой у меня тогда был настрой – знаете, (*смеется*) я был так уверен в себе.

Я не остался у него, я не прочел ни одну из его книг, я задал ему еще несколько вопросов: «Может ли человек когда-то быть свободным, а когда-то нет?» Он сказал: «Ты либо свободен, либо вообще не свободен». Был еще какой-то вопрос, я его не помню. Он ответил очень странным образом: «Нет ступеней, ведущих тебя туда». Но я проигнорировал все это. Эти вопросы не имели для меня никакого значения – ответы меня ничуть не интересовали.

Но этот вопрос «Можешь ли ты взять это?»... «Как он самонадеян!» – вот что я почувствовал. «Почему я не могу взять это, что бы это ни было такое? Что это такое, что есть у него?» – таков был мой вопрос, естественный вопрос. И вот сложился вопрос: «Что это за состояние, в котором были все эти люди – Будда, Иисус и вся эта компания? Рамана находится в этом состоянии – так считают, я не знаю – но этот малый такой же, как я, тоже человек. Чем он отличается от меня? То, что говорят другие, или то, что говорит он, для меня не важно; любой может делать то, что делает он. Что это? Он не может слишком сильно от меня отличаться. Его тоже произвели на свет родители. У него есть свои особые идеи по поводу всего этого. Некоторые люди говорят, что с ним что-то произошло, но чем он отличается от меня? Что там такое: *что это за состояние?* – это был мой главный вопрос, основной вопрос – он не оставлял меня. Я должен сам выяснить, что это за состояние. Никто не может дать это состояние; я тут сам за себя. Мне придется отправиться в это неизведанное море без компаса, без лодки, даже без плота. Я сам выясню, что это за состояние, в котором находится этот человек». Я очень хотел этого, иначе я не отдал бы всю свою жизнь на это.

В: Это дать-взять – я не понимаю.

У. Г.: Я не могу сказать, что он имел в виду, когда говорил: «Я могу дать, но можешь ли ты взять это?», но это в какой-то мере помогло мне сформулировать мой собственный вопрос. Понимаешь, если бы кто-то сейчас задал мне похожий вопрос, я бы сказал, что тебе нечего получать от кого бы то ни было. Кто я такой, чтобы дать это тебе? У тебя есть то же самое, что и у меня. Мы все на улице Саннидхи, 25, а вы спрашиваете меня: «Где улица Саннидхи, 25?» Я говорю, что вы там. Не то чтобы я знал, что я там. Это желание знать, где ты, – вот какой вопрос вы задаете.

(У. Г. говорит, что он больше ни разу не был у Раманы или кого-то из «этого религиозного народа» и никогда не притрагивался ни к одной религиозной книге, кроме как для подготовки к экзаменам по философии.)

Тогда начался мой настоящий поиск. Во мне было все мое религиозное воспитание. Тогда я начал исследование. Несколько лет я изучал психологию и философию (восточную и западную), мистицизм, все современные науки – все, всю сферу человеческого знания, я начал исследовать самостоятельно. Поиск все продолжался, и вопрос мой был: «Что это за состояние?», и он обладал собственной силой. Итак, «Все это знание не удовлетворяет меня. Зачем все это читать?» Одним из моих предметов для получения степени магистра была психология – к сожалению, в то время она входила в нашу учебную программу. Я интересовался психологией по той простой причине, что меня всегда интриговал ум: «Где этот самый ум? Я хочу что-нибудь знать о нем. Здесь, внутри меня, я не вижу никакого ума, но все эти книги говорят об уме. Посмотрим, что могут сказать об уме западные психологи». Однажды я спросил своего преподавателя: «Мы постоянно говорим об уме. А сами вы знаете, что такое ум? Мы изучаем столько книг – Фрейд, Юнг, Адлер и вся эта компания. Я знаю весь этот материал – я читаю определения и описания в книгах – но знаете ли вы сами что-то об уме?» Он сказал: «Не задавай таких неудобных вопросов. *(смех)* Это очень опасные вопросы. Если хочешь сдать экзамен, просто пиши конспекты, запомни их и воспроизведи в экзаменационной работе – и получишь свою степень». «Меня не интересует степень; я хочу узнать об уме».

(Его дед умер, и У. Г. бросил Университет Мадраса, так и не получив степени. В 1934 г. он женился.)

Тогда я связался с Теософским Обществом, из-за моего происхождения. Я унаследовал от моего деда Теософское Общество, Дж. Кришнамурти и кучу денег. Так что мне было просто: тогда было много денег – пятьдесят или шестьдесят тысяч долларов – и я мог всем этим заниматься. Я стал лектором в Теософском Обществе *(и со временем У. Г. был избран Объединенным генеральным секретарем Общества в Индии)*, но в глубине души был далек от этого: «Все это подержанная информация. Какой смысл читать лекции?» Я тогда был очень хорошим оратором, не то что сейчас. Я был первоклассным оратором, повсюду давал лекции, на каждой трибуне. Я выступал во всех университетах Индии. «Это не является для меня чем-то настоящим. Любой, у кого есть мозги, может собрать эту информацию и потом вываливать ее. Что я делаю? Зачем я впустую трачу свое время? Это не средство к существованию для меня. Если ты зарабатываешь этим себе на хлеб, ладно, это я могу понять – ты повторяешь, как попугай, одно и то же и так зарабатываешь на жизнь; но для меня это не средство существования. И все же что-то в этом представляет для меня интерес».

Потом *(в конце 1940-х, ближе к завершению теософского периода в жизни У. Г.)* появился Дж. Кришнамурти. Он только что вернулся из США и начал свой новый...

В: *Вы с Кришнамурти родственники?*

У. Г.: «Кришнамурти» – это всего лишь нареченное имя, не фамилия. Его фамилия Джидду – «Кришнамурти» довольно распространенное имя – Джидду Кришнамурти.

Я связался с ним. Я слушал его семь лет, каждый раз, когда он приезжал. Я никогда не встречался с ним лично, потому что вся эта история с «Мировым Учителем» и прочее создавали определенную дистанцию. Я не принадлежал к узкому кругу приближенных; я всегда оставался на периферии, не желая впутывать себя. Там присутствовало то же самое лицемерие, в том смысле, что в их жизнях ничего не было; они были пусты – ученые люди, власти дум, выдающиеся фигуры. «Что это? Что стоит за этим?»

Потом ситуация изменилась и семь лет спустя обстоятельства свели нас вместе. Я встречался с ним каждый день – мы с ним обсуждали все. Меня совсем не интересовали его абстрактные рассуждения. Я сказал ему как-то: «Ты уловил современный психологиче-

ский жаргон и пытаешься выразить нечто с помощью этого жаргона. Ты перенимаешь анализ и приходишь к выводу, что анализ – это не то. Такой анализ лишь парализует людей, а не помогает им. Он парализует меня». У меня был тот же самый вопрос: «Что такое есть у тебя? Эти абстракции, что ты изливаешь на меня, они меня не интересуют. Стоит ли что-то за этими абстракциями? Что это? У меня есть какое-то чувство – не могу сказать, откуда – что стоящее за этими абстракциями, которые ты высказываешь, и есть то, что меня интересует. Я почему-то чувствую – это, может быть, мое воображение – что ты (приводя знакомое, традиционное сравнение), возможно, и не попробовал сахар, но, по крайней мере, как будто смотрел на него. То, как ты все описываешь, дает мне ощущение, что ты хотя бы видел сахар, но я не уверен, что ты его попробовал».

И вот так мы с ним бились год за годом. *(смеется)* Между нами были некоторые индивидуальные различия. Я хотел от него прямых, честных ответов, которых он не давал по каким-то своим причинам. Он был очень осторожен – он что-то защищал. «Что тебе защищать? Повесь свое прошлое на дерево и оставь все это людям. Зачем тебе защищаться?» Я хотел прямых, честных ответов о его подноготной, а он не давал мне удовлетворительных ответов. И вот в конце концов я настоял: «Ну же, есть ли что-нибудь за абстракциями, которые ты изливаешь на меня?» И этот парень сказал: «У тебя нет никакого способа *знать* это самому». Все – это был конец наших отношений, знаете – «Если у меня нет способа знать это, тогда у тебя нет никакого способа передать это. Какого черта мы делаем? Я потратил семь лет впустую. Прощай, я не хочу больше видеть тебя». И я ушел.

(Где-то в это время У. Г. был поражен появлением определенных психических сил.)

До того как мне исполнилось сорок девять, у меня было столько сил, столько опытов, но я не обращал на них никакого внимания. Стоило мне только увидеть человека, я мог видеть все его прошлое, настоящее и будущее, он мог ничего и не говорить. Я не использовал их; я был *удивлен, поражен*, понимаете – «Почему у меня есть эта сила?» Иногда я говорил какие-то вещи, и они всегда происходили. Я не мог вычислить механизм – я пытался – «Как могу я говорить нечто подобное?» Эти вещи всегда происходили. Я не играл с этим. Потом были определенные неприятные последствия, некоторые люди пострадали.

(У. Г. путешествовал по всему миру, по-прежнему давая лекции. В 1955 г. он со своей женой и четырьмя детьми переехал в Соединенные Штаты в поисках лечения полиомиелита его старшего сына. К 1961 г. его деньги закончились, а он начал ощущать в себе потрясающий переворот, который не мог и не хотел контролировать и которому предстояло продлиться шесть лет и закончиться «катастрофой» (как он называет свое вхождение в естественное состояние). Его брак распался. Он посадил свою семью на самолет в Индию, а сам отправился в Лондон. Он прибыл туда без гроша в кармане и начал скитаться по городу. Три года он бесцельно жил на улице. Его друзья видели, что он безудержно катится по наклонной, но он говорит, что в то время его жизнь казалась ему совершенно естественной. Позднее религиозно настроенные люди, описывая те годы, прибегли к выражению мистиков «темная ночь души», но, с его точки зрения, тогда не было «ни героической борьбы с соблазном и приземленностью, ни схваток души с желаниями, ни поэтических кульминаций, но лишь простое увядание воли».)

Было похоже на то, будто у меня больше нет головы: «Где моя голова? Есть у меня голова или нет? Кажется, голова есть. Откуда приходят мысли?» – такой вопрос стоял передо мной. Голова отсутствовала, и только эта часть передвигалась. Не было никакой воли, чтобы что-то сделать: это было похоже на лист, носимый ветром туда, сюда, куда угодно, живя никчемной жизнью. Это все продолжалось. Наконец – я не знаю, что произошло – однажды я сказал себе: «Такая жизнь никуда не годится». Я был практически бомжом, который жил на подавания каких-то людей и ничего не знал. Не было воли – я не знал, что делаю – я был практически сумасшедшим. Я был в Лондоне, бродил по улицам – жить было негде – и я

бродил по улицам всю ночь напролет. Меня всегда останавливали полицейские: «У тебя нет жилья? Мы посадим тебя в каталажку». Такую я вел жизнь. Днем я сидел в Британском Музее – я мог достать билет. А что читать в Британском Музее? Мне было ничуть не интересно читать – книги меня не интересовали – но, чтобы делать вид, будто я пришел почитать, я брал толковый словарь подпольного сленга – нелегальных людей, преступников – всевозможного сленга. Я сколько-то читал его, чтобы провести день, а ночью шел куда-нибудь. Так все и продолжалось.

Однажды я сидел в Гайд-Парке. Подошел полицейский и сказал: «Ты не можешь тут оставаться. Мы тебя вышвырнем». Куда идти? Что делать? Денег нет – думаю, у меня было только пять пенсов в кармане. Мне в голову пришла мысль: «Ступай в Миссию Рамакришны». Вот и все, только эта мысль из ниоткуда – может быть, это было мое воображение. У меня не было никакого другого пути, кроме блуждания по улицам, а этот парень наседа на меня, и я сел на метро и доехал до конечной. Оттуда я дошел до миссии, чтобы встретиться со *свами*. Там сказали: «Ты не можешь видеть его сейчас. Время десять вечера. Он не будет с тобой встречаться. Ни с кем не будет встречаться». Я сказал секретарю, что мне *необходимо* видеть его. Потом я положил перед ним этот альбом с газетными вырезками – это был я: мои лекции, отзывы в «Нью-Йорк Таймс» о моих лекциях, моя биография.

Каким-то образом я сохранил этот альбом, некогда подготовленный моим менеджером в Америке. «Это *был* я, а вот я *сейчас*». Тогда он сказал: «Что ты хочешь?» Я сказал:

«Я хочу пойти в комнату для медитации и просидеть там всю ночь». Он сказал: «Этого ты не можешь сделать. У нас есть правило не пускать никого в комнату для медитации после восьми часов вечера». Я сказал: «Тогда мне некуда идти». Он сказал: «Я организую комнату для тебя. Остановись сегодня в гостинице, а потом приходи». И я остановился в гостинице. На следующий день я пришел туда, усталый, в двенадцать дня. Они ели. Меня накормили. Впервые у меня был настоящий обед. До этого я потерял даже аппетит; я не знал, что такое голод или жажда.

После обеда меня позвал *свами* и сказал: «Я ищу именно такого человека, как ты. Мой помощник, который выполнял редакторскую работу, душевно болен – он оказался в больнице. Мне нужно выпустить номер Столетия Вивекананды. Ты как раз тот человек, что мне нужен сейчас. Ты можешь мне помочь». Я сказал: «Я не могу ничего писать. Возможно, я и занимался редактированием в те годы, но сейчас я не могу ничего делать. Я конченный человек. Я не могу ничем помочь в этом деле». Он сказал: «Нет, нет, нет, вместе мы способны на что-то». Он очень сильно нуждался в ком-то, имеющем образование в области индийской философии и всего такого. Он мог заполучить кого угодно, но он сказал: «Нет, нет, нет, все нормально. Отдохни какое-то время, оставайся здесь, я о тебе позабочусь». Я сказал: «Я не хочу выполнять литературную работу. Дайте мне комнату, и я буду мыть вам посуду или еще что-то делать, но на такую работу я абсолютно неспособен». Он сказал: «Нет, нет, нет, я так хочу». Так что я попробовал что-то сделать; не ради самоудовлетворения, не для его удовольствия, но каким-то образом мы вместе выпустили это издание.

Он также давал мне деньги, пять фунтов, как и всем другим *свами*. Впервые у меня было пять фунтов – «Что же делать с ними?» Я потерял чувство ценности денег, потому что у меня их долго не было. Когда-то я мог выписать чек на сто тысяч рупий; спустя некоторое время у меня не было ни пайсы в кармане; теперь есть пять фунтов. «Что же делать с ними?» – и я решил на эти деньги посмотреть все фильмы, которые шли в Лондоне. Я оставался в миссии и с утра выполнял работу, обедал в час дня и отправлялся в кино. Пришло время, когда я не мог больше найти ни одного фильма. На окраине Лондона показывали три фильма за один шиллинг или что-то вроде того, и вот запас фильмов истощился, а деньги кончились.

Сидя в комнате для медитации, я каждый раз думал об этих людях, что медитировали вокруг: «Зачем они занимаются всеми этими глупостями?» К этому времени все это вышло

из моей системы. Но в этом центре медитации у меня были очень странные переживания: что бы это ни было – будь то мое собственное воображение – факт остается фактом: впервые я чувствовал какое-то особенное... Я сидел, ничего не делая, смотрел на этих медитирующих людей и жалел их: «Эти люди медитируют. Почему они хотят достичь *самадхи*? Они ничего не получают – я прошел через все это – они дурачат себя. Что я могу сделать, чтобы спасти их от растраты их жизни на это? Это ни к чему их не приведет». Я сидел там – ничего, пустота – когда почувал нечто очень странное: внутри моего тела было какое-то движение: некая энергия выходила от пениса и через это (голове), как будто там была дыра. Она двигалась вот так (кругами) по часовой стрелке, а потом против часовой стрелки. Это походило на рекламу сигарет «Уиллз» в аэропорту. Это было так странно для меня, но я совершенно ни с чем не связал это. Я был конченный человек. Кто-то кормил меня, кто-то заботился обо мне, не было ни одной мысли о завтрашнем дне, и все же внутри меня что-то было: «Это извращающий образ жизни. Это извращенность, доведенная до крайности. В этом нет ничего». Но голова отсутствовала – что я мог сделать? Это продолжалось и продолжалось. Через три месяца я сказал: «Я ухожу. Я не могу этим заниматься». Ближе к концу *свами* дал мне сколько-то денег, сорок или пятьдесят фунтов. Тогда я решил...

Видите ли, у меня все еще был билет на самолет в Индию, и я отправился в Париж, сдал билет и заработал на этом какие-то деньги, потому что его оплатили долларами. Вместе с этими тридцатью пятью долларами у меня было около ста пятидесяти фунтов. Три месяца я жил в каком-то парижском отеле, блуждая по улицам, как и прежде. Разница была лишь в том, что теперь у меня были деньги. Но постепенно эти деньги исчезли. Три месяца спустя я решил, что пора ехать, но я противился возвращению в Индию. Почему-то я не хотел отправляться в Индию. Из-за своей семьи, детей я боялся возвращаться в Индию – это бы еще усложнило положение – все они приехали бы ко мне. Я совсем не хотел ехать; я противился этому. В конце концов... У меня когда-то был банковский счет в Швейцарии на протяжении многих лет – я думал, у меня все еще оставалось там сколько-то денег. Последнее, что можно было сделать, это поехать в Швейцарию, взять деньги и посмотреть, что будет дальше. И вот я вышел из отеля, сел в такси и сказал: «Отвезите меня в Га р де Лион (Лионский вокзал)». Но поезда из Парижа в Цюрих (где был мой счет) отправляются из Гар де ль Эст (Восточный вокзал), так что я не знаю, почему я сказал ему отвезти меня в Га р де Лион. И вот он высадил меня у Га р де Лион, и я сел в поезд до Женевы.

Я оказался в Женеве со ста пятьюдесятью франками или около того. Я продолжал жить в отеле, хотя у меня не было денег, чтобы оплатить счет. Через две недели мне выставили счет: «Ну же, деньги! Как же счет?» У меня не было денег. Я опустил руки. Единственное, что мне оставалось делать, это пойти в индийское консульство и сказать: «Отправьте меня в Индию. Со мною все кончено, видите». Итак, мое сопротивление возвращению в Индию иссякло, и я отправился в консульство и вытащил этот альбом с газетными вырезками: «Один из самых великолепных ораторов, когда-либо рожденных Индией», с отзывами о моих талантах, от кузенов Норманов и Радхакришнана. Вице-консул сказал: «Мы не можем отправить такого человека в Индию за счет правительства Индии. Этот номер не пройдет. Попытайся получить деньги из Индии, а пока оставайся здесь». И это все продолжалось и продолжалось. Там я познакомился с этой швейцарской леди (Валентина де Кервен). Она была переводчиком при индийском консульстве, но в тот день оказалась за стойкой администратора, потому что его не было на месте. Мы стали разговаривать, а позднее стали близкими друзьями. Она сказала: «Если хочешь остаться, я могу устроить, чтобы ты остался в Швейцарии. Если не хочешь уезжать в Индию, не уезжай». Через месяц консульство высылало меня, но у нас получилось – она устроила мне дом в Швейцарии. Она бросила свою работу. Она не богата; у нее есть немного денег, ее пенсия, но мы можем жить на эти деньги.

Итак, мы отправились в Саанен. Это место обладает какой-то особой значимостью для меня. До этого я был там в 53-м, проездом, и когда я увидел это место, Саанен, что-то во мне сказало: «Сойди с поезда и побудь здесь», и я прожил там неделю. Я сказал себе: «Вот место, где я должен прожить всю оставшуюся жизнь». Тогда у меня было много денег, но моя жена не захотела оставаться в Швейцарии из-за климата и еще много всего произошло, и мы отправились в Америку. И вот эта несбывшаяся мечта материализовалась. Мы поехали в Саанен, потому что я всегда хотел жить там, и я до сих пор там живу. Потом Дж. Кришнамурти почему-то избрал Саанен для того, чтобы каждое лето проводить там свои встречи – и вот этот малый стал наезжать в Саанен. Я там жил – меня совсем не интересовал Кришнамурти. Меня *ничто* не интересовало. Например, Валентина жила со мной несколько лет до моего сорок девятого года. Она может подтвердить, что я *вообще никогда не говорил* с ней об этом – о моем интересе к истине, реальности – *ничего* такого. Я никогда не обсуждал эти темы ни с ней, ни с кем-то другим. Во мне не было поиска, не было стремления к чему-то, но происходило нечто странное.

В этот период (я называю его «инкубацией») внутри меня происходили всевозможные вещи – головные боли, постоянные головные боли, ужасающие боли здесь, в мозгу. Я проглотил не знаю сколько десятков тысяч таблеток аспирина. Ничто не приносило мне облегчения. Это была не мигрень и не один из известных видов головной боли, но это были жуткие боли. Каждый день все эти таблетки аспирина и пятнадцать-двадцать чашек кофе, чтобы освободиться! Однажды Валентина сказала: «Что это! Ты пьешь пятнадцать чашек кофе каждый день. Ты знаешь, сколько это в деньгах? Это триста или четыреста франков в месяц. Что же это?» В любом случае это было так ужасно.

Со мною случались всякие странные штуки. Я помню, когда я вот так тер свое тело, по нему шли искры, вроде фосфорического свечения. Она выбегала из своей спальни посмотреть – думала, что это машина едет к нам посреди ночи. Каждый раз как я переворачивался в своей кровати, шли вспышки света, (*смеется*) и мне это было так странно – «Что это?» Это было электричество – поэтому я говорю, что это электромагнитное поле. Сначала я думал, что это из-за моей нейлоновой одежды и статического электричества; но потом я перестал использовать нейлон. Я был очень скептическим еретиком, до кончиков пальцев; я никогда ни во что не верил; даже если видел какое-то чудо перед собой, я не принимал его – так был устроен этот человек. Мне никогда и в голову не приходило, что нечто такого рода готовится для меня.

Со мною происходили очень странные штуки, но я никогда не связывал их с освобождением, или свободой, или *мокшей*, потому что к тому времени все это полностью покинуло мою систему. Я давно пришел к тому, что сказал себе: «Будда вводил в заблуждение себя и других. *Все* эти учителя и спасители человечества были чертовы дураки – они дурачили себя – и меня эти вещи больше не интересуют» – так что все это *полностью* вышло из моей системы. Так все и продолжалось – необычные вещи, – но я никогда не говорил себе: «Ну вот, (*смеется*) я попаду туда, я приближаюсь к этому». Не существует ни близости к этому, ни отдаленности от этого. Никто не ближе к этому, потому что он типа особый, он подготовлен. Не существует готовности к этому; это просто прибывает тебя, как тонна кирпичей.

Потом (в апреле 1967 г.) я оказался в Париже, когда Дж. Кришнамурти тоже был там. Кто-то из моих друзей предложил: «Почему бы тебе не пойти и не послушать своего старого друга? Он тут проводит беседу». «Ладно, я столько лет его не слышал – почти двадцать лет – пойду-ка послушаю его». Когда я туда пришел, с меня потребовали два франка. Я сказал: «Я не готов платить два франка за то, чтобы послушать Дж. Кришнамурти. Нет, пойдете лучше в стриптиз, в „Фоли Бержере“ или „Казино де Пари“. Давайте пойдете туда за двадцать франков». И вот мы все в «Казино де Пари», смотрим шоу. В этот момент у меня было очень странное ощущение: я не знал, танцую ли это я на сцене, или это танцует кто-

то другой. Очень странный опыт: своеобразное движение здесь, внутри меня. (Сейчас это для меня совершенно естественно.) Не было разделения: не было никого, кто смотрит на танцующего. Вопрос, был ли я тем, кто танцует, или там на сцене есть танцующий, поставил меня в тупик. Меня озадачило это своеобразное переживание отсутствия различия между мной и танцующим и некоторое время продолжало беспокоить – а потом мы вышли.

Вопрос «Что это за состояние?» был очень интенсивным – это не была эмоциональная интенсивность – чем больше я пытался найти ответ, чем больше мне не удавалось найти ответ, тем большую интенсивность приобретал вопрос. Это как (я всегда привожу такое сравнение) рисовая шелуха. Если поджечь кипу рисовой шелухи, она продолжает гореть изнутри; снаружи огня не видно, но если ты прикоснешься к ней, то обязательно обожжешься. Точно так же меня не оставлял вопрос: «Что это за состояние? Я хочу этого. Хватит. Кришнамурти сказал: „У тебя нет никакого способа“, но я все равно хочу знать, что это за состояние, в котором были Будда, Шанкара и все эти учителя».

Потом (в июле 1967 г.) наступила другая фаза. Кришнамурти снова был с беседами в Саанене. Мои друзья потащили меня туда и сказали: теперь наконец это бесплатно. Почему бы тебе не пойти и не послушать? Я сказал: «Ладно, пойду послушаю». Когда я его слушал, со мной произошло что-то странное – необычное ощущение, что он описывал мое, а не его состояние. Зачем мне было знать его состояние? Он описывал что-то, какие-то движения, какую-то осознанность, какую-то тишину – «В этой тишине нет ума; есть действие» – и все такое. Так вот: «Я в этом состоянии. Какого черта я делал эти тридцать или сорок лет, слушая всех этих людей и борясь, пытаюсь понять состояние его или кого-то еще, Будды или Иисуса? Я в этом состоянии. Сейчас я в этом состоянии». Затем я вышел из-под навеса, чтобы больше не возвращаться.

Потом – очень странно – этот вопрос «Что это за состояние?» преобразовался в другой: «Откуда я знаю, что я в этом состоянии, состоянии Будды, состоянии, которого я так хотел и требовал у каждого? Я в этом состоянии, но как я могу знать это?»

На следующий день (*сорок девятый день рождения У. Г.*) я сидел на скамейке под деревом, с видом на одно из самых прекрасных мест, семь холмов и семь долин (в Сааненланде). Я сидел там. Нельзя сказать, что там был вопрос; все мое существо было этим вопросом: «Каким образом я знаю, что я в этом состоянии? Во мне есть какое-то особое разделение: есть кто-то, кто знает, что он находится в этом состоянии – то, о чем я читал, что испытал, о чем они говорили – именно это знание смотрит на это состояние, так что только это знание спроецировало это состояние». Я сказал себе: «Послушай, старина, за сорок лет ты не сдвинулся ни на шаг; ты там же, в клеточке номер один. Это то же самое знание, что спроецировало твой ум туда, когда ты задал этот вопрос. Ты в той же самой ситуации и задаешь тот же самый вопрос: „Откуда я знаю?“, потому что это знание, описание этого состояния другими людьми создало для тебя это состояние. Ты дурачишь себя. Ты чертов дурак». Итак, ничего. Но все же было некое особое чувство, что это и есть то самое состояние.

Второй вопрос: «Каким образом я знаю, что это именно то состояние?» – у меня не было никакого ответа на этот вопрос – вопрос был как вихрь, который никак не прекращается. Потом вопрос *внезапно* исчез. Ничего не произошло; вопрос исчез. Я не сказал себе: «О Боже! Теперь-то я нашел ответ». Даже это состояние исчезло – то состояние, в котором, как я думал, я нахожусь – состояние, в котором пребывали Будда, Иисус – даже это исчезло. Вопрос исчез. Для меня все кончилось, вот и все, понимаете. С тех пор я никогда не говорил себе: «Теперь у меня есть ответы на все эти вопросы». То состояние, о котором я прежде говорил: «Это именно то состояние», – это состояние исчезло. Кончено, понимаете. Это не пустота, это не отсутствие, это не вакуум, это не является ничем таким; вопрос вдруг исчез, вот и все.

(Исчезновение его основного вопроса, после открытия, что на него нет ответа, было физиологическим феноменом, по словам У. Г.: «Внезапная „вспышка“ внутри, как будто взрывающаяся каждую клетку, каждый нерв и каждую железу в моем теле. И с этим „взрывом“ исчезла иллюзия, что существует продолжительность мысли, что есть центр, есть „Я“, связывающее мысли».)

Тогда мысль не может связываться. Связывание прерывается, и как только оно прервано, с ним покончено. Тогда мысль взрывается не однажды; каждый раз как возникает мысль, она взрывается. То есть эта продолжительность прекращается, и мысль попадает в свой естественный ритм.

С тех пор у меня не возникает никаких вопросов, потому что вопросы больше не могут здесь оставаться. У меня бывают только очень простые вопросы (например, «Как добраться до Хайдарабада?»), чтобы функционировать в этом мире – и у людей *есть* ответы на эти вопросы. На те вопросы ни у кого нет ответов – так что вопросов больше нет.

В голове все сжалось – внутри моего мозга ни для чего не было места. Впервые я ощутил, что в моей голове все «сжато». Так что эти *васаны* (прошлые впечатления), или как там вы их называете – они иногда пытаются высовываться, но клетки мозга так «плотно сжаты», что у них больше нет возможности дурачиться там. Разделение не может оставаться там – это физическая невозможность; вам с этим ничего не надо делать, понимаете. Поэтому я говорю, что, когда происходит этот «взрыв» (я употребляю слово «взрыв», потому что это похоже на ядерный взрыв), он вызывает цепную реакцию. Каждой клетке в вашем теле, клеткам в самом мозге ваших костей приходится подвергнуться этому «изменению» – я не хочу использовать это слово – это необратимое изменение. Не может быть и речи о возврате назад. Не может быть речи о «падении» для этого человека. *Необратимо*: своего рода алхимия.

Это похоже на ядерный взрыв, понимаете – он разбивает все тело; это конец для человека – это такая разрушительная сила, которая взрывает каждую клетку, каждый нерв вашего тела. Я прошел тогда через ужасную физическую пытку. Не то чтобы ты испытывал сам «взрыв»; ты не можешь испытать «взрыв», но его последствия, эти «радиоактивные осадки» меняют всю химию вашего тела.

В: *Сэр, вы, должно быть, испытали, если можно так выразиться, высшие планы...*

У. Г.: Ты говоришь о планах? Нет никаких планов – ни планов, ни уровней. Понимаешь, в результате этого «взрыва», или назовите это как хотите, происходит что-то очень странное: в это сознание никогда не приходит мысль о том, что я чем-то отличаюсь от вас. *Никогда*. Никогда такая мысль не приходит в мое сознание и не говорит мне, что ты отличаешься от меня или я отличаюсь от тебя, потому что здесь нет точки, нет центра. Только относительно этого центра ты создаешь все другие точки.

В: *В некотором смысле вы, конечно же, отличаетесь от других людей.*

У. Г.: Физиологически, возможно.

В: *Вы сказали, что в вас произошли потрясающие химические изменения. Откуда вы знаете это? Вы когда-нибудь проходили обследование, или это ваше умозаключение?*

У. Г.: Последствия этого («взрыва»), то, как сейчас работают чувства, без какого-либо координатора или центра – это все, что я могу сказать. И еще – изменилась химия – я могу это говорить, потому как, если только не происходит этой алхимии, или изменения химии в целом, освобождение этого организма от мысли, от продолжительности мысли, невозможно. А поскольку продолжительность мысли отсутствует, можно с легкостью сказать, что нечто произошло, но что все-таки произошло? Этого я никак не могу испытать.

В: *Может быть, это ум играет в игры, и «я» всего лишь думает, что я «человек, который взорвался».*

У. Г.: Я не пытаюсь здесь ничего продавать. Это невозможно симулировать. Это вещь, которая случилась вне той области, той сферы, где я ожидал изменений, мечтал о них и желал

их, так что я не называю это «изменением». Я правда не знаю, что случилось со мной. Я вам рассказываю то, как я функционирую. Кажется, что есть какая-то разница между тем, как вы функционируете и как функционирую я, но по сути своей не может быть никакой разницы. Как может быть какая-то разница между мной и тобой? Ее не может быть; но, судя по тому, как мы пытаемся выразить себя, она как будто есть. У меня ощущение, что есть некая разница, и все, что я пытаюсь понять, – в чем эта разница. В общем, вот так я функционирую.

(В течение недели, последующей «взрыву», У. Г. наблюдал существенные изменения в работе его органов чувств. На последний день его тело перенесло «процесс физической смерти», и эти изменения приобрели характер постоянных качеств.)

Потом начались изменения – со следующего дня, и продолжались в течение семи дней – каждый день одно изменение. Сначала я обнаружил мягкость кожи, прекратилось моргание глаз, потом изменения во вкусе, запахе и слухе – я заметил эти пять изменений. Возможно, они присутствовали и раньше, и я лишь впервые заметил их тогда.

(В первый день) я заметил, что моя кожа стала нежной, как шелк, и как-то по-особому светилась, золотистым светом. Я брился, и каждый раз, когда я пытался провести бритвой, она проскальзывала. Я сменил лезвия, но это не помогло. Я потрогал свое лицо. Чувство осязания было другим, а также то, как я держал лезвие. Особенно моя кожа – моя кожа была нежной как шелк и светилась таким золотистым сиянием. Я не стал относить это на счет чего бы то ни было; я просто наблюдал это.

(На второй день) я впервые почувствовал, что мой ум находится в «расцепленном состоянии», как я это называю. Я был в кухне наверху, Валентина приготовила томатный суп. Я посмотрел на него и не понял, что это такое. Она сказала мне, что это томатный суп, я попробовал его и осознал: «Вот какой вкус у томатного супа». Потом я проглотил суп и тогда вернулся к этому странному состоянию ума – хотя «состояние ума» здесь не подходит; это было состояние «не ума» – в котором я снова забыл. Я снова спросил: «Что это?» И она снова сказала, что это томатный суп. Я снова попробовал его. Снова я проглотил его и забыл. Я сколько-то поиграл с этим. Тогда это было так странно для меня, это «расцепленное состояние»; теперь оно стало нормой. Я больше не провожу время в грезях, беспокойстве, концептуализации и прочих видах мышления, как это делает большинство людей, когда они находятся наедине с собой. Мой ум теперь задействован только тогда, когда он нужен, например, когда вы задаете вопросы или когда мне надо починить магнитофон, или что-то типа того. Все остальное время мой ум находится в «расцепленном состоянии». Конечно, теперь память вернулась ко мне – сначала я потерял ее, но теперь она вернулась, – но моя память находится на заднем плане и вступает в действие только при необходимости, автоматически. Когда она не нужна, здесь нет ума, нет мысли, есть только жизнь.

(На третий день) друзья пригласили себя ко мне на обед, и я сказал: «Ладно, я что-нибудь приготовлю». Но я почему-то не мог как следует ощущать запах и вкус. Я мало-помалу осознал, что эти два чувства трансформировались. Каждый раз, как какой-нибудь запах проникал мне в ноздри, он раздражал мой обонятельный центр практически одинаковым образом – исходил ли он от самых дорогих духов или от коровьего навоза – раздражение было одно и то же. И потом, каждый раз, пробуя что-то на вкус, я ощущал только основной ингредиент – вкус остальных ингредиентов медленно приходил следом. С того момента духи потеряли для меня всякий смысл и пряная пища перестала нравиться. Я мог ощущать только преобладающие специи – чили или что-то такое.

(На четвертый день) что-то произошло с глазами. Мы сидели в ресторане «Риалто», и я ощутил потрясающее чувство зрительной перспективы, как в вогнутом зеркале. Вещи, которые двигались по направлению ко мне, как будто входили в меня, а вещи, отдалявшиеся от меня, казалось, появлялись изнутри меня. Для меня это было такой загадкой – мои глаза

как гигантская камера, которая меняет фокус без моего вмешательства. Теперь-то я привык к этой загадке. Я теперь так и вижу. Когда ты меня возишь в своей «мини», я как кинооператор, перемещающий свою тележку, и машины, едущие по встречной полосе, движутся внутрь меня, а те, что нас обгоняют, выезжают из меня, а когда мои глаза на чем-то фиксируются, они фиксируются с абсолютным вниманием, как камера. И еще о моих глазах: когда мы вернулись из ресторана, я пришел домой и посмотрел в зеркало, чтобы разглядеть, что такое с моими глазами, как они «зафиксированы». Я долго смотрел в зеркало и обнаружил, что у меня не моргают веки. Полчаса или три четверти часа я смотрел в зеркало – и так и не моргнул. Инстинктивное моргание прекратилось – и так обстоит дело и до сих пор.

(На пятый день) я заметил изменения слуха. Когда я слышал лай собаки, он зарождался внутри меня. То же самое было с мычанием коровы, гудком поезда – внезапно все звуки стали возникать как будто внутри меня – они появлялись изнутри, а не снаружи – и так до сих пор.

Пять чувств изменились за пять дней, а (на шестой день) я лежал на диване – Валентина была в кухне – и вдруг мое тело исчезло. Тела не было. Я посмотрел на свою руку. (Это сумасшедшая штука – вы бы меня отправили в психушку.) Я смотрел на нее: «Это моя рука?» Там не было вопроса, но вся ситуация была такова – это все, что я описываю. И вот я потрогал тело – ничего – я не ощутил, что было что-то кроме прикосновения, понимаешь, кроме точки контакта. Тогда я позвал Валентину: «Ты видишь мое тело на диване? Ничто внутри меня не говорит, что это мое тело». Она прикоснулась к нему: «Это твое тело». И все-таки ее уверение не принесло мне удовлетворения или успокоения: «Что за фигня? Мое тело отсутствует». Мое тело исчезло, и оно так и не вернулось. Точки контакта – вот все, что осталось этому телу – для меня там больше ничего нет – потому что зрение не зависит от чувства осязания здесь. Так что у меня даже нет *никакой* возможности создать полный образ моего тела, потому что там, где нет осязания, *отсутствуют* точки здесь, в сознании.

(На седьмой день) я снова лежал на том же самом диване, расслабляясь и наслаждаясь «расцепленным состоянием». Когда входила Валентина, я распознавал ее как Валентину, когда она выходила из комнаты – все, пусто, никакой Валентины – «Что это? Я даже не могу представить, как выглядит Валентина». Я слушал звуки, исходящие из меня. Я не мог соотнести их. Я обнаружил, что все мои чувства не координировались внутри: координатор отсутствовал.

Я почувствовал, как во мне что-то происходит: жизненная энергия собиралась в фокус из разных частей моего тела. Я сказал себе: «Твоей жизни пришел конец. Ты умираешь». Тогда я позвал Валентину и сказал: «Я умираю, Валентина, и тебе придется что-то сделать с этим телом. Отдай его докторам – может быть, они им воспользуются. Я не верю в сжигание или захоронение и тому подобное. В твоих собственных интересах поскорее избавиться от этого тела – оно будет вонять через день – так почему же не отдать его?» Она сказала: «Ты иностранец. Швейцарское правительство не примет твое тело. Забудь об этом» – и ушла. И вот все это пугающее движение жизненной силы, как будто собирающейся в одну точку. Я лежал на диване. Ее кровать была пустой, и я передвинулся на эту кровать и вытянулся, готовясь. Она проигнорировала меня и ушла. Она сказала: «Сегодня ты говоришь, что изменилось то-то, завтра изменилось то-то, а послезавтра еще что-то изменилось. Что это такое?» Ее не интересовало все это – никогда ее не трогали все эти религиозные вопросы – она никогда ни о чем таком не слышала. «Ты говоришь, что умираешь. Ты не умираешь. Ты в порядке, крепкий и здоровый». Она ушла. Тогда я вытянулся, а это все продолжалось и продолжалось. Вся жизненная энергия собиралась в фокус – где была эта точка, я не знаю. Потом появилась точка, где все выглядело так, как будто окошко видеокамеры само пытается закрыться. (Это единственное сравнение, которое приходит мне в голову. То, как я это описываю, весьма отличается от того, как все это происходило тогда, потому что там не было

никого, кто думал бы в таких понятиях. Все это было частью моего опыта, иначе я не мог бы говорить об этом.) И так, окошко пыталось закрыться, но было что-то, пытавшееся удержать его открытым. Затем, спустя какое-то время, не осталось воли что-то делать, даже препятствовать закрытию окошка. И вдруг оно закрылось. Я не знаю, что произошло после этого.

Этот процесс длился сорок девять минут – процесс умирания. Это было как физическая смерть. Даже теперь это случается со мною: руки и ноги холодеют, тело немеет, дыхание замедляется, а потом ты задыхаешься. До какого-то момента ты здесь, ты делаешь как будто свой последний вдох, а потом все кончается. Что происходит после этого, неизвестно.

Когда я очнулся от этого, кто-то сказал, что мне звонят. Я вышел и спустился вниз, чтобы ответить на звонок. Я был в оцепенении. Я не знал, что произошло. Это была физическая смерть. Я не знаю, что вернуло меня к жизни. Я не знаю, как долго это продолжалось. Я ничего не могу сказать об этом, потому что с пережившим это было покончено: не было никого, кто мог пережить эту смерть... Это был конец. Я поднялся.

Я не ощущал себя новорожденным ребенком – ни о каком просветлении не могло быть и речи, – но вещи, которые поразили меня на той неделе, изменения во вкусе, зрении и так далее, закрепились как постоянные качества. Я называю все эти события «катастрофой». Я называю это «катастрофой», потому что, с точки зрения того, кто считает это чем-то волшебным, блаженным, полным благодати, любви и экстаза, это физическая пытка – с такой точки зрения это катастрофа. Катастрофа не для меня, но для тех, кто представляет, будто должно случиться нечто *чудесное*. Это что-то типа того, как если бы ты представлял себе Нью-Йорк, мечтал о нем, хотел очутиться там. Когда ты на самом деле уже там, ты не обнаруживаешь ничего подобного; это место, забытое Богом и, возможно, забытое даже чертями. Это совсем не то место, о котором ты мечтал и к которому стремился, а нечто совершенно другое. Что там, ты на самом деле не знаешь – у тебя нет никакого способа знать что-то об этом – здесь нет образа. В этом смысле я никогда не могу сказать себе или кому-то: «Я – просветленный, освобожденный, *свободный* человек; я освобожу человечество». *От чего свободный?* Как я могу освободить кого-то? Не может быть и речи об освобождении кого-то. Для этого у меня должен быть образ себя как свободного человека, понимаешь?

Потом (*на восьмой день*) я сидел на диване и вдруг произошел потрясающий взрыв энергии – *сильнейшей энергии*, потрясшей все тело, диван, дом и как будто всю Вселенную – все тряслось, вибрировало. Это движение невозможно создать. Оно было внезапным. Я не знаю, исходило ли оно снаружи или изнутри, сверху или снизу – я не мог определить место; оно было повсюду. Это продолжалось часами. Это было невыносимо, но я ничего не мог сделать, чтобы остановить это; я был абсолютно беспомощен. Так все и продолжалось, день за днем, день за днем. Стоило мне только сесть, это начиналось – эта вибрация, как эпилептический припадок или типа того. Даже не эпилептический припадок; это продолжалось день за днем.

(В течение трех дней У. Г. лежал на кровати, с телом, скрученным болью – по его словам, боль была как будто в каждой клетке тела. Похожие взрывы энергии время от времени случались с ним в течение следующих шести месяцев, стоило ему только лечь или расслабиться.)

Тело было неспособно... Тело ощущает боль. Это очень болезненный процесс. *Очень болезненный*. Это физическая боль, потому что у тела есть ограничения – у него есть форма, свои собственные очертания, и когда происходит взрыв энергии, которая не является ни твоей, ни моей энергией, ни энергией Бога (или назовите это как хотите), это похоже на реку во время половодья. Энергия, которая действует при этом, не ощущает границ тела; ей нет до этого никакого дела; у нее своя собственная движущая сила. Это очень больно. Это совсем не экстаз, не благодатное блаженство или тому подобная чушь – какой вздор! – это

действительно очень больно. О, я страдал не один месяц после этого; и до этого тоже. Все страдают. Даже Рамана Махарши страдал после этого.

Огромный каскад – не один, но тысячи каскадов – это все продолжалось и продолжалось, месяц за месяцем. Это очень болезненный опыт – болезненный в том смысле, что у энергии свое собственное, особое действие. Хм, знаете, у вас в аэропорту есть реклама сигарет «Уиллс». Есть атом: вот так проходят линии. *(У. Г. демонстрирует)* По часовой стрелке, против часовой стрелки, а потом так, и после вот так. Она движется внутри, как атом – не в одной части тела, во всем теле. Как будто из мокрого полотенца выжимают воду – и так во всем твоим теле – это очень больно. Это происходит даже сейчас. Ты не можешь пригласить это; ты не можешь призвать это; ты ничего не можешь сделать. Такое ощущение, как будто это окутывает тебя, нисходит на тебя. Откуда нисходит? Откуда оно приходит? Как оно приходит? Каждый раз это происходит по-новому – очень странно – каждый раз это приходит по-другому, так что ты не знаешь, что происходит. Ты ложишься на кровать, и вдруг это начинается – оно начинает двигаться медленно, как муравьи. Я даже думал иногда, что у меня в постели клопы, вскакиваю, смотрю – *(смеется)* никаких клопов, тогда я снова ложусь – и тогда опять... Волосы электризуются, и так оно медленно движется.

По всему телу были болезненные ощущения. Мысль до такой степени контролировала это тело, что, когда она ослабевает, весь метаболизм взбудоражен. Все это менялось своим путем, без какого бы то ни было моего вмешательства. И потом изменилось движение рук. Обычно руки поворачиваются вот так. *(У. Г. демонстрирует)* Здесь, в запястьях, в течение шести месяцев были жуткие боли, пока они сами по себе не развернулись, и все движения теперь вот такие. Вот почему говорят, что мои движения – как *мудры* (мистические жесты). Движения рук теперь весьма отличаются от того, какими они были раньше. Потом были боли в костном мозге. Каждая клетка стала меняться, и так продолжалось шесть месяцев.

Затем начали меняться половые гормоны. Я не знал, мужчина я или женщина – «Что такое?» – вдруг с левой стороны появилась женская грудь. Всевозможные штуки – я не хочу вдаваться в детали – есть полный отчет обо всем этом. Это все продолжалось и продолжалось. Этому телу понадобилось три года, чтобы попасть в свой новый, собственный ритм.

В: Можем мы понять, как это произошло с вами?

У. Г.: Нет.

В: Можем мы понять, что произошло?

У. Г.: Вы можете прочитать описание событий моей жизни, вот и все. Однажды, где-то около моего сорок девятого дня рождения, что-то прекратилось; в другой день изменилось еще одно чувство; на третий день изменилось что-то еще... Есть описание того, как это происходило со мной. Какую ценность это представляет для вас? Никакой. В то же время это очень опасно, потому что вы пытаетесь симулировать внешние проявления. Люди симулируют эти вещи и верят, что что-то происходит, – вот что могут сделать люди. Я вел себя нормально. Я не знал, что происходит. Это была странная ситуация. Нет никакого смысла оставлять какие-то описания – люди лишь будут симулировать это. А это состояние – нечто естественное.

(На его торсе, шее и голове, в тех местах, которые индийские святые называют чакрами, его друзья наблюдали припухлости различных форм и цветов, которые периодически то появлялись, то исчезали. Внизу живота эти выпуклости были в виде горизонтальных сигарообразных полосок. Над пупком был твердый миндалевидный нарост. Твердая синяя припухлость, похожая на большой медальон в центре его груди, была увенчана меньшей по размеру, красно-коричневой медальонообразной выпуклостью у основания горла. Эти два «медальона» как будто были подвешены к разноцветному вздутому кольцу – голубому, коричневатому и светло-желтому – вокруг его шеи, как на изображениях индуистских богов. Были и другие совпадения между этими припухлостями и образами индийского

религиозного искусства: его горло было вздуто таким образом, что его подбородок, казалось, лежит на голове кобры, как на традиционных изображениях Шивы; прямо над его переносицей была белая выпуклость в форме лотоса; по всей голове расходились малые кровеносные сосуды, образуя рисунок, напоминающий стилизованные шишки на головах статуй Будды. Две большие плотные выпуклости, похожие на рога Моисея и мистиков Дао, периодически проявлялись и исчезали. Синие змеевидные артерии на его шее расходились и поднимались к голове.)

Не хочу быть эксгибиционистом, но вы же доктора. Есть нечто, связанное с индуистским символизмом, – кобра. Вы видите эти припухлости здесь? – они принимают форму кобры. Вчера было полнолуние. Тело подвержено влиянию всего происходящего вокруг; оно не отдельно от того, что происходит вокруг тебя. Что происходит там, так же происходит и здесь – есть только физический отклик. Это сопричастность. Твое тело подвержено влиянию всего, что происходит вокруг; и ты не можешь предотвратить это, по той простой причине, что броня, которую ты выстроил вокруг себя, разрушена, и поэтому оно очень чувствительно ко всему происходящему. Следуя фазам луны – полной луны, полулуния, четверти луны, – эти выпуклости здесь принимают форму кобры. Может быть, поэтому люди создали все эти образы – Шиву и тому подобное. Но почему форма кобры? Я спрашивал многих врачей, почему здесь припухлости, но никто не мог мне дать удовлетворительного ответа. Не знаю, есть ли тут какие-то железы или что-то типа того.

Есть определенные железы... Я столько раз это обсуждал с врачами, которые исследуют железы внутренней секреции. Эти железы и есть то, что индуисты называют *чакрами*. Эти железы внутренней секреции находятся как раз в тех местах, где индусы предполагают нахождение *чакр*. Тут есть такая железа, которая называется «тимус». Она *очень* активна в детстве – очень активна – у детей бывают чувства, необычные чувства. При достижении половой зрелости, как говорят, она переходит в пассивное состояние. Когда это *снова* происходит, когда ты заново рождаешься, эта железа автоматически активизируется, так что все эти чувства присутствуют. Чувства – это не мысли и не эмоции; ты *со-чувствуешь* кому-то. Если кто-то поранится там, эта рана чувствуется здесь – не как боль, но есть какое-то чувство, понимаешь – ты автоматически говоришь «Ах!».

Это случилось со мной, когда я был на кофейной плантации: мать стала бить ребенка, малыша. Она была вне себя от ярости, она так сильно ударила ребенка, что он чуть не пошел. И кто-то спросил меня: «Почему ты не вмешался и не остановил ее?» Я стоял там – понимаете, я был так растерян. «Кого мне следует жалеть, мать или ребенка? – такой был мой ответ. – Кто виноват?» Оба были в такой нелепой ситуации: мать не могла контролировать свой гнев, а ребенок был так беспомощен и невинен. Это имело продолжение – это переходило от одного к другому – и потом я заметил все эти штуковины (следы) на моей спине. Так что я был частью этого. (Я это говорю совсем не для того, чтобы на что-то претендовать.) Это возможно, потому что сознание нельзя разделить. Все, что происходит вокруг, оказывает воздействие на тебя. Тут не может быть и речи о том, что ты сидишь и судишь кого-то; происходит такая ситуация, и она тебя затрагивает. Тебя затрагивает все, что происходит там.

В: *Во всей Вселенной?*

У. Г.: Видишь ли, она слишком большая. Все, что происходит, находится в поле твоего сознания. Сознание, конечно, неограниченно. Если ему больно там, то тебе здесь тоже больно. Если тебе больно, там возникает немедленный отклик. Я не могу сказать о Вселенной, всей Вселенной, но в поле твоего сознания, в ограниченном поле, в котором ты действуешь в настоящий момент, ты откликаешься – не то чтобы это *ты* откликался.

И все остальные железы тоже здесь... Тут так много желез; например гипофиз – «третий глаз», *аджна чакра*, как ее называют. Как только прекращается вмешательство мысли, во владение вступает эта железа: именно эта железа отдает инструкции или приказы телу; уже

не мысль; мысль не может вмешаться. (Вероятно, поэтому ее так называют¹. Я не интерпретирую, ничего подобного; может быть, это натолкнет вас на какую-то идею.) Но вы построили крепость этой мыслью, и вы не позволяете себе подвергаться воздействию происходящего.

Поскольку нет никого, кто использовал бы эту мысль как самозащитный механизм, она сжигает себя. Мысль подвергается сторанию, ионизации (если можно использовать этот научный термин). Мысль в конечном счете является вибрацией. Так что, когда происходит такая ионизация мысли, она извергает, иногда покрывая им все тело, вещество, подобное пеплу. Твое тело покрыто им, когда в мысли нет совсем никакой нужды. Когда ты не используешь ее, что происходит с мыслью? Она выжигает себя – это энергия – это сгорание. Тело нагревается. В результате этого в теле возникает сильный жар, а кожа покрывается – твоё лицо, стопы, все – этим пеплоподобным веществом.

Это одна из причин, почему я выражаю это чистыми и простыми физическими терминами. В этом нет никакого психологического содержания, никакого мистического содержания, никаких религиозных подтекстов, на мой взгляд. Я должен сказать это, и мне все равно, принимаете вы это или нет, это не имеет для меня никакого значения.

Такое, должно быть, произошло с очень немногими людьми. Я хочу сказать, это происходит с одним из миллиарда, и ты этот один из миллиарда. Чтобы это случилось, нет нужды в очистительных методах, нет нужды в *садхане* – не нужна никакая подготовка. Сознание такое чистое, что все, что бы ты ни делал в направлении очищения этого сознания, только загрязняет его.

Сознание должно промыть себя: оно должно очиститься от *каждого* признака святости, *каждого* следа порочности, от *всего*. Даже то, что вы считаете «святым и священным», является загрязнением в этом сознании. Это происходит не по твоей воле; как только разрушены границы – но не с помощью твоих усилий, не через твою силу воли – тогда шлюзы открываются и все выходит. В этом процессе вымывания происходят все эти видения. Это видения не снаружи или внутри тебя; вдруг ты сам, все твоё сознание принимает форму Будды, Иисуса, Махавиры, Магомета, Сократа – только этих людей, которые вошли в это состояние; не великих людей, не предводителей человечества – это очень странно, – но только тех людей, с кем произошла такая штука.

Одним из них был цветной мужчина (не совсем цветной мужчина), и в то время я мог рассказывать людям, как он выглядел. Затем какая-то женщина с грудями, с распущенными волосами – обнаженная. Мне сказали, что здесь в Индии были две святые – Аккамахадеви и Лаллешвари – это были женщины, обнаженные женщины. Внезапно у тебя две женские груди, распущенные волосы – даже органы превращаются в женские.

Но там все еще остается разделение – ты и форма, которую приняло сознание, скажем, форма Будды, или Иисуса Христа, или бог знает кого – та же ситуация: «Как я могу знать, что я в этом состоянии?» Но это деление не может оставаться долго; оно исчезает и приходит что-то другое. Сотни людей – вероятно, нечто произошло со многими сотнями людей. Это часть истории – так много *риши*, некоторые западные люди, монахи, много женщин, и иногда что-то очень странное. Понимаешь, все, что люди испытали до тебя, есть часть твоего сознания. Я использую выражение «все святые выходят маршем»; в христианстве есть гимн «Когда святые входят маршем». Они покидают твоё сознание, потому что больше не могут там оставаться, потому что все это примесь, загрязнение.

Можно сказать, вероятно (я не могу заявлять что-то определенно), это из-за воздействия на человеческое сознание «взрывов» всех этих святых, мудрецов и спасителей человечества в вас есть эта неудовлетворенность, есть нечто, как будто постоянно пытающееся

¹ Буквально «аджна» означает «команда».

вспыхнуть. Может быть, это так – я ничего не могу об этом сказать. Можно сказать, что они присутствуют, потому что подталкивают тебя к этой точке, а как только эта цель достигнута и они сделали свою работу, они уходят – это только предположение с моей стороны. Но это вымывание всего хорошего и плохого, святого и порочного, священного и нечестивого должно случиться, иначе твое сознание *все еще* загрязнено, *все еще* нечистое. Все это время процесс продолжается – их сотни и тысячи – и потом, понимаешь, ты возвращаешься в это первозданное, изначальное состояние сознания. Как только оно стало чистым, *от себя и само по себе*, тогда ничто не может задеть его, *ничто* больше не может загрязнить его. Все прошлое вплоть до этой точки присутствует, но оно больше не может воздействовать на твои действия.

Все эти видения и все такое происходило в течение трех лет после «катастрофы». Теперь все закончилось. Разделенное состояние сознания больше не может функционировать; оно всегда в неделимом состоянии – ничто не может задеть его. Может происходить что угодно – мысль может быть хорошей мыслью, плохой мыслью, телефонным номером лондонской проститутки... Во время моего бродяжничества в Лондоне я, бывало, разглядывал эти телефонные номера, приколотые к деревьям. Меня интересовали не проститутки, а эти номера. Мне нечем было заняться, кроме как смотреть на эти номера. Один номер засел здесь, он приходит, повторяется. Не важно, что приходит сюда – хорошее, плохое, святое, порочное. Кто здесь скажет: «Это хорошо; это плохо»? – все это закончилось. Вот почему мне приходится использовать фразу «религиозный опыт» (не в том смысле, в котором вы используете слово «религия»): он возвращает тебя назад к источнику. Ты снова в этом первозданном, изначальном, чистом состоянии сознания – назовите это «осознанием» или как угодно. В этом состоянии вещи происходят, и нет никого, кто заинтересован, никто не смотрит на них. Они приходят и уходят своим чередом, подобно текущим водам Ганги: втекают сточные воды, наполовину сожженные трупы, и хорошие вещи, и плохие – все, – но эта вода всегда чиста.

Самое удивительное и поразительное из всего этого было то, когда сенсорные органы начали свою независимую деятельность. Не было координатора, связывающего ощущения, и у нас были большие проблемы – Валентине пришлось иметь дело со всем этим. Мы ходили на прогулки, и я спрашивал: «Что это?» Она говорила: «Это цветок». Я проходил еще несколько шагов, смотрел на корову и спрашивал: «Что это?» Как *ребенку*, мне приходилось узнавать *все заново* (не то чтобы узнавать заново, но, понимаешь, все знание было на заднем плане и никак не выходило на передний план). Это началось – все это сумасшествие – «Что это за сумасшествие?» Я должен выразить это словами; не то чтобы я ощущал, что нахожусь в состоянии сумасшествия. Я был вполне здоровым человеком, нормально себя вел, но эти смехотворные вопросы, которые мне приходилось задавать: «Что это? А это что?» Вот и все. Других вопросов не было. Валентина тоже не знала, как все это понимать. Она даже отправилась к ведущему психиатру в Женеве. Она бросилась к нему – она хотела понять, но в то же время она понимала, что во мне не было ничего безумного. Если бы я выкинул хоть одну безумную штуку, она бы от меня ушла. Ничего подобного; только странные вещи. «Что это?» – «Это корова». – «А там что?» – «Это то-то». Это все продолжалось, и стало невмоготу и ей, и мне. Когда она встретилась с психиатром, он сказал: «Мы не можем ничего сказать о человеке, не увидев его. Приведите его». Но я знал, что внутри происходит нечто действительно фантастическое. Я не знал, что это такое, но это меня не беспокоило. «Зачем спрашивать, корова ли это? Какая разница, корова это, осел или лошадь?» Эта озадачивающая ситуация продолжалась долгое время – все знание было на заднем плане. Такая же ситуация и сейчас, но я больше не задаю этих вопросов. Когда я смотрю на что-то, я на самом деле не знаю, на что я смотрю, – вот почему я говорю, что это состояние незнания. Я действительно не знаю. Вот почему я говорю, что как только ты здесь, по какой-то странной случайности,

с этого момента все происходит на свой собственный лад. Ты всегда в состоянии *самадхи*; не может быть и речи о вхождении или выходе из него; ты постоянно там. Я не хочу использовать это слово, и поэтому я говорю, что это состояние незнания. Ты действительно не знаешь, на что смотришь.

Я ничего не могу с этим сделать – не может быть и речи о моем возвращении назад; все кончено – это действует и работает другим образом. (Мне приходится использовать слова «другим образом», чтобы передать вам это ощущение.)

Кажется, как будто есть некая разница. Понимаете, у меня такая сложность с людьми, которые приходят встретиться со мной: они, кажется, не понимают то, как я функционирую, а я, кажется, не способен понять то, как функционируют они. Какой диалог может быть между нами? Я разговариваю, как маньяк в бреду. Вся моя речь совершенно несвязна, как у маньяка – разницы тут не больше, чем на волосок, – вот почему я говорю, что в этот момент ты либо остаешься, либо убегаешь.

Разницы нет *никакой*, абсолютно никакой. Каким-то образом, по счастливому случаю, какой-то странной случайности происходит такая штука (мне приходится использовать слово «происходит», чтобы дать вам понять) и для тебя все заканчивается.

В: *А те, кто «реализовался», тоже отличаются друг от друга?*

У. Г.: Да, потому что их прошлый опыт различен. Это единственное, что способно выражать себя. Что там есть кроме этого? Мое выражение этого связано с прошлым опытом: как я боролся, мой путь, путь, которому я следовал, как я отказался от чужих путей – до той точки я могу говорить, что я делал или что не делал, – так вот, это никак не помогло мне.

В: *Но такой человек, как вы (простите, что говорю «вы») отличается от нас. Мы вовлечены в свои мысли.*

У. Г.: Он отличается не только от тебя, но и от всех других, кто, предположительно, находится в этом состоянии, из-за его прошлого опыта.

В: *Хотя каждый, кто предположительно прошел через этот «взрыв», уникален, в том смысле, что каждый выражает свой собственный прошлый опыт, должны же быть какие-то общие характеристики.*

У. Г.: Это не моя забота; но, по-видимому, твоя. Я никогда не сравниваю себя с кем-то еще.

Вот и все. Моя биография окончена. Больше писать не о чем, и к ней нечего будет добавить. Если люди приходят и задают вопросы, я отвечаю; если они этого не делают, мне все равно. Я не устраивался в «святой бизнес» по освобождению людей. У меня нет никакого определенного послания для человечества, кроме как сказать, что все священные системы для получения просветления – это чушь и что все разговоры о достижении психологической мутации через осознание – вздор. Психологическая мутация невозможна. Естественное состояние может произойти только через биологическую мутацию.

Часть II

(Составлена Джеймсом Бродским из бесед в Индии и Швейцарии в 1973 г.)

Я не собираюсь никого освобождать. Ты должен освободить себя сам, а ты не можешь сделать этого. То, что я скажу, не сделает этого. Я заинтересован лишь в том, чтобы описать это состояние, рассеять оккультизм и мистификацию, которыми эти люди в «святом бизнесе» все затуманили. Может быть, у меня получится убедить тебя не терять уйму времени и энергии в поисках состояния, которое не существует иначе как в твоём воображении.

Заруби себе на носу – я описываю твоё состояние, твоё естественное состояние, не мое состояние или состояние богореализованного человека, или мутанта, или ещё кого-то такого. Это твоё естественное состояние, но то, что есть, не может выразить себя по-своему из-за твоего стремления к чему-то, твоих попыток стать кем-то другим, нежели чем ты есть.

Это невозможно понять; ты можешь только испытать это в понятиях твоего прошлого опыта. Оно вне сферы опыта. Естественное состояние беспричинно: оно просто случается. Передать его невозможно, да это и не нужно. Единственное, что является реальным для тебя, это то, как ты функционируешь; соотносить мое описание с тем, как ты функционируешь, бесполезно. Когда ты прекратишь все эти сравнения, то, что останется, и есть твоё естественное состояние. Тогда ты не станешь никого слушать.

У меня нет никакого учения и никогда не будет. Слово «учение» тут не подходит. Учение подразумевает метод или систему, технику или новый способ мышления, которые следует применять, чтобы вызвать трансформацию твоего образа жизни. То, что я говорю, находится за пределами сферы того, чему можно научить; это всего лишь описание того, как я функционирую. Это всего лишь описание *естественного состояния* человека – так функционируешь и ты, лишенный махинаций мысли.

Естественное состояние – это не состояние самореализованного и богореализованного человека, это не то, чего нужно достичь или получить, что нужно заставить существовать; оно *есть* – это живое состояние. Это состояние – всего лишь функциональная деятельность жизни; это жизнь чувств, естественно функционирующих без вмешательства мысли. Мысль – это самозванец, который внедряется в дела органов чувств. У нее есть мотив выгоды: мысль направляет деятельность чувств таким образом, чтобы что-то из них извлечь, и использует их для продолжения себя самой.

Твое естественное состояние не связано с какими бы то ни было религиозными состояниями блаженства, благости и экстаза; они находятся в области опыта. Те, кто веками ведет человека в его поиске религиозности, возможно, испытали эти религиозные состояния. Это можешь сделать и ты. Это состояния, вызванные мыслью, и они как приходят, так и уходят. Сознание Кришны, Сознание Будды, Сознание Христа, или что там еще, все это путешествия не в том направлении: все они находятся в сфере времени. Вневременное невозможно испытать, невозможно схватить, удержать, а тем более выразить ни одному человеку. Эта проторенная дорожка никуда тебя не приведет. Там нет никакого оазиса; ты держишься за мираж.

Это состояние является физическим свойством твоего существа. Это никакая не психологическая мутация. Это не состояние ума, в которое ты можешь впасть однажды, а на следующий день выпасть. Ты не можешь себе представить степень того, насколько мысль в тебе довлеет и вмешивается в функционирование каждой клетки твоего тела. Попадание

в твое естественное состояние взорвет каждую клетку, каждую железу, каждый нерв. Это химическое изменение. Происходит своего рода алхимия. Но это состояние не имеет ничего общего с воздействием химических наркотиков типа ЛСД. Там происходит опыт, а здесь нет.

Существует ли такая вещь, как просветление? По-моему, что существует, так это чисто физический процесс; в этом нет ничего мистического или духовного. Если я закрываю глаза, внутри все равно есть свет. Как будто во лбу есть какая-то дыра, которой не видно, но через которую что-то проникает. В Индии этот свет золотистый, в Европе голубой. Свет также проникает через заднюю сторону шеи. Как будто отверстие проходит между этими точками спереди и сзади черепа. Внутри нет ничего, кроме этого света. Если закрыть эти точки, то будет полная, абсолютная темнота. Этот свет ничего не делает, никак не помогает телу функционировать; он просто есть.

Это состояние незнания; ты действительно не знаешь, на что ты смотришь. Я могу смотреть на часы на стене в течение получаса – и так и не определить время. Я не знаю, что это часы. Все, что есть внутри, это удивление: «Что это такое, на что я смотрю?» Не то чтобы вопрос на самом деле вот так складывается в слова: все мое существо похоже на один большой знак вопроса. Это состояние изумления, удивления, потому что я просто не знаю, на что я смотрю. Знание об этом – все, что я узнал – находится на заднем плане, если только не возникает необходимость в нем. Оно в «расцепленном состоянии». Если ты спросишь время, я отвечу: «Четверть четвертого», или сколько бы там ни было – ответ приходит моментально, стрелой – а потом я снова в состоянии незнания, изумления.

Ты никак не можешь понять тот удивительный покой, что всегда есть в тебе, это твое естественное состояние. Твое старание создать состояние покоя ума на самом деле создает беспокойство в тебе. Ты можешь только рассуждать о покое, создавать состояние ума и говорить себе, что ты очень покоен, – но это не покой; это насилие. Так что бесполезно практиковать покой, нет причины практиковать тишину. Настоящая тишина взрывоопасна; это не мертвое состояние ума, которое себе представляют духовные ищущие. «О, я в мире с самим собой! Во мне тишина, потрясающая тишина! Я ощущаю тишину!» – это совершенно ничего не значит. Она имеет вулканическую природу: она постоянно бурлит – энергия, жизнь – это ее качество. Ты можешь спросить, откуда я знаю. Я не знаю. Жизнь знает саму себя, если можно так выразиться – она осознает сама себя.

Когда я говорю о «чувстве», я имею ввиду не то же самое, что ты. Вообще-то чувство – это физический отклик, это шквал в тимусе. Тимус – это одна из эндокринных желез, она расположена под грудиной. Врачи говорят, что она активна в детстве, до полового созревания, а потом становится пассивной. Когда тыходишь в свое естественное состояние, эта железа снова активизируется. Там чувствуются ощущения; ты не переводишь их как «плохие» или «хорошие»; это просто шквал. Если вне тебя происходит движение – качается маятник часов или в поле твоего зрения пролетает птица, – это движение так же ощущается в тимусе. Все твое существо является этим движением или вибрирует вместе с этим звуком; нет разделения. Это не означает, что ты отождествляешь себя с этой птицей – «Я эта летящая птица». Там нет «тебя», так же как нет и никакого объекта. Ты не знаешь, что создает это ощущение. Ты даже не знаешь, что это ощущение.

«Сопричастность» (это не моя интерпретация слова) означает, что ты подвержен воздействию всего, а не то, что некая эмоция исходит от тебя к чему-то. Естественное состояние – это состояние чрезвычайной чувствительности, но это физическая чувствительность органов восприятия, а не какое-то эмоциональное сочувствие или нежность к другим. Есть сочувствие только в том смысле, что для меня нет «других», и таким образом нет разделения.

В тебе есть объект, который ты называешь «я», или «ум», или «самость»? Существует ли координатор, который соотносит то, на что ты смотришь, с тем, что ты слушаешь, и то, что ты обоняешь, с тем, что ты ощущаешь на вкус, и так далее? Или есть нечто, связываю-

щее вместе ощущения, исходящие от отдельного органа чувств, – например, поток импульсов от глаз? Вообще-то между любыми двумя ощущениями всегда есть зазор. Координатор закрывает этот зазор: он утверждает себя в качестве иллюзии непрерывности.

В естественном состоянии нет такой сущности, которая бы сопоставляла сообщения от различных органов чувств. Каждое чувство функционирует независимо и на свой собственный лад. Когда извне приходит требование, делающее необходимым согласовать одно или два из этих чувств и выдать ответ, координатора все так же нет, но есть временное состояние координации. Нет непрерывности; когда потребность удовлетворена, снова остается только несогласованное, раздельное, расчлененное функционирование чувств. И так всегда. Как только непрерывность разорвана – не то чтобы она когда-то вообще была; но иллюзорная непрерывность – с нею покончено раз и навсегда.

Может это иметь какой-то смысл для тебя? Не может. Все, что ты знаешь, лежит в рамках твоего опыта, который идет от мысли. Это состояние не является опытом. Я всего лишь пытаюсь передать тебе «ощущение» его, что, к сожалению, может ввести в заблуждение.

Когда отсутствует координатор, нет связи ощущений, нет интерпретации ощущений; они остаются чистыми и простыми ощущениями. Я даже не знаю, что это ощущения. Я могу смотреть на тебя, когда ты говоришь. Глаза будут сосредоточены на твоём рте, потому что именно он движется, и уши будут воспринимать звуковые вибрации. Внутри нет ничего, что связало бы эти два чувства и сказало, что ты говоришь. Я могу смотреть на ручей, вырывающийся из-под земли и слышать звук воды, но ничто не скажет, что шум, который слышен, – это звук воды или что этот звук как-то связан с тем, что я вижу. Я могу смотреть на свою ногу, но ничто не говорит, что это моя нога. Когда я иду, я вижу, как движутся мои ноги – это так странно: «Что это такое движется?»

Функционирует изначальное сознание, нетронутое мыслью.

Глаза подобны очень чувствительной видеокамере. Физиологи говорят, что свет, отраженный от объектов, проникает в сетчатку глаза и это ощущение передается по оптическому нерву в мозг. Способность видеть, зрение, является всего лишь физическим феноменом. Для глаз не имеет никакого значения, сфокусированы ли они на горе, покрытой снегом, или на мусорном баке: они точно так же производят ощущения. Глаза смотрят на кого угодно и на что угодно, не устанавливая разграничений.

У тебя такое чувство, будто бы есть оператор, который направляет глаза. Но оставленные сами себе, при отсутствии оператора, глаза не останавливаются, они постоянно движутся. Их притягивают окружающие объекты. Их привлекает движение, или яркость, или цвет, который выделяется из окружающего. Нет смотрящего «я»; горы, цветы, деревья, коровы, все они смотрят на меня. Сознание подобно зеркалу, отражающему все, что находится вокруг. Глубина, расстояние, цвет, все это есть, но нет никого, кто интерпретировал бы эти вещи. Если только нет потребности знания о том, на что я смотрю, то нет и разделения, нет расстояния, отделяющего меня от этого. На самом деле невозможно сосчитать волоски на голове человека, сидящего на другом конце комнаты, но есть своего рода ясность, которая дает ощущение, что я мог бы это сделать.

Глаза не мигают, кроме как при внезапной опасности, – это что-то очень естественное, потому что окружающие объекты постоянно требуют внимания. Потом, когда глаза устают, встроенный механизм в теле отключает их – они могут быть открыты, но они затуманены. Но если глаза все время остаются открытыми, если рефлекторное движение моргания не работает, они становятся сухими, и ты можешь ослепнуть; поэтому есть какие-то железы за внешними уголками глаз – в твоём случае не задействованы, – которые действуют как увлажняющий механизм. От внешних уголков глаз постоянно текут слезы. Невежественные люди называли их «слезами радости» или «слезами блаженства». В них нет ничего божественного. Практикуя не-моргание, к этому состоянию не придешь, а только напряжешь глаза. В

психбольницах есть невротики, у кого по той или иной причине не моргают глаза – у них это патологическое состояние. Но как только ты оказался в естественном состоянии, по какой-то счастливой случайности или странному стечению обстоятельств, все это начинает происходить на свой особый лад.

Находится ли красота в глазах смотрящего? Находится ли она в объекте? Где она? Красота вызвана мыслью. Я не останавливаюсь, чтобы написать стихотворение о горе перед моими глазами. Что происходит: я гуляю и вдруг вижу что-то другое, потому что изменился свет. Я не имею к этому никакого отношения. Не то чтобы я вижу что-то новое или присутствует полное внимание; сам свет внезапно изменился. Нет опознавания этого как красоты. Есть ясность, которой, возможно, не было до того, как изменился свет. Тогда это сознание внезапно расширяется до размера объекта, находящегося перед телом, и легкие делают глубокий вдох. Это и есть *пранаяма*, а не то, что ты делаешь, сидя в углу и вдыхая через одну ноздрю, а выдыхая через другую; эта *пранаяма* происходит постоянно. Итак, есть осознание внезапного изменения дыхания, а затем оно переходит на что-то другое, мычание коровы или вой шакала. Оно всегда движется; оно не останавливается на чем-то, что мысль определила как красивое. Нет никого, кто управлял бы.

Слушаешь ли ты кого-то? Нет; ты слушаешь только себя. Когда ты оставляешь слух в покое, все, что остается, это вибрация звука – слова повторяются внутри тебя, как в эхокамере. Это чувство так же функционирует и у тебя, только ты думаешь, что слова, которые ты слышишь, приходят извне. Пойми: ты никогда не можешь услышать ни единого слова от кого-то другого, насколько бы близкими ты ни считал ваши с этим человеком отношения; ты слышишь только свой перевод, всегда. Все слова, что ты слышишь, – это твои слова. Все, чем могли бы являться для тебя слова другого человека, – это шум, вибрация, уловленная барабанной перепонкой и переданная нервам, идущим к мозгу. Ты постоянно переводишь эти вибрации, пытаешься понять, потому что ты хочешь извлечь что-то из того, что ты слышишь. Это нормально для отношений с кем-то на уровне: «Вот деньги, дайте мне килограмм моркови» – но это предел ваших отношений, вашего общения с кем бы то ни было.

Когда нет перевода, все языки звучат одинаково, независимо от того, «говорит» ли твоя определенная структура знаний на определенном языке. Единственное различие состоит в расстановке слогов и мелодии. Языки обладают разной мелодикой.

Это приобретенный вкус говорит тебе, что Девятая симфония Бетховена прекраснее визжащего кошачьего хора; и то и другое производит равно действенные ощущения. Конечно, некоторые звуки могут быть вредными для тела, и шумовые уровни, превышающие определенное количество децибелов, плохо сказываются на нервной системе и могут вызвать глухоту – я не об этом говорю. Но понимание музыки, поэзии и языка детерминировано культурой и является продуктом мысли.

Твое движение мыслей внедряется в процесс прикосновения, так же как и в работу других органов чувств. К чему бы ты ни притронулся, все это переводится как «твердое», «мягкое», «теплое», «холодное», «влажное», «сухое» и т. д.

Ты не осознаешь этого, но именно твое мышление создает твое собственное тело. Без этого мыслительного процесса не существует осознания тела – точнее говоря, тела вообще нет. Мое тело существует для других людей; для меня оно не существует; есть только отдельные точки контакта, импульсы прикосновения, которые не связаны вместе мыслью. Так что тело не отличается от объектов вокруг него; это набор ощущений, как и все остальное. Твое тело не принадлежит тебе.

Возможно, я могу тебе дать некое ощущение этого. Я сплю четыре часа ночью, не важно, во сколько я ложусь. Потом я лежу в кровати, бодрствуя, до утра. Я не знаю, что это лежит в кровати; я не знаю, лежу ли я на левом боку или на правом – часами я так лежу. Если снаружи есть какой-то шум – птица или что-то еще, – он просто отдается эхом во мне. Я слу-

шаю «тук-тук-тук» моего сердца и не знаю, что это такое. Между двумя простынями никого нет – отсутствует форма тела. Если задать вопрос «Что там внутри?», то есть только осознание точек контакта, там, где тело соприкасается с постелью и с простынями или с самим собой, например в скрещении ног. Есть только ощущения прикосновения от этих точек контакта, а остального тела нет. Есть некая тяжесть, вероятно, сила притяжения, что-то очень неуловимое. Внутри нет ничего, что связывало бы эти вещи. Даже если глаза открыты и смотрят на все тело, все равно есть только точки контакта, и они не связаны с тем, на что я смотрю. Если я захочу попытаться связать эти точки контакта в форму моего собственного тела, у меня, вероятно, получится, но к тому времени как я это закончу, тело снова будет в той же самой ситуации различных точек контакта. Связь не может сохраняться. То же самое, когда я сижу или стою. Тела нет.

Ты можешь сказать мне, каков на вкус сок манго? Я не могу. И ты не можешь; но ты пытаешься оживить сейчас память о соке манго – ты создаешь для себя своего рода опыт того, какой он на вкус, чего я сделать не могу. Я должен ощущать его на своем языке – видеть его или почувствовать его запах недостаточно, – чтобы привести в действие это знание из прошлого и сказать: «Да, вот такой вкус у сока манго». Это не означает, что меняются личные предпочтения и «вкус». На рынке моя рука автоматически тянется к тем же самым вещам, которые мне всегда нравились. Но поскольку я не способен вызвать это мысленное переживание, не может возникнуть желание пищи, которой тут нет.

Запах играет бóльшую роль в твоей повседневной жизни, чем вкус. Органы обоняния постоянно открыты запахам. Но если ты не вмешиваешься в обоняние, остается только раздражение носа. Не имеет значения, вдыхаешь ли ты запах коровьего навоза или дорогие французские духи, – ты потираешь нос и идешь дальше.

Моя речь возникает в ответ на вопросы, которые мне задают. Я не могу сидеть и читать лекцию относительно естественного состояния – это для меня искусственная ситуация. Нет никого, кто бы думал мысли и подготавливал ответы. Когда ты кидаешь в меня мяч, он отскакивает, и ты называешь это «ответом». Но я не даю никаких ответов: это состояние выражает само себя. Я действительно не знаю, что я говорю, и то, что я говорю, не имеет значения. Ты можешь записывать мои разговоры, но они не будут иметь смысла для меня – они будут мертвы.

То, что здесь есть, это естественное состояние, оно живое. Его не могу схватить ни я, ни тем более ты. Оно подобно цветку. (Я могу лишь привести это сравнение.) Он просто цветет. Он здесь. Пока он здесь, он издает аромат, который отличается от запахов всех других цветов. Ты можешь и не узнать его. Ты можешь писать или не писать оды или сонеты о нем. Его может съесть корова, или скосить косец, или он завянет и погибнет – и на этом ему конец. Он больше не имеет значения. Ты не можешь сохранить его запах; все, что ты сохранишь, будет синтетическим, химическим парфюмом, а не живым запахом. Не имеет смысла хранить выражения, учения или слова такого человека. Это состояние имеет лишь современную ценность, современное выражение.

Личность не меняется, когда тыходишь в это состояние. В конце концов, ты же компьютер, который реагирует так, как он запрограммирован. На самом деле это твое стремление измениться уводит тебя от самого себя и мешает тебе функционировать естественным образом. Личность останется такой же. Не ждите, что такой человек освободится от гнева или своеобразных манер. Не стоит ждать какого-то духовного смирения. Такой человек может быть самым высокомерным из всех, кого вы только видели, потому что он прикасается к жизни в таком уникальном месте, где не приходилось ни одному другому человеку.

Вот почему каждый человек, входящий в это состояние, выражает его совершенно уникальным образом, в понятиях его времени. По этой же причине, если два или больше человека живут в этом состоянии в одно и то же время, они ни за что не соберутся вместе. Они

не будут плясать на улицах, взявшись за руки: «Мы – самореализованные люди! Мы – вот такие!»

У человека есть основные потребности: пища, одежда и жилье. Ты или зарабатываешь их, или кто-то их тебе дает. Если это твои единственные потребности, их не очень сложно удовлетворить. Отказывать себе в основных потребностях – это не признак духовности; но требовать больше, чем пища, одежда и жилье, – это невротическое состояние ума.

Разве секс не является основной человеческой потребностью? Секс зависит от мыслей; у самого тела нет секса. Мужчин и женщин различают только гениталии и, возможно, гормональный баланс. Это мысль говорит: «Я мужчина, а это женщина, привлекательная женщина». Это мысль переводит телу сексуальные ощущения и говорит: «Это сексуальные ощущения». И именно мысль обеспечивает ту надстройку, без которой секс невозможен: «Было бы приятнее держать руку этой женщины, чем просто смотреть на нее. Было бы приятнее целовать ее, чем просто обнимать ее», и т. д. В естественном состоянии надстройка мысли отсутствует. Без этой надстройки секс невозможен. А секс чрезвычайно насильствен для тела. В норме тело – очень мирный, спокойный организм, а ты подвергаешь его такому сильному напряжению и последующему расслаблению, которое дает приятные ощущения. На самом деле для организма это мучительно.

Но ты никогда не придешь к такому состоянию, подавляя секс или пытаясь сублимировать его. До тех пор пока ты думаешь о Боге, у тебя будут мысли и о сексе. Спросите любого религиозного ищущего, который практикует воздержание, снятся ли ему по ночам женщины. Пик сексуального переживания – это единственное в твоей жизни, что приближено к непосредственно личному опыту; все остальные твои переживания являются подержанными, чьими-то еще. Почему вы накручиваете столько табу и идей вокруг него? Зачем разрушаете радость секса? Я совсем не выступаю за разврат или злоупотребление сексом; но отказом или воздержанием ничего не добьешься.

Должен быть живой контакт. Если ты выходишь из комнаты, ты исчезаешь из моего сознания. Где ты или почему тебя нет здесь – таких вопросов не возникает. Здесь нет никаких образов – для них нет места – сенсорный аппарат полностью занят вещами, на которые я сейчас смотрю. Должен быть живой контакт с теми вещами, которые находятся в комнате, а не с мыслями о том, чего здесь нет. Так вот, если ты полностью «настроен» на сенсорную деятельность, нет места страхам о том, кто тебя накормит завтра, или предположениям о Боге, Истине и Реальности.

Это не состояние всезнания, в котором есть ответы на все извечные вопросы человека; скорее, это состояние, в котором прекратилось задавание вопросов. Оно прекратилось, потому что эти вопросы не имеют никакого отношения к тому, как функционирует организм, а то, как функционирует организм, не оставляет места этим вопросам.

Тело обладает удивительным механизмом самообновления. Это необходимо, потому что органы чувств в естественном состоянии постоянно функционируют на пике своей чувствительности. И вот, когда они устают, тело переживает смерть. Это реальная физическая смерть, а не какое-то ментальное состояние. Она может случаться один или несколько раз в день. Ты не решаешь испытать эту самую смерть; она опускается на тебя. В первый раз такое ощущение, как будто тебе сделали анестезию: чувства все больше притупляются, сердцебиение замедляется, руки и ноги леденеют, и все тело деревенеет, как труп. Энергия стекается со всего тела в какую-то точку. Каждый раз это происходит по-разному. Весь процесс занимает сорок восемь или сорок девять минут. В течение этого времени поток мыслей продолжается, но нет чтения мыслей. Под конец этого промежутка времени ты «отрубашься»: поток мыслей прерван. Ты никак не можешь знать, сколько длится этот перерыв – это невозможно испытать. Ты ничего не можешь сказать о времени «в отключке» – это никогда не может стать частью твоего сознательного существования или сознательного мышления.

Я не знаю, что возвращает тебя из смерти. Если бы у тебя была какая-то воля в этот момент, ты бы мог решить не возвращаться. Когда «отключка» заканчивается, поток мыслей возобновляется точно с того же, на чем он прекратился. Вялость уходит; возвращается ясность. Тело очень сковано – постепенно оно начинает двигаться по его собственной воле, разминаясь. Движения больше напоминают китайское тайцзи, чем хатха-йогу. Последователи наблюдали за тем, что происходило с их учителями, вероятно, и воплощали их и обучали сотням поз – но все они бесполезны; это исключительное движение. Те, кто видел, как движется мое тело, говорят, что это похоже на движения новорожденного ребенка. Эта «отключка» дает полное обновление органов чувств, желез и нервной системы: после нее они функционируют на пике своей чувствительности.

Ты не почувствуешь смерти, потому что для тебя нет смерти: ты не можешь испытать своей смерти. Был ли ты рожден? Жизнь и смерть нельзя разделить; у тебя нет никакого шанса узнать самому, где начинается одно и заканчивается другое. Ты можешь испытать смерть другого, но не свою собственную. Единственная смерть – это физическая смерть; психологической смерти нет.

Почему ты так боишься смерти?

Твоя структура переживаний не может постичь события, которого она не испытает. Она даже предполагает осуществлять контроль над собственным растворением и поэтому хочет знать, как ощущается смерть, – она пытается представить чувство того, каково будет не чувствовать. Но чтобы предугадать будущее переживание, твоей структуре нужно знание, подобный опыт из прошлого, на который она может сослаться. Ты не можешь помнить, каково было не существовать до того, как ты родился, и ты не можешь помнить свое собственное рождение, так что у тебя нет основы для проецирования своего будущего не-существования. Все это время, пока ты знаешь жизнь, знаешь себя, ты был здесь, и поэтому, для тебя, у тебя есть чувство вечности. Чтобы оправдать это чувство вечности, твоя структура начинает убеждать себя, что для тебя будет жизнь после смерти – небеса, реинкарнация, переселение душ, что угодно. Что, по-твоему, рождается заново? Где эта твоя душа? Можешь ты попробовать ее на вкус, прикоснуться к ней, показать ее мне? Что в тебе есть такое, что отправляется на небеса? Что там? Внутри тебя нет ничего, кроме страха.

Почему тебе снятся сны? У тебя чувство, что есть кто-то, некое «я», которое распоряжается твоим восприятием, переводя то, что видится, слышится и чувствуется, направляя глаза, говоря: «Это красиво; это уродливо. Я буду смотреть на это; а на то я смотреть не буду». Ты не можешь контролировать это таким образом – ты думаешь, что можешь; но камера постоянно снимает кадры, и магнитофон постоянно записывает, независимо от того, смотришь ли ты дольше на одну вещь, чем на другую. Потом, когда тело отдыхает или твои мысли находятся в пассивном состоянии, эти вещи начинают всплывать – кусочек того, кусочек сего – это создает некую мозаику, и ты видишь сны. Когда этот «кто-то» отсутствует, ничто не говорит: «Я спал, я видел сны, а теперь я проснулся».

Что такое нравственность? Это совсем не следование предписанным правилам поведения. Это не вопрос противостояния соблазнам или победы над ненавистью, гневом, жадностью, похотью и насилием. Вопросание о твоих действиях до и после них создает проблему. Что в ответе за эту ситуацию, так это способность разделять хорошее и плохое и влиять на свои действия в соответствии с этим.

Жизнь есть действие. Не вызывающее сомнений действие – это и есть нравственность. Сомнение в своих действиях разрушает выражение жизни. Человек, позволяющий жизни действовать по-своему без защитного движения мысли, не имеет «я», которое нужно было бы защищать. Какая нужда будет ему врать или обманывать, или притворяться, или совершать какие-то другие действия, которые это общество считает безнравственными?

Что мешает тебе быть в твоём естественном состоянии? Ты постоянно уходишь от себя. Ты хочешь быть счастливым, или постоянно, или хотя бы сейчас. Ты недоволен своими обычными переживаниями и поэтому жаждешь чего-то нового. Ты хочешь усовершенствовать себя, изменить себя. Ты пытаешься добиться чего-то, стараясь стать чем-то другим, нежели чем ты есть. Это и уводит тебя от себя самого.

Общество поставило перед тобой идеал «совершенного человека». Независимо от того, в какой культуре ты родился, у тебя есть доктрины священных писаний и традиции, которые передаются тебе по наследству и говорят тебе, как следует себя вести. Тебе говорят, что путем практики ты даже можешь в конце концов войти в состояние, достигнутое мудрецами, святыми и спасителями человечества. И вот ты пытаешься контролировать свое поведение, контролировать свои мысли, быть чем-то неестественным.

Все мы живем в «мыслесфере». Твои мысли не являются твоими собственными; они принадлежат всем. Есть только мысли, но ты создаешь противомысль, того самого мыслителя, с помощью которого ты читаешь каждую мысль. Твое усилие контролировать жизнь создало вторичное движение мысли внутри тебя, которое ты называешь «я». Это движение мысли в тебе параллельно движению жизни, но изолировано от него; оно не может прикоснуться к жизни. Ты живое существо, но всю свою жизнь ты проводишь в области этого изолированного, параллельного движения мысли. Ты отрезаешь себя от жизни – это что-то очень неестественное.

Естественное состояние – это совсем не «состояние без мыслей», которое есть одна из величайших мистификаций, тысячелетиями водящая за нос бедных, беспомощных индусов. Ты ни за что не будешь без мысли, пока тело не станет трупом, совершенно мертвым трупом. Возможность мыслить необходима для выживания. Но в этом состоянии мысль прекращает душить тебя; она попадает в свой естественный ритм. Больше нет «тебя», того, кто читает мысли и думает, что они «его».

Ты когда-нибудь наблюдал за этим параллельным движением мысли? Учебники по английской грамматике скажут тебе, что «я» – это местоимение первого лица единственного числа, именительного падежа; но это не то, что ты хочешь знать. Можешь ты взглянуть на то, что ты называешь «я»? Оно неуловимо. Посмотри на него сейчас, почувствуй его, потрогай его и скажи мне. Как ты смотришь на него? И что же смотрит на то, что ты называешь «я»? В этом-то и загвоздка: тот, кто смотрит на то, что ты называешь «я», и есть «я». Оно создает иллюзорное разделение себя на субъект и объект и благодаря этому делению продолжает свое существование. Это разделяющая природа, действующая в тебе, в твоём сознании. Все, что ее интересует, это продолжение ее существования. До тех пор пока ты хочешь понять это «я» или превратить это «я» во что-то духовное, что-то святое, прекрасное или чудесное, это «я» будет продолжаться. Если ты не хочешь ничего с ним делать, его нет, оно исчезло.

Как ты это понимаешь? Я фактически сделал заявление: «То, на что ты смотришь, не отличается от того, кто смотрит». Как тебе быть с подобным утверждением? Какие инструменты есть у тебя в распоряжении, чтобы понять бессмысленное, алогичное, иррациональное утверждение? Ты принимаешься думать. Путем размышления ты ничего понять не можешь. Ты переводишь то, что я говорю, в понятия знания, у тебя уже имеющегося, точно так же, как ты переводишь все остальное, потому что ты хочешь извлечь что-нибудь из него. Когда ты прекращаешь делать это, остается то, что я описываю. Отсутствие того, что ты делаешь – попыток понять или попыток изменить себя, – это и есть состояние, что я описываю.

Есть ли запредельное? Из-за того, что вам неинтересна повседневная жизнь и происходящее вокруг вас, вы изобрели то, что называется «запредельное» или «Бог», «Истина», «Реальность», «Брахман», «просветление», что угодно, и ищете это. Может и не быть никакого «запредельного». Ты ничего не знаешь о нем; все, что ты знаешь, тебе рассказали, все

это знание, что у тебя есть о нем. И вот ты проецируешь это знание. То, что ты называешь «запредельным», создано знанием, которое у тебя есть об этом запредельном; и какое бы у тебя ни было знание о «запредельном», это именно то, что ты испытываешь. Знание создает переживаемый опыт, и затем этот опыт подкрепляет знание.

То, что ты знаешь, никогда не может быть запредельным. Все, что ты испытываешь, не является запредельным. Если есть нечто запредельное, то это движение «я» отсутствует. Отсутствие этого движения, вероятно, и есть запредельное, но ты никак не можешь испытать запредельное; это когда нет «тебя». Почему ты пытаешься испытать то, чего испытать невозможно?

Ты должен всегда узнавать то, на что ты смотришь, иначе тебя нет. Как только ты переводишь, появляется «ты». Ты смотришь на что-то и распознаешь это как сумку, красную сумку. Мысль вмешивается в ощущения, переводя их. Почему вмешивается мысль? И можешь ли ты с этим что-то сделать? Как только ты смотришь на вещь, в тебя проникает слово «сумка», или «скамейка», или «перила», «ступенька», «у человека, сидящего здесь, белые волосы». Это продолжается и продолжается. Если ты этого не делаешь, ты занят чем-то еще: «Я опаздываю в офис». Ты либо думаешь о чем-то, никак не связанном с тем, как в настоящий момент действуют сенсорные органы, или же ты смотришь и говоришь себе: «Это сумка, это красная сумка», и так далее и тому подобное – и это все. Слово «сумка» отделяет тебя от того, на что ты смотришь, таким образом, создавая «тебя», а иначе между ними нет никакого расстояния.

Каждый раз, когда рождается мысль, рождаешься ты. Когда исчезает мысль, исчезаешь и ты. Но это «ты» не позволяет мысли исчезнуть, а мышление дает непрерывность этому «тебе». На самом деле в тебе нет постоянной единицы, нет совокупности всех твоих мыслей и переживаний. Ты думаешь, что есть «кто-то», кто думает твои мысли, «кто-то», кто чувствует твои чувства, – но это иллюзия. Я могу говорить, что это иллюзия, но для тебя это не иллюзия.

Твои эмоции более сложны, но процесс тот же самый. Зачем тебе говорить себе, что ты зол, что ты завидуешь кому-то или что тебя беспокоит секс? Я ничего не говорю об удовлетворении или неудовлетворении. В тебе есть ощущение, и ты говоришь, что ты подавлен или несчастен, или счастлив, что чувствуешь ревность, зависть или алчность. А это наклеивание ярлыков создает того, кто переводит эти ощущения. То, что ты зовешь «я», – это не что иное, как «красная сумка», «скамейка», «ступени», «перила», «лампочка», «злой», «счастливый», «ревнивый», что угодно. Ты подвергаешь свои мозговые клетки ненужной деятельности, заставляющей клетки памяти постоянно работать, уничтожая имеющуюся энергию. Это лишь изнашивает тебя.

Это наклеивание ярлыков необходимо, когда ты должен общаться с кем-то или с самим собой. Но ты постоянно общаешься с самим собой. Зачем ты это делаешь? Единственное различие между тобой и человеком, который разговаривает вслух сам с собой, лишь в том, что ты не говоришь вслух. Когда ты начинаешь говорить вслух, тут же появляется психиатр. Этот парень, конечно же, делает то же самое, что и ты, все время общается с самим собой – «сумка», «красная сумка», «навязчивый», «маниакальный», «Эдипов комплекс», «жадный», «скамейка», «перила», «мартини». Потом он говорит, что с тобой что-то не так, кладет тебя на кушетку и хочет изменить тебя, помочь тебе.

Почему ты не можешь оставить ощущения в покое? Почему ты переводишь их? Ты делаешь это, потому что, если ты не общаешься с собой, тебя нет. Такая перспектива пугает «тебя».

Что бы ты ни испытывал – покой, блаженство, тишину, счастье, экстаз, радость, бог знает что еще, – все это будет старым, бывшим в употреблении, сэконд-хенд. У тебя уже есть знание обо всех этих вещах. Тот факт, что ты в состоянии блаженства или в состоянии

потрясающей тишины, означает, что ты уже знаешь о нем. Чтобы что-то испытать, ты должен знать об этом. В этом знании нет ничего чудесного или метафизического; «скамейка», «сумка», «красная сумка» – это и есть знание. Знание – это то, что кто-то другой заложил в тебя, а он получил это еще от кого-то; оно не твое.

Можешь ты испытать такую простую вещь, как эта скамейка напротив тебя? Нет, ты испытываешь только знание, которое у тебя есть о ней. И это знание пришло из какой-то внешней среды, и так всегда. Ты думаешь мыслями своего общества, чувствуешь чувствами своего общества и переживаешь переживаниями своего общества; нет никакого нового опыта.

Итак, все, что человек когда-либо думал или чувствовал, должно уйти из твоей системы. А ты – продукт всего этого знания – ничего больше.

Что такое мысль? Ты ничего о ней не знаешь; все, что ты знаешь о том, что зовешь «мыслью», тебе рассказали. Как ты можешь что-то делать с нею – формировать ее, контролировать, направлять или останавливать? Ты постоянно пытаешься что-то с ней сделать, потому что кто-то сказал тебе, что ты должен поменять это или заменить то, придерживаться хороших, а не плохих мыслей. Мысли есть мысли; они ни хороши, ни плохи. До тех пор пока ты хочешь что-то сделать с тем, что есть, ты думаешь. Хотеть и думать – это не две разные вещи. Желание понять означает, что присутствует движение мысли. Ты добавляешь силы этому движению, придавая ему непрерывность.

Органы чувств функционируют в тебе неестественно, потому что ты хочешь использовать их, чтобы что-то получить. Почему ты должен что-то получить? Потому что ты хочешь, чтобы то, что ты зовешь собой, продолжалось. Ты защищаешь эту непрерывность. Мысль – это защитный механизм: он защищает «тебя» за счет чего-то или кого-то еще. Все, порожденное мыслью, имеет разрушительную природу: в конце концов оно уничтожит вашего брата.

Именно повторяющийся механизм мысли изнашивает тебя. Так что же ты можешь сделать с этим? – это все, что ты можешь спросить. Это единственный вопрос, и любой ответ, данный мною или кем-то другим, придает импульс этому движению мысли. Что ты можешь сделать с этим? Ничего. Она слишком сильна: ее движущей силе миллионы лет. Ты абсолютно бессилён, ты не можешь осознавать это бессилие.

Если ты практикуешь какую-нибудь систему контроля ума, автоматически присутствует «ты» и благодаря практике оно продолжает свое существование. Ты когда-нибудь медитировал, по-настоящему, всерьез медитировал? Никто этого не делает. Если ты всерьез медитируешь, то загремишь в психушку. Ты не можешь практиковать и осознанность, пытаясь быть осознанным каждый момент твоей жизни. Ты не можешь осознавать; «ты» и осознанность не могут сосуществовать. Если бы ты смог быть в состоянии осознанности хотя бы одну секунду, один раз в жизни, непрерывность бы разорвалась, иллюзия структуры переживаний, «ты» разрушилось бы, и все попало бы в свой естественный ритм. В этом состоянии ты не знаешь, на что смотришь, – это осознанность. Если ты распознаешь, на что ты смотришь, там присутствуешь «ты», снова испытывая старое, то, что ты знаешь.

Я не знаю, что заставляет одного человека, а не другого, попасть в это состояние. Может быть, это записано в клетках. У него нет причины. Это не может быть усилием воли с твоей стороны; ты не можешь вызвать его. Ты не можешь ничего сделать. Можешь не доверять любому человеку, кто будет рассказывать тебе, как он попал в это состояние. Одно ты можешь знать точно: он сам не может этого знать и не может сообщить это тебе. В теле заложен пусковой механизм. Если случается так, что мысленная структура переживаний отпускает тебя, то другая сторона возьмет свое. Функционирование тела станет совершенно другим, без вмешательства мысли, за исключением тех ситуаций, когда необходимо общение с кем-то. Тебе остается, как это говорится в боксе, «выбросить полотенце», признать себя

побежденным, быть совершенно беспомощным. Никто не может помочь тебе, и сам ты не можешь.

Это состояние не в твоих интересах. Тебя интересует только продолжение. Ты хочешь продолжаться, возможно, на другом уровне, действовать в другом измерении, но ты хочешь каким-то образом продолжаться. К этому страшно прикоснуться. Это ликвидирует то, что ты называешь собой, всего тебя – высшее «я», низшее «я», душу, *атмана*, сознание, подсознание – все это. Тыходишь к чему-то, но потом говоришь: «Мне нужно время». Поэтому появляется *садхана* (вопрошание и религиозное стремление), и ты говоришь себе: «Завтра я пойму». Эта структура порождена временем и действует во времени, но не кончается со временем. Если ты не понимаешь сейчас, ты не поймешь никогда. Что тут понимать? Почему ты хочешь понять то, что я говорю? Ты не можешь понять того, что я говорю. С твоей стороны это тщетные усилия – пытаться соотнести описание того, как я функционирую, с тем, как функционируешь ты. Это нечто такое, чего нельзя передать. Да в этом и нет необходимости. Диалог невозможен. Когда нет «тебя», когда нет вопроса, остается понимание. С «тобой» покончено. «Ты» уйдешь. И никогда не станешь слушать, как кто-то описывает свое состояние, и не будешь задавать вопросы о понимании.

То, чего ты ищешь, не существует. Ты бы с большим удовольствием ступил на зачарованную землю с блаженными видениями радикальной трансформации этого несуществующего «я» в состояние, вызываемое некими чарующими фразами. Это уводит тебя от твоего естественного состояния – это движение от себя. Чтобы быть собой, нужны выдающиеся способности. Ты «благословлен» этими способностями; никто не должен давать их тебе и никто не может забрать их у тебя. Тот, кто позволяет им выражаться по-своему, и есть естественный человек.

Часть III

Нет силы вне человека

(Интервью, взятое профессором ХСК, Майсор, Индия)

Человеку необходимо освободиться от прошлого всего человечества, не только от своего прошлого. То есть, ты должен освободиться от всего того, что каждый человек думал, чувствовал и испытывал до тебя, – только тогда ты сможешь быть самим собой. Единственная цель моих разговоров с людьми – указать на уникальность каждого индивида. Культура или цивилизация, или назовите это как хотите, всегда пыталась вместить нас в структуру. Человек – вовсе не человек; я называю его «уникальным животным» – и человек будет оставаться уникальным животным до тех пор, пока на нем лежит груз культуры.

Природа порой каким-то своим образом выдает какой-нибудь цветок, законченный продукт человеческой эволюции. Эволюционный процесс не может использовать его как модель для создания другого – вот почему я говорю, что это законченный продукт человеческой эволюции, – она выдает один цветок, вот и все, понимаешь. Такой цветок ты можешь поместить в музей и смотреть на него – это все, что ты можешь сделать.

Вам не нравится то, что я говорю, потому что это подрывает всю индийскую культуру и психологическую надстройку, воздвигнутую на фрейдистской фальшивке. Вот почему психологи и религиозные деятели настроены против меня – им не нравится то, что я говорю, ведь это их хлеб. Со всем этим покончено: всему религиозному и психологическому бизнесу придет конец в следующие двадцать или тридцать лет.

Вопрос: *Сэр, какую роль приходится играть Индии в сегодняшнем мировом кризисе?*

У. Г.: Кризис, который мир претерпевает, должен породить *нечто*, [для того чтобы мир] мог спасти себя. Я думаю, это должно прийти, и придет оно с Запада – не знаю, откуда именно, но у Индии нет никакого шанса.

В: *Искреннее ли вопрошание там на Западе?*

У. Г.: *Очень* искреннее. Они ставят под вопрос свои *ценности*. Сейчас это всего лишь стадия восстания и реакции, но они хотят ответов. Это прагматичные люди, они хотят ответов; их не удовлетворяют одни лишь обещания.

Так выглядит ситуация – иначе человек обречен, понимаешь. Но человек не исчезнет; каким-то образом он выживет. Я не проповедую теорию конца света – я не предсказатель конца света. Но я верю, что это придет с Запада. Понимаешь, оно должно *откуда-то* прийти, и этой страной будет *не* Индия.

В: *Вы совершенно точно уверены?*

У. Г.: Я в этом уверен, потому что половину своей жизни я прожил на Западе – первую половину в Индии, а теперь вторую половину на Западе.

В: *Как вы пришли к такому выводу? Разве вы не считаете, что Индия выработала своего рода философию?*

У. Г.: Вчера я цитировал отрывок из Эмерсона. Я очень редко кого-то цитирую. Знаешь, он говорит, это очень интересно, что если ты хочешь, чтобы твой ближний поверил в Бога, дай ему увидеть, каким тебя может сделать Бог. Бесполезно рассуждать о Боге как любви, о Боге как истине, о Боге как том и сем.

Так вот, это самое интересное: пусть *мир увидит*, каким тебя может сделать Бог. Точно так же, ты должен привести свой дом в порядок. Он находится в хаотичном состоянии – Индия – никто не знает, куда она катится. И если есть что-то в вашем духовном наследии

(а там много всего; я ни на секунду не отрицаю этого; Индия породила такое множество святых, мудрецов и спасителей человечества), если *это* наследие не в силах помочь *этой* стране привести свой собственный дом в порядок, как, по-твоему, эта страна может помочь миру? Это первое.

Второе: тебе приходится пользоваться современной терминологией, новыми фразами. Люди на Западе заинтересованы, очарованы из-за новой терминологии, новых фраз, и они чувствуют, что представляют собой нечто, оттого что могут повторять эти вещи, – вот и все. Ты учишь новый язык и начинаешь говорить на нем, и чувствуешь себя великолепно, но по сути своей это никак не помогает тебе.

Ну и как может это великое наследие, которым так гордятся все индусы, помочь прежде всего этой стране? Почему оно не может помочь нашей стране? – вот в чем мой вопрос.

В: Помочь в каком смысле?

У. Г.: Прежде всего должна быть экономическая стабильность – каждый должен быть накормлен, одет и иметь крышу над головой. Бедности в этой стране нет оправдания – мы уже более тридцати лет являемся свободной страной. Почему все это до сих пор продолжается здесь? Это мой основной вопрос. Не то чтобы у меня были ответы. У меня нет ответов. Если бы у меня были ответы, я бы не сидел тут, болтая с тобой; я бы делал что-то. Понимаешь, индивидуально никто не может ничего сделать – такова ситуация. Коллективное действие несет с собой проблемы – моя партия, моя система, моя техника; твоя партия, твоя система, твоя техника – и все эти системы в конце концов оказываются на поле битвы. Все их силы растрачиваются на попытки...

В: Склонить на свою сторону?

У. Г.:... склонить людей к своим политическим позициям. Но эти системы никоим образом не разрешили проблемы – вот и все, что я хочу сказать.

В: Страна не может спасти себя? Наследие не способно помочь?

У. Г.: Страна не может спасти себя. Наследие, по-видимому, не способно помочь людям, к сожалению.

В: (Невнятно)

У. Г.: Я говорю то же самое. Психологи, например, исчерпали свои возможности – теперь они смотрят на Индию. Они ходят по всем этим святым, йогам, тем, кто учит, – ты упоминал Трансцендентальную Медитацию. Они действительно заинтересованы, но хотят подвергнуть это проверке. Они хотят результатов, понимаешь, не просто болтовни, не просто каких-то духовных переживаний и духовных фантазий. Это должно найти применение, чтобы *решить проблемы этого мира*, – вот что их интересует. Итак, мой аргумент или мой акцент в том, что им необходимо найти решения их проблем. У ученых свои проблемы, у технологов свои проблемы – они должны предложить решения своих проблем – это прежде всего. Этим людям бесполезно обращаться к святым, понимаешь.

В: Они должны найти ответы своими способами.

У. Г.: В своей собственной области – они должны предложить решения своих проблем. Наши решения не дают никаких ответов на эти проблемы – не только на эти проблемы, но и на твои повседневные проблемы. Человека интересуют только решения, а не рассматривание проблем. Вы говорите, что у этих великих мудрецов и святых есть ответы на наши проблемы. Тогда почему же мы до сих пор задаем те же самые вопросы?

Почему мы до сих пор задаем те же самые вопросы? Итак, это не ответы. Если бы они были ответами, вопросов бы не было. Тот факт, что мы все еще задаем вопросы, означает, что они не являются ответами. Итак, *решения*, предложенные для наших проблем, не являются решениями. Иначе почему бы проблемы оставались проблемами?

Так что ответственность сейчас лежит на *каждом* индивиду; не на какой-то определенной стране – Индии, Америке или России. Понимаешь, индивид должен найти свои ответы

на вопросы. Вот почему каждый индивид является спасителем человечества – но не коллективно. Если он сможет найти ответ на свой вопрос или решение своих проблем, у человечества в целом, возможно, есть надежда – потому что все мы вместе: что бы ни происходило в Америке, влияет на нас; что бы ни происходило здесь, воздействует и на другие страны.

Видишь ли, весь мир сегодня думает в понятиях всего мира в целом, по крайней мере, теоретически, но никто не готов отказаться от суверенитета своей страны. Это действительно главная загвоздка. Европейское Экономическое Сообщество – они объединились только по экономическим причинам, и ни по каким другим. Каждая нация до сих пор отстаивает свой суверенитет – но это то, что должно исчезнуть в первую очередь, понимаешь.

Даже такие могущественные страны, как Америка и Россия, не способны решить проблемы. Как этот ирано-иракский конфликт – что они делают? Они просто отправляют туда свои ядерные суда, которыми не могут воспользоваться. Так что даже *они* не способны остановить движение мира, контролировать события в мире.

Если даже *они* не могут, каким образом, по-твоему, может Индия? Мы можем гордиться тем, что Индира Ганди послал эмиссара в Иран. Что из этого выйдет? Другие нации используют Индию. А Индия не может ни на кого повлиять – никак. Никто *не слушает* Индию, потому что Индия не в состоянии *ничего* сделать ни в экономической, ни в политической, ни в военной сфере. Этакая отсталая нация. Посмотри, мы только говорим о мире. Почему бы Индии не взорвать водородную бомбу? – я спрашиваю. Сможете ли вы произвести это оружие или нет – это уже другой вопрос. Китай становится все сильнее и сильнее – они не станут слушать всю эту болтовню. Индия – всем плевать на Индию – такова ситуация.

Иллюзия, которую мы питаем, что все эти *гуру*, вышедшие из Индии, меняют мир, на самом деле всего лишь фантазия. В действительности влияние всего этого равно нулю! *Нулю!* Люди, которых привлекают такие вещи, совсем не те, кто способен править судьбами своих стран, – это факт.

В: *Но как может наше богатое наследие помочь решению материальных проблем?*

У. Г.: Оно не способно решить их из-за своей ошибочности, потому что фальшиво, оно не срабатывает в жизни людей – вот почему оно не способно помочь решению экономических проблем этой страны. Мы веками рассуждали о единстве жизни. Как ты оправдаешь существование этих трущоб? Как ты оправдаешь существование десяти кроров харджанов (т. е. ста миллионов неприкасаемых) в этой стране? Пожалуйста, у меня нет ответов; я просто показываю абсурдность наших притязаний на некую экстраординарность нашего наследия.

В: *Это означает, что мы не переводим его в действие.*

У. Г.: Мы живем в несоответствии с нашими надеждами и ожиданиями нашей великой традиции или наследия, как бы мы это ни называли.

В: *Это не означает, что наше наследие фальшиво или что наши ценности ошибочны.*

У. Г.: Как это может утешить нас? Что в этом хорошего? Это как говорить: «Мой дед был очень богатым человеком, мультимиллионером», когда я не знаю, где взять пищу в следующий раз. Какой толк постоянно говорить себе, что мой дед был мультимиллионером? Точно так же, Индия произвела на свет великих святых, духовных гигантов, а среди нас нет ни одного, понимаешь, так что какой смысл все время повторять, что наше наследие так велико и грандиозно, или восхвалять величие нашего наследия? Какой в этом прок? Оно должно помогать нашей стране. Так почему вы не ставите его под вопрос? Может быть, что-то не так во всем этом деле? Вот почему я так говорю: несмотря на тот факт, что культура Индии считается чем-то экстраординарным, великой культурой, несмотря на факт, что каждый говорит о духовности, *дхарме*, о том или о сем, Индия породила только горстку великих учителей, и они не произвели других подобных им учителей. Покажите мне еще одного Рамануджачарью. Только один Рамануджачарья, только один Шанкарачарья и только

один Мадхавачарья, только один Будда – а? – только один Махавира. Их всех по пальцам можно пересчитать.

Мы не берем в расчет этих *гуру*, потому что *гуру* – это как священники на Западе. В Индии есть эта свобода, так что каждый устанавливает свою собственную крошечную лавчонку и торгует своим особым товаром. Вот почему в Индии так много *гуру*, так же как священников на Западе. На Западе организованная религия уничтожила все возможности индивидуального роста, понимаешь – они уничтожили любое инакомыслие, любую возможность для индивида вырасти в духовного учителя, как в Индии. Но, к счастью, у Индии была эта свобода, и она породила очень многих.

Но, несмотря на все это, несмотря на тот факт, что вся атмосфера религиозна (что бы ни означало это слово; для меня религия, о которой вы говорите, не что иное, как суеверие; празднование всех этих постов, пиров, торжеств и хождение в храм не является религией, понимаешь), никто из этих учителей не произвел еще одного учителя. Не может быть еще одного Будды в рамках буддизма. Не может быть другого Рамануджачарьи в рамках этой философской школы. Они оставили после себя – либо они оставили, либо их последователи создали – эти маленькие, крошечные колонии. И вот все эти колонии постоянно спорят – следует ли ставить «U» *нама* или «V» *нама*, спорят в судах, ставить ли слонам метку «V» или «U». Все это деградировало до такой банальности в наши дни.

Итак, способна ли Индия произвести на свет выдающегося гиганта, подобного тем людям? – это вопрос, который должен задать себе каждый житель этой страны – это во-первых. Во-вторых: действует ли эта религия, наследие, о котором вы говорите, в жизни людей? И третий вопрос: может оно каким-то образом помочь решению экономических и политических проблем этой страны? Мой ответ на все эти вопросы – нет.

В: Но разве эти два аспекта не принадлежат двум разным планам бытия?

У. Г.: Нет. К сожалению, мы разделили жизнь на материальную и духовную – это самый большой уход от реальности, который мы создали. Все же едино, понимаешь; ты не можешь поделить жизнь на материальную и духовную. *Вот* где мы сбились с пути. Как на Западе: только по воскресеньям они все религиозны – по воскресеньям они ходят в церковь, а всю остальную неделю они чудовища.

Как ты думаешь? Какой толк читать эти книги, механически их повторять? Люди повторяют, повторяют, повторяют – они даже не знают значения того, что они повторяют. Я каждое утро слушаю религиозную музыку – не то чтобы она меня интересовала; просто я здесь и тут есть радио, вот я и настраиваюсь. Эти религиозные песни – что это такое? Они понимают значение того, что они поют? Это порнография, прошу прощения – в самом деле, это порнография. Я пришел к выводу, что сочинители этих *стотр* (стихов) испытывали сексуальный голод, и потому они облекли это во внешнюю форму, перенесли это на богиню. В этих *стотрах* они не упускают ни единой анатомической части женского тела. Я не осуждаю.

Всем этим вещам можно давать мистические объяснения – меня не интересуют мистические объяснения – это всего лишь прикрытие, политика неразглашения со стороны тех, кто хочет подавить вопрошающее отношение некоторых людей, желающих знать, *почему* присутствуют эти вещи.

Я только что говорил тут людям: поклонение быку в храме и поклонение Шиве – знаешь эту штуку с йони и лингамом – пришло по наследству от первобытного человека, для которого секс был высочайшим наслаждением, известным ему. Позднее человек испытал блаженство, благодать, и все это уступило свои позиции; но изначально секс был важнее всего. Даже крест – это фаллический символ.

В церкви дают вино и хлеб – что это значит на самом деле? Видишь ли, они переняли это от дикарей – когда умирал герой, они поедали его плоть и пили его кровь в надежде, что обретут его великие героические качества. И это передавалось из поколения в поколение.

Мы, сами того не зная, продолжаем все эти глупости. Понимаешь, я не виню никого, но о каком наследии ты говоришь: может оно на самом деле решить экономические проблемы этой страны?

Политические и экономические проблемы идут рука об руку. Ты не можешь разделить их; они едины. Это единое целое. Почему вы разделяете их? Можно ли изменить страну без политической революции? Невозможно. А политическая революция в этой стране тем более невозможна, потому как ваша конституция говорит, что если быть переменам, то они должны быть в рамках вашей конституции. Это кладет конец возможности какого бы то ни было восстания против правительства у власти. И как ты полагаешь изменить это? Чтобы тебя избрали членом парламента, ты должен иметь миллионы рупий, ты должен делать там деньги. Они там не для того, чтобы служить стране – совсем нет, – так что не обвиняйте их.

Я говорю, что всеми этими социальными проблемами должно заниматься правительство; в этом мире нет места частной благотворительности. Если правительство не выполняет свой долг, выкиньте это правительство. Заставьте их делать это. Так что, если они не делают этого, вы в ответе. Зачем винить политиков? Вините себя.

В: Но правительство, которое избирается, представляет определенный класс.

У. Г.: Богачи, понимаешь – «Я хочу, чтобы мои пять акров земли были обеспечены». У меня нет ни одного, так что меня это не волнует – земельный потолок – ничто не влияет на меня. Даже если коммунисты придут к власти, мне терять нечего.

Не то чтобы коммунисты могли решить проблемы; никто, никакая партия не может решить проблемы Индии; только Бог, если он есть и если *Он* может. Но вот проблемы Индии он решить не может. (*смеется*) Это отнюдь не пессимистическая оценка проблем Индии, но я не вижу такой возможности. Я не вижу никакой надежды для этой страны. Я *хочу*, чтобы эта страна играла очень важную роль в мировых событиях. Я был бы в *полном* восторге (*смеется*), если бы Индия могла сыграть важную роль. Даже Бог не может этого сделать. Если всемогущий, всесильный Бог, если таковой есть – я не знаю, есть ли он – если он не может этого сделать, что можем я и ты?

Так что я думаю, однажды... Понимаешь, люди так слабы, они никак не взорвут все это одним махом. Если бы *все* взорвалось, возможно, была бы надежда... Видишь ли, проблема этой страны в том, что Индия получила свою свободу на золотом блюде, тогда как все другие страны *тяжело* трудились и *боролись* за свою свободу, *умирали* за свободу, – это *действительно* проблема. Жаль, что британцы правили Индией; если бы ей правили французы или еще кто-то, это была бы другая страна. В Китае были эти ужасающие военные предводители; Индия не может произвести на свет такого вождя, как Мао Цзедун. Как может Индия породить такого человека, как Мао Цзедун?

Но дело еще в том, что нет смысла искать примеры для подражания в этих коммунистических странах; Индия должна развернуть свою собственную, присущую ей революцию. Мао Цзедун бы здесь потерпел полный крах; она должна произвести местный продукт (если можно так сказать). Но, видимо, еще не пришло время для этого. Видишь ли, если только это не произойдет в Индии, нет шансов, нет надежды.

Понимаешь, времена порождают определенных личностей: в то время Индии нужен был такой человек, как Ганди, и он был готов; Англия нуждалась в человеке вроде Черчилля, и он появился; Франции нужен был такой человек, как де Голль, и он пришел; Германии нужен был Гитлер, и он пришел. Я совсем не поддерживаю его, но не один Гитлер был виновен; в то время за ним стояла вся нация. Если вы вините Гитлера, вы должны винить каждого немца – он был продуктом того времени. Сразу после войны англичане выкинули Черчилля. Это была великая нация – Англия была действительно великой нацией – они знали, что Черчилль не сможет ничем помочь решению проблем Англии. Я лично не верю, что Индия получила свободу благодаря Ганди. Ситуация в мире была *такова*, что британцам *пришлось*

быть очень дружелюбными и выйти из Индии по-хорошему – и в *этом* была наша трагедия. И я не знаю, сколько это будет продолжаться.

Видишь ли, я не работаю на Индию, поэтому у меня нет никакого права критиковать ее. Мы сидим тут и обсуждаем кабинетную политику. Но я не имею права выступать против кого-то в Индии, потому что я тут не работаю.

Если я найду выход, я буду *первым*, кто *покажет* его тебе. Я не верю в движение за возрождение этой мертвой религии. Что вы хотите возродить в этой стране? – скажи мне. Возродить *ничего*. Построить еще больше храмов? Зачем? Их и так много тысяч. Зачем еще один храм? Только для собственного самоутверждения, а вовсе не для религиозного благоденствия страны. Еще один *ашрам*? Для чего? Уже и так столько *ашрамов*, столько *гуру*.

Такая ситуация, по-видимому. Мы все так беспомощны. У нас есть надежда – может быть, однажды Индия породит подходящего человека – но условия еще не созрели. Когда они созреют, я не знаю. Страдания, видишь ли – у людей в этой стране очень странное *отношение*. Фатализм, который практикуется в Индии столетиями, ответствен за плачевное положение этой страны сегодня.

В: *Вы думаете, что усилия всех этих святых – таких людей, как, например, Саи Баба – все они бесполезны?*

У. Г.: *Что он делает? Что он делает? И если он аватар, коим представляется, и если он не может, то кто может? – скажи мне. Что-то где-то не так.*

В: *Так что, все это тщетно?*

У. Г.: По-моему, тщетно. Они ничего не могут сделать.

В: *Они творят чудеса, что-то создают из пустоты.*

У. Г.: Какой из этого толк? Какой прок в этих чудесах? Он не может сотворить чудо из чудес, которое необходимо, чтобы преобразить саму жизнь, весь образ мысли. Может он это сделать?

В: *Он привлекает множество людей, включая так называемых интеллектуалов.*

У. Г.: Интеллектуалы – это самые скучные и тупые люди (*смех*) – они самые доверчивые. Я не говорю именно о Саи Бабе. Я ничего не знаю о Саи Бабе. Меня не интересуют чудеса, вот в чем дело. Он святой номер один в этой стране, потому что собирает многочисленную публику, хм? В этом отношении (*смеется*) он номер один, а еще есть номер два, три, четыре, видишь – у нас есть классификации в соответствии с тем, сколько людей они собирают.

Так вот, я не знаю, что он может. Это будет чудо из чудес – меня не интересует материализация часов, ни швейцарских, ни индийских, – но это будет чудо из чудес, и если есть в этом мире какой-нибудь *аватар*, способный совершить это чудо, я буду первым, кто поприветствует его. Он не может этого. Никто не может.

Помочь может не *аватар*; помочь может индивидуальность. Это индивидуальная проблема, так что *аватар* помочь не в силах. В каждом человеке есть спаситель, и если этот спаситель обнаружится и раскроется, тогда есть надежда. Но когда?

В: *Провидцы Упанишад, я полагаю, все были людьми, которые раскрылись индивидуально.*

У. Г.: Если бы в учениях *Упанишад* было бы что-то стоящее, тогда не возникло бы необходимости в приходе Будды. Почему он появился? Они создали возможность, потребность в людях, подобных Будде – он появился после *Упанишад*. Видишь ли, ведический материал распался, тогда на сцену вышли провидцы *Упанишад*; и они провалили все дело, тогда пришел Будда; и после него столько людей. Буддизм в этой стране деградировал, и потому должен был появиться Шанкара; и его последователи сделали то же самое, так что возникла необходимость в Рамануджачарье – то же самое, понимаешь – а потом Мадхавачарья. Где же место для всех этих учителей?

Возможно, снова возникла нужда в еще одном учителе – лишь Богу известно. Я не знаю, рядом ли он. Даже *аватары*, которые есть среди нас, кажется, не способны совершить *это* чудо, необходимое, чтобы спасти *эту* страну и весь мир.

В: *Какое у вас представление о Боге? Вы очень часто говорите, что только Бог может помочь.*

У. Г.: Нет, это просто манера говорить. (*смеется*) Человека надо спасать от Бога – это очень важно, потому что... Я не имею в виду Бога в том смысле, в каком вы используете слово «Бог»; я имею в виду все, что символизирует «Бог», не только Бога, но и все, что связано с этим представлением о Боге, даже *карму*, реинкарнацию, перерождение, жизнь после смерти, все, все то, что вы называете «великим наследием Индии», – все это, понимаешь. Человека нужно спасать от наследия Индии. Не только людей; страну нужно спасать от этого наследия. (Не революцией, не так, как это сделали в коммунистических странах, – это не выход. Я не знаю почему; понимаешь, это очень скользкий предмет.) Иначе нет никакой надежды для человека и для страны.

Не то чтобы он должен стать анти-Богом или атеистом. По-моему, теист (верящий в Бога), неверующий и тот, кто находится где-то между ними и зовется «агностиком», – все они в одной лодке.

Я лично чувствую, что вне человека нет силы, понимаешь – нет силы вне человека – вся сила, что есть, содержится внутри человека. В таком случае – а для меня это факт – нет смысла облекать эту силу во внешнюю форму, создавать какой-то символ и поклоняться ему, понимаешь? Вот почему я говорю, что Бог, вопрос Бога, не имеет отношения к человеку сегодня. Не знаю, ясно ли я выражаюсь.

Не то чтобы все вы должны были сжечь все религиозные книги и снести все храмы. Это слишком глупо, слишком смешотворно, потому что все, что представляют собой храмы и религиозные книги, находится в человеке, а? – оно ведь не снаружи. Так что нет смысла сжигать все эти библиотеки и делать костер из всех этих религиозных книг, как это сделал Тамилиан Рамасвами Найкер, – это слишком глупо; это не выход, понимаешь.

Так вот почему Бог не имеет отношения к делу – потому что человек должен полагаться все больше на свои собственные ресурсы. Наследие, о котором вы говорите, породило нынешнего человека, все, что есть в нем. И не то, что в *Упанишадах*, не то, что... Все эти учителя – то, что они думали, что испытывали, все это составляет часть этого человека. Оно должно выразить себя в новой форме, иначе не очень-то...

Если вы говорите о Боге, это совершенно *бессмысленно*; каждый *становится* верующим или неверующим, а в конце концов оказывается дерущимся на поле боя. Какой смысл в их возрождении ислама? Что такое ислам, о котором говорят все эти люди? Они и между собой дерутся, эти подразделения, точно так же как индуисты, их мелкие религии, спорят друг с другом. Вот почему я говорю, что Бог не имеет отношения к человеку в современном контексте. То, что «Бог» символизирует, уже и так содержится в человеке – вне человека нет силы – и она должна выразить себя по-своему.

В: *Итак, вы верите в теорию эволюции?*

У. Г.: Видишь ли, теорию Дарвина можно вообще не брать в расчет – его основополагающее утверждение, что приобретенные характеристики не передаются из поколения в поколение, оказалось неверным. Возможно, в эволюции и есть что-то – может быть, – но что именно мы подразумеваем под «эволюцией»? Простые вещи становятся сложными, хм? Человек сегодня стал настолько сложной особой, что ему надо бы двигаться в противоположном направлении. Говоря «в противоположном направлении», я совсем не имею в виду, что мы должны пропагандировать обратное развитие. Видишь ли, о возврате назад и начале заново с самого первого года не может быть и речи; человек должен начинать оттуда, где он находится сейчас.

Но я считаю, что у человека нет свободы действия. Я не имею в виду фатализм, который индусы практиковали и практикуют до сих пор: я хочу сказать, что у человека нет свободы действия в смысле изменения себя, освобождения себя от бремени прошлого.

Человеку необходимо освободиться от бремени прошлого, от великого наследия, о котором вы говорите. Если только индивидуум не освободится от бремени прошлого, он не сможет выдать новых решений проблем; он повторяет те же самые старые... В общем, это дело индивидуума. Он должен освободиться от всего прошлого, от наследия, о котором вы говорите, – то есть он должен порвать с накопленной мудростью веков – только тогда он сможет найти решения проблем, стоящих сегодня перед человеком.

Это не в его власти; он ничего не может сделать, чтобы освободиться от бремени прошлого. В этом смысле я и говорю, что у человека нет свободы действия. Ты свободен прийти сюда или не прийти, изучать или преподавать экономику или философию, или еще что-то – *в этом* у тебя есть ограниченная свобода. Но ты не свободен контролировать или формировать события в мире – *ни у кого* нет такой власти, ни у одной страны.

Вы знаете, что Индия беспомощна. Америка – даже Америка, самая могущественная, сильная, богатая и влиятельная страна – такой она была; уже нет. Даже журнал «Таймс» не прибегает к этим фразам при описании Америки. Если даже такие страны, как Россия и Америка, не способны контролировать, а тем более формировать события в мире, что может сделать такая бедная страна, как Индия? Никакого шанса. Так что вся надежда – на отдельного человека. Но отдельный человек тоже кажется совершенно беспомощным, ведь ему нужно освободиться от *бремени* прошлого, не только Индии, но и целого мира. Может ли человек освободиться от этого бремени? Индивидуально у него как будто нет никакой свободы. Понимаешь, у него нет свободы действия – в этом-то и загвоздка. Но все-таки вся надежда на индивидуума – если по счастливой случайности ему повезет...

В: *Эти два утверждения кажутся противоречивыми. Вы говорите, что нет силы вне человека...*

У. Г.: Это делает Бога, о котором мы говорим, неуместным – Бога в том смысле, в каком вы используете это слово. Эта сила не может выразить себя из-за бремени прошлого; как только человек освобождается от бремени прошлого, тогда то, что есть, эта исключительная сила выражает себя. Видишь, в этом смысле нет никакого противоречия.

В: *Он может контролировать события?*

У. Г.: Нет, не контролировать события; понимаешь, он больше не пытается контролировать и формировать события.

В: *Он просто плывет по течению?*

У. Г.: Плывет по течению вместе с событиями. Ни тебя, ни меня не звали спасать мир. Кто давал нам такие полномочия, а? Мир существует множество веков. Столько людей пришло и ушло. А он продолжает существовать по-своему.

Итак, он освобождается от всех проблем – не только своих, но и проблем мира. И если у этого человека есть какое-то влияние, то и у этого состояния есть влияние; а если нет... Это нечто не поддающееся измерению, понимаешь.

В: *Это идеальное состояние человека?*

У. Г.: Понимаешь, животное становится цветком. Кажется, цель в этом – если вообще есть какая-то цель в Природе, я не знаю. Тут столько цветов – посмотри на них! Каждый цветок в своем роде уникален. Цель природы, по-видимому (я не могу ничего утверждать точно), состоит в создании таких цветов, *человеческих* цветов, подобных этим.

У нас всего лишь горстка цветов, их можно пересчитать по пальцам: Рамана Махарши в последнее время, Шри Рамакришна, еще некоторые люди. Не претенденты, которых мы имеем сегодня среди нас, не *гуру* – я не о них говорю. Это поразительно: человек, что сидел здесь в Тируваннамалае, – его влияние на Запад намного больше, чем влияние всех этих *гуру*,

вместе взятых – очень странно – понимаешь? Он имел огромное влияние на совокупность человеческого сознания – этот человек, живущий в одном углу, ты понимаешь?

Я был у одного промышленника в Париже. Его ничуть не интересуют религиозные вопросы, а тем более Индия; он антииндуист. *(смеется)* Так вот, я увидел там фото Раманы Махарши: «Зачем у тебя эта фотография?» Он сказал: «Мне нравится лицо. Я о нем ничего не знаю. Мне даже не интересно читать его книги. Мне нравится фотография, поэтому она здесь. Мне не интересно узнавать что-то о нем».

Возможно, такая индивидуальность может (я не могу сказать «может») помочь себе и помочь миру. Возможно.

В: *Еще один вопрос... Я не знаю, я выражусь грубо, приблизительно. Я самый невежественный человек.*

У. Г.: Ты можешь высказаться в самой грубой форме. Ты не так уж невежествен; говорят, ты мудрейший человек. Тот, кто написал биографию Рамануджачарьи, не может быть невеждой.

Я тут иногда дразню нашего профессора, проповедующего *адвайту* (монизм Шанкары): «Ты не можешь выйти за пределы позиции Рамануджи, если говорить о философии. На этом она заканчивается. Монизм это нечто, о чем невозможно говорить, – для практических целей он не существует. Это предел». Я не про-Рамануджачарья и не анти-Шанкара. Насколько я вижу – как изучавший философию. Я изучал философию – уйти дальше этого парня Рамануджачарьи нельзя. Можешь со мной не согласиться. Говоря о философской позиции, положение Рамануджачарьи – это граница, предел. А остальное? Может быть, и есть... В ситуации монизма это нечто, о чем невозможно говорить и что нельзя применить, чтобы что-то изменить в этом мире.

В: *Это идеальное состояние человека...*

У. Г.: Человек впервые становится человеком – а это возможно только тогда, когда он освобождается от бремени наследия, о котором мы говорим, наследия человека в целом (не Запада и Востока; нет ни Запада, ни Востока). Лишь тогда он становится индивидуальностью – вот о какой индивидуальности я говорю.

Эта индивидуальность обязательно будет оказывать влияние на человеческое сознание, потому что когда что-то происходит в этом сознании человека, оно влияет (на целое), может быть, в микроскопической степени. Вот сравнение: когда бросаешь камень в пруд, он пускает круги волн. Точно таким же образом, это происходит, *очень, очень* медленно – и это ничем не измеришь.

Так вот, может быть, это единственная надежда, которая есть у человека, – тогда индивид впервые становится человеком, а иначе он животное. И он остался животным благодаря наследию, потому что наследие сделало возможным остаться неприспособленному с точки зрения Природы; иначе Природа давно бы отторгла их. Для неприспособленных появилась возможность выжить – не выживание самых приспособленных *(смеется)*, но неприспособленных – и в ответе за это религия. Такой у меня довод. Можешь не соглашаться. Ты не согласишься.

В: *Означает ли это, что этот идеальный человек...*

У. Г.: Он не совершенный человек, не идеальный человек – он не может быть моделью для других.

В: *Как вы его называете?*

У. Г.: Он – *индивидуальность*. Он становится человеком, освободившимся от всех животных черт в нем. Понимаешь, животные следуют, животные создают вожаков, и животные черты все еще существуют в человеке – поэтому он создает лидера, вожака, и следует за ним.

В: *Он нечто вроде супермена?*

У. Г.: Он как цветок. Это как цветок. А *каждый* цветок уникален.

В: *Его состояние – это естественное состояние, которое вы очень часто упоминаете?*

У. Г.: *Ты становишься самим собой.* Видишь ли, *шок* оттого, что твоя зависимость от наследия человечества была ошибочной, – осознание, озаряющее тебя, как удар молнии, что твоя зависимость от этой культуры, будь то восточной или западной, в ответе за это состояние в *тебе*. Это относится и к целому, потому что страна – это расширение индивида, а мир – это расширение различных стран. В общем, ты освобождаешься от бремени прошлого и становишься, впервые, индивидуальностью.

Между этими двумя цветами нет никакой связи, так что нет смысла сравнивать и противопоставлять эти уникальные цветы, что Природа выдает время от времени. Они по-своему оказали некое влияние, хотя все вылилось в какие-то мелкие колонии, воюющие между собой, вот и все. Это продолжается и продолжается. Кого звали спасать этот мир?

В: *Разве нельзя сказать, что это колония цветов?*

У. Г.: Но у каждого цветка свой собственный аромат. Если бы не наследие человека, которым мы так гордимся, у нас было бы множество таких цветов. Оно уничтожило то, что Природа... (не то чтобы я интерпретировал или понимал пути Природы, цель эволюции или что-то такое; может быть, и нет никакой эволюции.) Если бы не культура, Природа бы породила намного больше цветов – так что это стало *камнем преткновения*, который мешает человеку освободиться своим собственным образом. И в ответе за эту трудность культуры.

Ну, этот цветок – какую ценность он представляет собой для человечества? В чем его ценность? На него можно смотреть, восхищаться им, написать стихотворение, нарисовать его, или можно его сломать и выкинуть, или скормить корове – и все равно он *есть*. Он совершенно бесполезен для общества, но он есть.

Если бы не культура, мир бы произвел гораздо *больше* цветов, *разных* видов и разновидностей цветов, не только одну розу, которой вы так гордитесь. Вы все хотите превратить в одну модель. Зачем? Тогда как природа бы выдавала время от времени разные цветы, каждый из которых уникален по-своему, прекрасен по-своему. Эту возможность уничтожила эта культура, которая держит человека мертвой хваткой, не давая ему освободиться от бремени всего прошлого.

В: *Это естественное состояние – то же самое, что настоящий человек?*

У. Г.: Да, он перестает быть кем-то еще; он то, что он есть, а?

В: *Сэр, вы достигли этого на сорок девятом году жизни?*

У. Г.: Этот шок, эта молния, ударившая меня с огромной силой, разрушила все, взорвала каждую клетку и железу в моем теле – по-видимому, изменилась вся его химия. Этому нет медицинского свидетельства или врача, который подтвердил бы это, но меня не интересует удовлетворение чьего-то любопытства, я ведь это не продаю, я не коллекционирую последователей и не учу их, как вызвать эти изменения. Это нечто такое, что нельзя вызвать силой воли или усилиями с твоей стороны; это просто происходит. Я говорю, что оно беспричинно. В чем его цель, я на самом деле не знаю, но это нечто, понимаешь.

В: *Произошла трансформация?*

У. Г.: Меняется вся химия тела, так что оно начинает функционировать своим естественным образом. Это значит, что все *отравленное* (я намеренно употребляю это слово) и *загрязненное* культурой выбрасывается из системы. Оно удаляется из системы, и тогда это сознание, или жизнь (или назови это как угодно), выражает себя и функционирует очень естественным образом. Все это должно быть извергнуто из твоей системы; иначе, если ты не веришь в Бога, ты становишься атеистом и проповедуешь атеизм, учишь ему и обращаешь в него. Но эта индивидуальность не является ни теистом, ни атеистом, ни агностиком; она то, что она есть.

Движение, созданное человеческим наследием, которое пытается сделать из тебя что-то отличное от того, кто ты есть, прекращается, и то, чем ты являешься, начинает проявляться, по-своему, беспрепятственное, свободное, неотягощенное прошлым человека, человечества в целом. И такой человек становится бесполезным для общества; напротив, он становится угрозой.

В: *А вопроса о том, чтобы быть полезным, не возникает?*

У. Г.: Совсем нет. Он не считает себя избранным, избранным некоей силой, чтобы реформировать мир. Он не думает, что он спаситель, или свободный человек, или просветленный.

В: *Да, как только он говорит, что он спаситель человечества, он основывает традицию.*

У. Г.: Так что, когда последователи вписывают его в рамки традиции, возникает необходимость кому-то еще отколоться от этой традиции – вот и все.

В: *Когда Вивекананда спросил Рамакришну, видел ли он, тот ответил: «Да, видел». Что он имел в виду?*

У. Г.: Тебе нужно спросить у него. Я не могу ответить. Я не знаю, что он имел в виду. Но я тебе объяснил...

В: *Может быть, каждое понятие играет роль в определенных рамках. Теперь, когда он вне этого и все те вещи неуместны, он и не подумает отвечать.*

У. Г.: Мне плевать, что сказал Рамакришна, что сказал Шанкара или что сказал Будда.

В: *Вы выкинули все это?*

У. Г.: Это слово не подходит. Все это вышло из моей системы; не то чтобы я выкинул это или что-то такое. Оно просто вышло из моей системы. Поэтому все, что я говорю, зависит только от себя самого и не нуждается в поддержке каких бы то ни было авторитетов. Вот почему такой человек представляет собой угрозу для общества. Он является угрозой для традиции, потому что подрывает саму основу наследия.

В: *Вы говорите о семи холмах, семи днях...*

У. Г.: Эти семерки, как и то, что происходило со мной в течение этих семи дней, не имеет никакой значимости. Все это оккультная ерунда. В оккультизме нет совершенно ничего стоящего. Все это вообще не важно.

Как я часто говорю своим друзьям, я приезжаю в Индию не для того, чтобы освободить людей, чтобы читать лекции; я приезжаю сюда по личной причине – чтобы избежать суровой европейской зимы – к тому же, здесь дешевле. Мои разговоры с людьми случайны – я действительно имею это в виду – иначе я бы забрался на трибуну. Какой толк забираться на трибуну? Мне это неинтересно. У меня нет никакого послания.

В: *Каждый может достичь этого естественного состояния, но это не в его руках?*

У. Г.: Это не в его руках; ни в чьих руках. Но ты можешь быть уверен на тысячу процентов – это не моя особая привилегия и я не избран специально для этого чем-то; это находится в тебе. Вот что я имею в виду, говоря, что нет никакой силы вне человека. Это та же самая сила, та же самая жизнь, которая функционирует в тебе. Культура, о которой ты говоришь, подавляет ее. Нечто пытается выразить себя, а культура подавляет его. Когда это нечто отбрасывает культуру, тогда оно выражает себя своим собственным образом.

В: *Есть ли у тех, кто прошел через эту трансформацию, какие-то общие характеристики?*

У. Г.: Такой вопрос тут не возникает. Если бы я сравнивал себя со святым, в этом была бы моя трагедия. Мы не принадлежим ни к какому общему ордену, братству или чему-то подобному. Что общего у розы, нарцисса или полевого цветка? Каждый уникален и прекрасен по-своему. У каждого своя собственная красота. Нравится вам это или нет – это уже другой вопрос.

В: *Является ли уникальность показателем этой трансформации?*

У. Г.: Нет, эта индивидуальность не чувствует себя уникальной.

В: *Нет. Но для других?*

У. Г.: Вероятно. Понимаешь, выражение этого не может не быть уникальным. Когда с тобой это происходит, ты начинаешь выражать свою уникальность совершенно по-другому. Как оно будет выражать себя, ты не знаешь и я не знаю.

В: *Как вы относитесь к ученым? Вы говорили что-то вроде того, что Эйнштейн поступил очень несправедливо с человечеством.*

У. Г.: А ты не считаешь, что он причинил самый большой вред – атомную бомбу?

В: *Он просто сказал, что материя и энергия взаимозаменяемы.*

У. Г.: И в результате появилась атомная бомба. Когда встал вопрос, следует ли Америке продолжать с этим оружием, он сказал: «Да, сделайте это во что бы то ни стало. Если вы не сделаете этого, это сделает Германия». Если не Эйнштейн, то кто-нибудь другой сделал бы это.

В: *Так что у него не было выбора; ему пришлось выбирать из двух зол.*

У. Г.: Нет. Если вы будете продолжать выбирать меньшее из двух зол, в результате вы придете *только* к злу. Вот это и произошло с нами.

Я совсем не считаю его врагом номер один. Я также считаю Фрейда самым большим мошенником двадцатого века, потому что он говорил о теории, не имеющей совершенно никакого основания. Так что он мошенник двадцатого века. Но сегодня это стало сленгом: все его употребляют. Так что в этом смысле; не то чтобы я считал всех этих людей врагами человечества или что-то такое.

В: *Это изменение – вы называете его катастрофой?*

У. Г.: Видишь ли, люди обычно представляют, что так называемое просветление, самореализация, Бого-реализация или как тебе угодно (я не люблю употреблять эти слова) является собой нечто экстатическое, что ты будешь постоянно счастлив, всегда будешь испытывать состояние блаженства – такое представление сложилось об этих людях. Но когда это случается с человеком, он осознает, что на самом деле для этого нет никакого основания. Итак, с точки зрения человека, который представляет себе, что это постоянное счастье, постоянное блаженство, постоянное то и постоянное сё, это действительно катастрофа, поскольку он ожидает чего-то, в то время как происходящее не имеет к этому никакого отношения. Нет никакой связи между твоим представлением об этом и реальной ситуацией. Так что с точки зрения человека, который воображает это чем-то постоянным, это катастрофа – именно в этом смысле я и употребляю это слово. Вот почему я часто говорю людям: «Если бы я мог дать вам хоть мимолетное впечатление о том, что это такое, вы бы не захотели и притрагиваться к этому. *Вы бы убежали от этого*, потому что это совсем не то, чего вы хотите. То, чего вы хотите, не существует».

Итак, следующий вопрос: почему все эти мудрецы говорили об этом как о «постоянном блаженстве», «вечной жизни» и т. д.? Меня все это не интересует. Но ваше *представление* об этом не имеет абсолютно никакого отношения к собственно тому, о чем я говорю, к естественному состоянию. Так что меня не интересует вопрос о том, является ли кто-то другой просветленным или нет, потому что просветления вообще нет.

В: *В свете того, что вы сказали, этот вопрос оказывается не имеющим отношения к делу. У вас есть какое-нибудь послание?*

У. Г.: Для кого?

В: *Хоть для кого. Для каждого.*

У. Г.: У меня нет послания – нет послания для человечества – никакого послания. Люди спрашивают меня: «Какого черта ты постоянно говоришь?» Раз я говорю, что не могу никому помочь, то *какого черта вы сидите тут?* (Я не имею в виду лично вас.)

Я не хочу пользоваться этим «цветочным» бизнесом... Это благоухание цветка. Такая индивидуальность не может уйти в пещеру или спрятаться; она должна жить посреди этого мира; ей некуда идти. Это аромат определенного цветка – вы не знаете, что это такое.

Вы не знаете благоухания этого цветка – у вас нет такого способа – и потому вы сравниваете его: «Это пахнет как тот цветок. Это выглядит как тот цветок». Вот и все, что вы делаете. Когда вы прекращаете делать это – пытаться понять, что это за цветок и что это за аромат, неизвестный вам, – появляется еще один цветок; *не копия* того цветка, не роза, которой вы восхищаетесь, не нарцисс. Один парнишка написал «Оду нарциссам». Или роза... Почему роза приобрела такую важность? Потому что они всем нравятся. Полевой цветок вон там намного красивее розы. Как только вы прекращаете сравнивать это, пытаться понять и даже вообразить, что это за цветок, какой у него запах, появляется новый цветок, который не имеет никакого отношения ко всем тем цветам, что есть вокруг нас.

В: *Спасибо, сэр. Я изменившийся человек, по сравнению с тем, кем я был час назад.*

У. Г.: Спасибо.

Часть IV

Между недоумением и пониманием

(Отрывки из бесед в Швейцарии и Индии, с 1972-го по 1980 г.)

У меня нет никакого послания миру. Что бы ни происходило со мной, этим нельзя поделиться с миром. Именно по этой причине я не забираюсь на трибуну и не читаю лекций – не то чтобы я не мог читать лекции; я давал лекции по всему миру – мне нечего сказать. И мне не нравится сидеть на одном месте, в окружении людей, задающих неизменные вопросы. Я никогда не начинаю никаких обсуждений; люди приходят и сидят вокруг меня – они вольны делать, что им угодно. Если кто-то вдруг задает мне вопрос, я пытаюсь ответить, подчеркивая при этом, что на этот вопрос нет ответа. То есть я попросту перефразирую, перестраиваю и отбрасываю вам назад тот же самый вопрос. Это не игра, потому что я не заинтересован в том, чтобы переманить вас на свою сторону, на свою точку зрения. Это не вопрос высказывания мнений – конечно, у меня есть свои мнения обо всем, от болезни до божественного, но они так же бесполезны, как мнения других.

Вы не должны воспринимать буквально то, что я говорю. Люди, воспринимающие все это буквально, таких дров наломали. Вы должны проверять каждое слово, каждую фразу, и смотреть, имеет ли это какую-то связь с тем, как вы функционируете. Вы должны проверять это, но вы не можете принять это – к сожалению, это факт, другого не дано. Записывая это, вы принесете больше вреда, чем пользы. Понимаете, я в весьма сложном положении: я не могу помочь вам; все, что бы я ни сказал, будет вводить в заблуждение.

У. Г.: Скажи это просто. Я не могу понять очень сложную структуру – мне это трудно, понимаешь. Наверное, я слабо выраженный идиот или что-то вроде того, я не знаю – я не могу понять отвлеченное мышление. Ты можешь выразить это очень простыми словами. В чем именно твой вопрос? Потому что ответ уже там; я не должен давать тебе ответ. Обычно я перестраиваю вопрос, перефразирую его так, чтобы он оказался бессмысленным для тебя.

Вопрос: *Ответ, скрытый в вопросе, выносится на поверхность?*

У. Г.: Вот и все. Вот почему я и хочу понять, в чем именно твой вопрос. Тут нет никакой хитрости. Я не хочу подбрасывать тебе еще один вопрос. Но я должен понять твой вопрос, тогда я смогу выразить его по-своему и отбросить его назад тебе. И ты сам обнаружишь, без моих подсказок, что в этом вопросе нет никакого смысла; впрочем, я не говорю: «Твой вопрос – бессмысленный вопрос».

Знаешь, этот диалог помогает только тогда, когда мы доходим, мы оба, до сути дела и осознаем, что никакой диалог невозможен и никакой диалог не нужен. Когда я говорю «понимание», «видение», эти слова означают для меня нечто другое.

Понимание – это состояние, в котором уже нет вопроса; ничто там не говорит: «теперь-то я понимаю!» – это основная преграда между нами. Ты можешь понимать то, что я говорю, но это тебя ни к чему не приведет.

Я хочу подчеркнуть еще один момент: все вопросы, которые ты задаешь, должны быть твоими собственными вопросами – тогда есть смысл продолжать диалог. Это должен быть твой вопрос. Так есть ли у тебя вопрос, который ты можешь назвать своим собственным, вопрос, который еще никто никогда не задавал до тебя?

В: *Нас интересуют многие вопросы, которые задают люди, и мы чувствуем, что это наши вопросы.*

У. Г.: Каковыми они не являются. Ты обнаружишь, что это совсем не твои вопросы.

Вопрошающему должен прийти конец. Именно вопрошающий создает ответ; а вопрошающий возникает из ответа, иначе вопрошающего нет. Я не пытаюсь играть словами. Ты знаешь ответ и хочешь подтверждения от меня, или ты хочешь, чтобы я пролил свет на твою проблему, или тебе любопытно – если ты хочешь продолжать диалог со мной по какой-то из этих причин, ты просто теряешь время зря; тебе надо пойти к богослову, мудрецу, ученому мужу – они могут пролить свет на подобные вопросы. Все, что меня интересует в таком диалоге, это помочь тебе сформулировать твой собственный вопрос. Попробуй сформулировать вопрос, который ты можешь назвать своим собственным.

У меня вообще нет вопросов. Я прихожу сюда и сижу, и тут у меня пусто, но не в том смысле, в котором вы используете слово «пустота». Пустота и полнота – это отнюдь не две разные вещи; невозможно провести границу между вакуумом и полнотой. Но тут нет ничего – ничего, так что я не знаю, что я скажу. Что ты извлечешь из меня – это твое дело – оно твое, а не мое – тут нет ничего, что я мог бы назвать своим собственным. Это твоя собственность, потому что ты извлек из меня ответы – это не мое, я не имею никакого отношения к этим ответам. Это не ответ. Я не даю тебе никаких ответов.

Это как любое другое рефлекторное действие: ты задаешь вопрос, и что-то выходит отсюда. Я не знаю, как это работает. Это не продукт мышления. Все, что выходит из меня, производится не мыслью – но что-то выходит. Ты бросаешь мяч, и мяч отскакивает, а ты называешь это ответом. В действительности все, что я делаю, это перестраиваю вопрос и отбрасываю его тебе назад.

В: *Вопрос извлекает ответ?*

У. Г.: На вопрос *нет* ответа, так что вопрос больше не может оставаться там. В этом смысле у меня нет никаких вопросов, кроме вопросов, необходимых мне, чтобы функционировать в этом мире, – других вопросов у меня нет.

В: *Ваш ответ – это только отражение вопроса?*

У. Г.: Это не *мой* ответ, потому что вопрос больше не остается здесь. Вопрос становится как будто моим вопросом; поскольку у него нет ответа, он не ждет никаких ответов; вопрос сжигает сам себя, и остается энергия. Ты не можешь продолжать так девять или десять часов, а я могу. Это не истощение энергии, а постоянное прибавление ее. Речь является энергией: речь – это выражение этой энергии.

В: *А что, если я спрошу вас, скажем, о квантовой механике?*

У. Г.: Тут я не знаю – вот мой ответ, так что вопрос в любом случае исчезает. Все знание о квантовой механике, которым я обладаю, есть там, и оно выходит наружу, прямо, как стрела. Все, что только туда заложено, все выходит наружу. Но такие вопросы, как: «Существует ли Бог?», «Является ли жизнь простой случайностью?», «Правит ли миром совершенная справедливость?» – на эти вопросы нет ответов, так что вопрос сжигает себя.

В: *Кто я есть?*

У. Г.: *(смеется)* Ты очень хорошо знаешь, кто ты есть.

В: *Что вы имеете в виду?*

У. Г.: Действительно ли это твой вопрос – «Кто я есть?». Вовсе нет; ты его где-то подхватил. Проблема в вопрошающем, а не в вопросе. Не подхвати ты этот вопрос, подхватишь еще какой-нибудь. Даже сорок лет спустя ты так и будешь спрашивать, в чем смысл жизни. Человек живущий никогда бы не задал такого вопроса. Очевидно, ты не видишь никакого смысла в жизни. Ты не живешь; ты мертв.

Если я расскажу тебе о смысле жизни, что это даст тебе? Что это может значить для тебя?

В: *Существует ли вопрошающий?*

У. Г.: Он не существует; существует только вопрос. Все вопросы одинаковы – это механическое повторение запомнившихся вопросов. Спрашиваешь ли ты «Кто я есть?», «В чем

смысл жизни?» или «Есть ли жизнь после смерти?», все эти вопросы всплывают только из памяти. Вот почему я спрашиваю, есть ли у тебя свой собственный вопрос.

В: *Вы говорите, что вопрос «Кто я есть?» не остается там, когда в него по-настоящему внимательно всматриваешься?*

У. Г.: Потому что ты не можешь отделить вопрос от вопрошающего. Вопрос и вопрошающий – это одно и то же. Если ты принимаешь этот факт, то все очень просто: когда исчезает вопрос, вместе с ним исчезает и вопрошающий. Но поскольку вопрошающий не желает исчезать, вопрос остается. Вопрошающий *хочет* ответа на вопрос. Поскольку на этот вопрос *нет* ответа, вопрошающий остается навсегда. Интерес вопрошающего в том, чтобы продолжать свое существование, а не в получении ответа.

В: *Но все-таки внимание направлено на получение ответа.*

У. Г.: Внимание и есть вопрошающий, (как еще сказать?) ожидание ответа, надежда, что есть ответ на этот вопрос, – это и есть вопрошающий. Это не разные вещи, понимаешь; это превратилось в разные сложные ситуации. Вопрошающий сначала говорит, что он внимателен. Он очень внимателен, потому что он хочет ответа. Он не хочет намеков, которые он не может... Что он будет делать с этим ответом? Он внимателен, он ждет, он надеется – он является всем этим – а почему? Потому что на этот вопрос – «Кто я есть?» – нет ответа – у тебя нет никакой возможности узнать его *самому*.

«Кто» и «я» связаны глаголом. Так вот, «я» и «кто» – это как будто две разные вещи, а связывает их «есть». Глагол «есть» – это длительность. Когда глагол отсутствует – если глагол может (*смеется*) исчезнуть, – ничто не испытывает нужды связывать «кто» и «я»; это одно и то же.

В: *А если глагол исчезает?*

У. Г.: Вместе с ним исчезает и вопрос. Без него не может быть вопроса. «Кто я» – это бессмысленная фраза². В ней должен быть глагол «есть» – он создает разделительное движение. И вот ты создал вопрос. А этот вопрос подразумевает, что на него есть ответ; иначе ты бы не задал себе такого вопроса. Все вопросы существуют, потому что у тебя есть некий *смутный* ответ на вопрос: «Должно быть *что-то* еще кроме того, чем я являюсь сейчас». Не знаю, понятно ли я изъясняюсь.

В: *Сэр, что произойдет после смерти?*

У. Г.: Все вопросы о смерти бессмысленны – а особенно для такого молодого человека, как ты. Ты еще и не жил в своей жизни. Почему ты задаешь этот глупый вопрос? Почему он тебя интересует? Человеку, который живет, некогда задавать такой вопрос. Только человек, который не живет, спрашивает: «Что произойдет после моей смерти?» Ты не живешь. Сначала проживи свою жизнь, а когда придет время... Давай на этом и остановимся. Мне такая философия неинтересна.

Ничего не произойдет. Нет такой вещи, как смерть. Что, по-твоему, умрет? Что? Это тело распадается на составляющие элементы, так что ничего не теряется. Если его сжечь, пепел удобрит почву и будет способствовать прорастанию. Если его похоронить, им будут питаться черви. Если бросить его в реку, оно станет пищей для рыбы. Одна форма жизни питается другой формой жизни и таким образом обеспечивается продолжение жизни. Так что *жизнь* бессмертна.

Однако это не поможет тому, кто пойман в сети страха смерти. В конце концов, «смерть» – это страх, страх того, что чему-то придет конец. «Ты», каким ты себя знаешь, каким ты себя ощущаешь, не хочет прекращаться. Но оно также знает, что это тело однажды упадет за смертью, так же как другие – ты испытываешь смерть других, – и это пугающая ситуация, потому что ты не уверен, продолжит ли оно (твое «я») свое существование,

² В английском языке, в отличие от русского, глагол-связка «быть/есть» не может быть опущен. – *Прим. пер.*

если это (тело) уйдет. И тогда оно создает проекцию (жизни после смерти). Это становится самым важным – знать, есть ли жизнь после смерти или нет. Его создает страх, так что когда исчезает страх, исчезает и вопрос о смерти.

Ты не можешь испытать свою собственную смерть. Вот почему я иногда говорю людям, очень сильно заинтересованным в *мокше*, освобождении, что каждый из вас, все вы достигнете *мокши* перед самой смертью.

(смех) Но можете быть уверены, что тогда будет уже слишком поздно: тело обессилено и не может восстановить себя. Эта смерть может случиться с тобой сейчас – это то, что происходит сейчас.

У тебя нет никакой возможности знать что-нибудь о твоей смерти, ни сейчас, ни в конце так называемой жизни. Если знание, непрерывность знания, не закончится, смерть не может произойти. Ты хочешь знать что-нибудь о смерти: ты хочешь сделать ее частью своего знания. Но смерть не является чем-то мистическим; прекращение этого знания и есть смерть. Что, по-твоему, продолжится после смерти? Что там есть такое, пока ты живешь? Где этот объект? Там ничего нет – никакой души – есть только этот вопрос о том, что будет после смерти. Вопрос должен умереть сейчас, чтобы ты нашел ответ – твой ответ; не мой ответ – потому что вопрос порожден предположением, верой, что есть нечто, способное продолжаться после смерти.

В: *В определенные моменты я могу проследить отдельную логическую цепочку, высказанную вами, и я очень сильно ощущаю то, что вы говорите. Как достигается эта точка, я не знаю, но как только она достигнута, внезапно появляется сильное чувство незащищенности и беспомощности.*

У. Г.: Видишь ли, существование той самой штуковины, которая задает вопросы, то есть вопрошающего, стоит на кону.

В: *Да, именно, и это создает большую панику.*

У. Г.: В этом и проблема: ты не смеешь поставить под сомнение эту основную штуковину, потому что это разрушит нечто, очень дорогое для тебя: непрерывность тебя, каким ты себя знаешь и ощущаешь.

В: *Как только ты посмеешь поставить ее под сомнение, тогда что?*

У. Г.: «Тогда что?» отсутствует. Тогда это начинает действовать. Это действие.

В: *Я очень хочу посметь. Есть ли способ посметь?*

У. Г.: Сам вопрос заключает в себе неотъемлемую способность найти ответ самостоятельно. Понимаешь, если ответа нет, вопрос не может оставаться там. Ты ждешь ответа либо извне, либо изнутри. Когда и то, и другое оказывается бесполезным, что происходит с вопросом? Отказ происходит не потому, что я не согласен с опытом других, но потому, что он не действителен в моем случае. То есть он может быть правильным, но он не действителен, поэтому я отказываюсь от него. Вся помощь извне для меня закончилась. Когда она уходит, здесь не остается никакой беспомощности – они связаны друг с другом; их действительно не разделишь.

Настоящая проблема в решении. Если ты не можешь решить проблему, она перестает быть проблемой. Тебя больше интересует решение, чем проблема. Но решение относится только к завтра, а не к настоящему – когда ты собираешься решить эту проблему? – так что это не решение. Почему ты так заинтересован в нахождении решений? Они так и не помогли тебе. Но ты смотришь на решения, тебя интересуют решения, а не проблема. В чем проблема? – это все, о чем я спрашиваю. У тебя нет никакой проблемы, но ты говоришь о решениях.

Ты не удовлетворен ответами других. Ты приходишь ко мне, думая, что я – реализованный человек. На эти вопросы уже ответили, но ты все еще задаешь их. Ты хочешь подтвер-

ждения тому, что ты знаешь, но этот человек говорит нечто такое, что не вписывается в твои рамки, и потому ты со мной не соглашаешься. Тебе необходимо найти ответ на этот вопрос.

Поиск прекращается с осознанием того, что нет такой вещи, как просветление. Находясь в поиске, ты хочешь освободиться от себя, но все, что ты делаешь, чтобы освободиться от себя, это и *есть* ты. Как мне объяснить тебе эту простую вещь? Нет никакого «как». Скажу я это тебе, это лишь придаст импульс этому (поиску), усилит этот импульс. Это вопрос всех вопросов: «Как, как, как?»

«Как» будет оставаться до тех пор, пока ты думаешь, что ответы, которые дают другие или даю я, являются ответами. «Я нашел ответ» – они нашли ответы на свои вопросы. Пока ты зависишь от ответов тех людей, которые, по-твоему, могут дать тебе ответы на твои вопросы, эти вопросы будут всегда оставаться. Они не являются ответами; если бы они ими были, вопросов бы не было. Это должен быть *твой* ответ.

И этот ответ должен быть найден без какого бы то ни было процесса. Любой процесс уводит тебя от ответа, разбавляет вопрос. Вопрос становится по-своему все более интенсивным. Тебе ничего не нужно, кроме ответа на вопрос. Ничто другое. Ничто больше не интересуется тобой, кроме ответа на этот вопрос. День за днем, до конца твоей жизни, для тебя это единственный вопрос – «Как?».

Это «как?» относится к чужим ответам, так что ты должен отмести все эти ответы. Вопрос должен сжечь сам себя, а это не может произойти, пока ты ждешь ответа на вопрос, извне или изнутри. Когда вопрос сжигает сам себя, начинает проявляться то, что есть. Это твой ответ, а не чей-то еще. Тебе даже не нужно находить ответ, потому что ответ уже есть, и он каким-то образом проявится. Тебе не обязательно быть ученым мужем, не обязательно читать книги, тебе не надо ничего делать; то, что есть, начинает выражать себя.

Так что, очень нужен тебе ответ на этот вопрос? Знаешь, даже те, кто провел свою жизнь, стоя на голове или свисая с деревьев, ни к чему не пришли – вокруг них выросли муравейники, а они ни к чему не пришли. Это не так просто. Когда это произошло со мной, я понял, что весь мой поиск был направлен не туда, и что это не является чем-то религиозным, или психологическим, а есть чисто физиологическое функционирование этих чувств на пике их возможностей. Таков был ответ на мой вопрос.

Все вопросы – это вариации одного и того же вопроса; это вовсе не разные вопросы. Насколько ты искренен? Насколько ты серьезен? Насколько сильно ты хочешь ответа на этот вопрос? Вопрос порожден ответами, которые у тебя уже есть. Ты хочешь знать, каково мое состояние, и сделать его частью знания, твоего знания, то есть традиции; но знание должно закончиться. Как тебе понять эту простую вещь? Твое желание знать лишь добавляет силы движения твоему знанию. Невозможно знать, что это такое, потому что знание все еще присутствует и набирает силу движения. Продолжение знания – это все, что тебя интересует.

Если бы книги могли научить чему-то людей, мир был бы раем. В технических делах, да – как починить магнитофон и так далее, но книги на подобные темы не имеют никакой ценности. Не знаю, есть ли какая-то ценность в этой беседе или диалоге. Но я хочу разъяснить, что нет никакого движения: ты не уйдешь от того, кто ты есть. Ты не сделал ни единого шага. Тебе не нужно делать никакой шаг.

В: *Я убежден, что в наших встречах важны не слова, но что-то за гранью слов.*

У. Г.: Я не знаю, и ты не можешь быть уверен: это может быть твоя собственная проекция. Если и есть что-то, оно действует на свой лад. Это сознание, которое функционирует во мне, в тебе, в слизи и в червяке, оно одинаково. Во мне у него нет границ; в тебе есть границы – ты заперт в нем. Возможно, тебя подталкивает это безграничное сознание, не знаю. Но не я; я не имею к этому никакого отношения. Это подобно тому как вода стекает к одному уровню, вот и все – такова ее природа. Это и происходит в тебе: природа пытается разрушить преграду, эту мертвую структуру мысли и опыта, которые не свойственны ей. Она

пытается выйти наружу, вырваться. Ты этого не хочешь. Как только ты видишь там трещины, ты находишь какую-нибудь замазку и заклеиваешь их, снова отгораживаясь. Совсем необязательно, чтобы тебя подталкивал какой-то само-реализовавшийся, Бого-реализовавшийся или духовный человек; точно так же тебя учит что угодно, как вон тот лист, если только ты позволяешь этому делать то, что оно может. Ты должен позволить это. Мне приходится выразить это таким образом. Хотя «позволить это» может подразумевать, что присутствует некое волевое действие с твоей стороны, но это не то, что я имею в виду.

В: *Что такое жизнь?*

У. Г.: Ты никогда не узнаешь, что такое жизнь. Никто ничего не может сказать о жизни. Можно давать определения, но эти определения не имеют смысла. Можно теоретизировать о жизни, но это не имеет никакой ценности для тебя – это не может помочь тебе понять что бы то ни было. Так что не задавай вопросов типа: «Что такое жизнь?» На этот вопрос нет ответа, так что этот вопрос не может больше оставаться тут. Ты на самом деле не знаешь, так что вопрос исчезает. Ты не позволяешь этому произойти здесь, потому что думаешь, что должен быть ответ. Если ты не знаешь ответа, ты думаешь, что в этом мире может быть кто-то, способный дать ответ на этот вопрос. «Что такое жизнь?» – никто не может дать ответ на этот вопрос – мы действительно не знаем. Так что вопрос не может оставаться тут; понимаешь, вопрос сжигает сам себя. Вопрос порождается мыслью, так что когда он сжигает себя, остается энергия. Происходит сгорание: мысль сжигает себя и дает физическую энергию. Точно так же, когда сжигается вопрос, вместе с ним исчезает и вопрошающий. Вопрос и вопрошающий – это не две разные вещи. Когда вопрос сжигает себя, остается энергия. Об этой энергии ничего нельзя сказать – она уже проявляет себя, выражает себя беспредельно; у нее нет никаких ограничений, никаких границ. Она не твоя, не моя; она принадлежит всем. Ты часть ее. Ты ее выражение. Так же как цветок является выражением жизни, ты тоже выражение жизни. За всем этим стоит жизнь. Что это такое, ты никогда не узнаешь.

Ты не отличаешься от животного – и ты не хочешь признавать этот факт. Единственное различие в том, что ты думаешь. Мышление есть и у животного, но у человека оно стало очень сложным – вот в чем разница. Не говорите мне, что животные не думают; они думают. Но в человеке это превратилось в очень сложную структуру, и проблема в том, как освободиться от этой структуры и использовать ее только как инструмент для функционирования в этом мире – она бесполезна для чего-то другого – она обладает только условной ценностью, чтобы сообщать что-то, функционировать в повседневном мире: «Где железнодорожный вокзал? Где можно купить помидоры? Где находится рынок?» – вот и все. Не философские концепции – это совершенно бессмысленно. Желание иметь что-то кроме насущных потребностей – пищи, одежды и крыши над головой – вот где начинается твой самообман, и ему нет конца. Так что все это мышление не имеет никакого смысла; оно только изнашивает тебя.

Мышление необходимо только для того, чтобы общаться с кем-то. Зачем мне постоянно общаться с самим собой? Для чего? «Я счастлив», «Я несчастен», «Я страдаю», «Это микрофон», «Это человек», «Он такой-то» – видите, зачем мы делаем это? Каждый разговаривает сам с собой – и только когда он начинает разговаривать вслух, вы помещаете его в психушку. *(смех)*

В: *Я думаю, вы намекаете – и я с вами соглашусь, – что это очень утомительное занятие. Оно изнашивает нас, и потому естественно мы ищем методы, как это прекратить.*

У. Г.: Это изнашивает тебя, и все методы, которые мы используем, к сожалению, лишь усиливают это. Все техники и системы только подливают масла в огонь. Ты ничего не можешь сделать, чтобы прекратить мышление.

В: *Ладно, тогда как вы это сделали?*

У. Г.: Твой вопрос – «Как не думать?». Ты знаешь, что подразумевает этот вопрос? Ты хочешь какого-то способа, какой-то системы, какой-то техники – и ты все еще продолжаешь думать.

В: *Я не хочу думать. Если этот вопрос неправильный, может быть, вы подскажете вопрос получше.*

У. Г.: Я не уверен в том, что ты не хочешь думать. Понимаешь, ты должен дойти до точки, где скажешь себе: «Я сыт этим по горло». Никто не может подтолкнуть тебя к этому.

В: *То есть ты либо можешь сделать это либо нет?*

У. Г.: Понимаешь, даже тогда ты обнаружишь, что не можешь сделать этого. Видишь ли, мысль есть, когда в ней есть потребность. Когда в ней нет потребности, ты не знаешь, есть она или нет. Меня не заботит, есть она или нет. Но когда появляется необходимость, потребность в ней, она готова вести тебя и помочь тебе общаться с кем-то. То, что определяет эту потребность, находится не здесь; оно там, снаружи. Ситуация требует ее использования; она не вызвана «мною» самим.

Все мы говорим о мысли. Можешь ли ты посмотреть на мысль? Нет, есть другая мысль, которая смотрит, – вот в чем хитрость, понимаешь, она делится надвое, иначе ты не можешь посмотреть на мысль. Когда одна мысль смотрит на другую, есть не две мысли, а одна. У тебя создается впечатление, что есть две мысли, но на самом деле есть только одно движение. Так что же создает это разделение? Разделение создано мыслью – это начало твоего мышления. Это очень хитрая штука. Это одно движение, а то, что смотрит на называемое тобой «мыслью», есть имеющиеся у тебя определения мысли.

«Что есть мысль?» – задаешь ты себе вопрос. Как ты можешь посмотреть на это? Этот вопрос и есть мысль, понимаешь. «Что есть мысль?» – на это нет ответа; любой ответ, что ты дашь, является лишь *определением*. Ты можешь сказать: «Мысль – это...» (Я столько всего говорил: «Мысль – это время; мысль – это пространство; мысль – это материя») «Мысль – то; мысль – сё» – вот и *все*, что ты можешь сказать, понимаешь.

Но если ты хочешь взглянуть на мысль *напрямую* и узнать *сам*, у тебя нет никакой возможности сделать это. Ты никак не можешь узнать сам, *что* такое мысль, потому что ты не можешь испытать мысль; ты можешь испытать мысль только через *знание*, которое у тебя есть о мысли. Что происходит, когда ты не принимаешь ответов, данных другими? Что-то должно произойти с этим вопросом «Что такое мысль?». Вопрос сжигает сам себя и вместо него появляется ответ, *энергия*. Этот вопрос, мысль, есть материя. Когда вопрос сжигает себя, остается энергия, которая есть проявление жизни. Другими словами, «жизнь» и «энергия» – это синонимичные понятия.

Откуда приходит мысль? Изнутри или извне? Где располагается человеческое сознание? В целях общения или просто чтобы дать некое представление, я говорю, что существует «мыслесфера». Все мы функционируем в этой «мыслесфере», и вероятно, у каждого из нас есть что-то вроде «антенны», созданной культурой, в которой мы родились. Именно она и улавливает определенные мысли.

Ты никак не можешь выяснить местоположение человеческого сознания, потому что оно повсюду, и ты не отделим от этого сознания. Даже со всеми экспериментами, которые проводят физиологи мозга и психологи, тратя миллионы долларов, чтобы только узнать местонахождение человеческого сознания, они никогда не смогут обнаружить это. Я совсем не делаю догматического утверждения, ничего такого.

В: *Есть определенная способность улавливания мыслей через «антенну». Теперь, не зная, что такое «антенна», можем мы увеличить эту способность?*

У. Г.: Почему ты хочешь увеличить ее? Я, знаешь ли, принимаю ограничения как факт. Я (используя ваш научный термин) генетически ограничен в моей способности. Я думаю, что способность индивида очень ограничена – не знаю – генетически определена.

В: *Но даже этот генетический потенциал – мы используем лишь частицу его.*

У. Г.: Лишь частицу. По той или иной причине культура ограничила возможность потенциала развиваться в полной мере. Когда-то, вероятно, была необходимость в мысли, но теперь она стала врагом человека. Она стала врагом человека, потому что потенциал эволюционного процесса (если таковой вообще существует, не знаю; я не могу сказать ничего определенного, но, кажется, что-то такое есть) пресекается культурой, поскольку культура создала «совершенного человека», «религиозного человека», «истинного джентльмена», «настоящего тори», и так далее, и тому подобное, а это совершенно противоположно тому, что присуще человеку. Это врожденное качество (или назови это как угодно) я называю «личностью».

Я употребляю слово «личность» в совершенно другом смысле, чем психологи. У каждого человека есть своя собственная уникальная личность, которая пытается выразить себя. Культура создала то, что называется «нормальным человеком». Понимаешь, воспитание характера – в интересах продолжения общества. Механизм построения характера подавил и пресек то, что есть внутри. Именно в этом смысле я употребляю слово «личность». Нет никого подобного тебе в этом мире среди четырех миллиардов людей. С точки зрения физиологии индивид – это экстраординарный кусочек творения в результате эволюционного процесса, так что я говорю, что каждая индивидуальность уникальна.

Сущее пытается выразить себя и расцвести в человеке. Человек потерял все животные инстинкты, а человеческие инстинкты не развил. То, о чем говорят люди, – психические силы, ясновидение, ясновыслушивание – все это человеческие инстинкты. И они необходимы, потому что человеческий организм заинтересован в двух вещах. Во-первых, его выживание любой ценой. Почему он должен выжить? Я не знаю; глупо задавать такой вопрос. Это одна из самых важных вещей: у него есть собственный механизм выживания, который отличается от механизма выживания движения мысли. Во-вторых, воспроизводство. Оно должно воспроизводиться. Это две основные характеристики человеческого организма, живого организма.

Культура сделала невозможным для человека по-своему проявлять себя, потому что у культуры есть различные идеи. Она создала невротическое состояние. Она создала это разделяющее движение мысли. Это разделяющее движение должно прекратиться, если сущее выразит себя и расцветет. Эта возможность составляет часть человеческого механизма: она встроена в него. Так вот, это разделяющее движение, это невротическое состояние человека должно прекратиться. Но можем ли мы что-то сделать?

В: *Как быть с этим?*

У. Г.: Проблема в том, что все, что ты делаешь, – любое движение в любом направлении, на любом уровне – дает продолжение структуре мысли. Разделение между умом и телом должно прекратиться. На самом деле нет никакого разделения. У меня нет никаких возражений против слова «ум», но он не находится в каком-то определенном месте; у каждой клетки в твоей системе есть свой собственный ум, и его функционирование или работа отличается от другой клетки.

Итак, вся химия тела должна измениться: оно должно подвергнуться своего рода алхимии, если можно так сказать. К счастью, в человеческом организме есть области, недоступные контролю мысли. (Это я сам для себя обнаружил, понимаешь. Ты можешь принимать это, отрицать или делать что угодно.) Это железы, то, что вы называете «железы внутренней секреции».

В: *К счастью?*

У. Г.: К счастью, иначе человеку пришел бы конец. Как только вы поставите их под контроль, это будет конец человека: он потеряет все, он станет – он уже стал – всего лишь бол-

тиком в социальной структуре. Та маленькая свобода, которая может быть у него, та маленькая возможность для личности выражать себя будет потеряна.

Эти железы вне контроля мысли. Индусы называют их «*чакры*». Железы расположены точно в тех же местах, где, по их предположению, находятся *чакры*. Они не в психическом теле – нет такой вещи, как психическое тело или каузальное тело, – понимаешь, они предполагали. Они, должно быть, ощущали то, что мы называем «железами внутренней секреции». Тратятся огромные суммы денег, проводится множество исследований, чтобы выяснить, почему они существуют, какие функции у этих желез – гипофиза, шишковидной железы, вилочковой железы и т. д. Я не хочу употреблять слово «*чакры*», я бы назвал их «железами внутренней секреции». Если они не активируются, у человека пропадет шанс расцвести в самого себя. Я не могу утверждать, что есть такая вещь, как эволюционный процесс, но кажется, что он есть. Какова его природа, какова его цель, я не знаю; но он, кажется, пытается что-то создать. Человек остается неполным, если только весь этот человеческий организм не расцветает в нечто, как цветок. Не хочется использовать слово «цветок», потому что у него есть мистические оттенки.

В: *Актуализация?*

У. Г.: Актуализация – этому мешает культура. Все должно уйти из твоей системы. Не где-то там снаружи – я не предлагаю сжигать книги или сносить храмы.

В: *Есть ли у нас врожденная сила, чтобы вырваться из этой культуры?*

У. Г.: Понимаешь, это ты. Общество внутри тебя, а не снаружи. Эта культура является частью этого человеческого сознания, и все, что человек когда-либо чувствовал и переживал, составляет часть этого сознания.

Но есть один вопрос, на который у нас нет адекватного ответа: «Как это передается от одного поколения к другому?» Это действительно загадка. Все пережитое – не обязательно только твой опыт за твои тридцать, сорок или пятьдесят лет жизни, но также и сознание животных, растений, птиц – все это часть сознания. (Не то чтобы была некая сущность, которая реинкарнирует; тут нет никакой сущности, так что вся эта история с реинкарнацией представляется мне абсурдной.) Вот почему тебе снится, что ты летаешь, как птица. Понимаешь, сексуальные фантазии, которые имеет человек, эти животные позы, *Кама Сутра* Ватсыяны – все это часть сознания, которое передается из поколения в поколение. Как оно передается, я не знаю, не могу сказать, я не настолько компетентен. Но кажется, что средства в этом. Должны быть какие-то средства пере...

В: *Больше, чем генетика?*

У. Г.: Больше, чем генетика: генетика лишь часть этого. Сознание – очень мощный фактор в переживании каких-то вещей, но никто не способен понять содержание всего – оно слишком обширно.

В: *Как мы можем способствовать функционированию желез?*

У. Г.: В одном я против медицинской науки. Видишь ли, само желание понять человека основано на том, чтобы контролировать его, – вот почему я не совсем заодно с ней. Когда вы сможете контролировать эндокринные железы, вы измените личность человека; промывание мозгов перестанет для вас быть необходимостью. Промывание мозгов – весьма усовершенствованный процесс. Если бы природе позволили идти своим путем, каждый бы стал уникальным цветком. Почему в этом мире должны быть только розы? Зачем? Полевой цветок или одуванчик столь же красивы и столь же важны в мироустройстве. Почему должны быть только цветы жасмина, розы или еще какие-то? Итак, есть возможность перемены, но внезапной, а не постепенной. Это должно произойти очень неожиданным и взрывным образом, чтобы разрушить все.

В: *В индивидууме?*

У. Г.: В индивидууме. В этом нет никакого социального содержания, никакого религиозного содержания, никакого мистического содержания – нет ничего такого. Может быть, оно воздействует на человеческое сознание в целом – но это всего лишь предположение – я не могу ничего об этом сказать – все, что я говорю, находится в области предположений. Но оно должно влиять – есть только один ум, только одно сознание – все, что происходит здесь, не может не влиять, но эффект его будет микроскопичен.

В: *Как содействовать этому, не контролировать людей, но получить эти результаты?*

У. Г.: Нет, вся мотивация там – изменить все в целом. Интересующий тебя вопрос «как» подразумевает изменение. Почему ты хочешь понять? Я не говорю, что тебе не следует понимать, но мотивация твоего понимания – в том, чтобы вызвать изменения. Это часть нашей культуры. Культура требует этого.

Понимаешь, здесь происходит постоянная борьба. Это борьба между тем, что пытается выразить себя по-своему, и культурой, мешающей этому. Возможно ли, есть ли какой-то способ для тебя избавиться или освободиться от мертвой хватки этой самой культуры? Можешь ты сделать это путем какого-то волевого акта с твоей стороны? Ты ничего не можешь добиться своим хотением; это должно просто случиться. Вот почему я говорю, что оно беспричинно.

По-видимому, это происходило с некоторыми людьми в нашей истории. Каждый выражает эту уникальность по-своему, и это зависит от его окружения. Это выражение данного окружения. Но если такая штука должна произойти сегодня с любым человеком... Это должно происходить, так как природа время от времени своим собственным способом выдает некий цветок, законченный продукт человеческой эволюции. Законченный продукт человеческой эволюции не может быть использован как модель для создания другого такого же. Если она выдает один цветок, это все, понимаешь; его нельзя сохранить. Ты не можешь законсервировать его аромат, потому что если ты его законсервируешь, он будет вонять. Эволюционный процесс, или движение (назови это как угодно), не заинтересован в использовании того, что он создал, как модели для дальнейшего творения; у него есть свое собственное творение.

Очень сложно ответить на вопрос, который ты задаешь, потому что на него нет ответа. «Как» должно уйти – это единственный способ. «Как» должно уйти, потому что «как» подразумевает, что есть некий способ, некий метод, техника, будто есть нечто, что ты можешь сделать, чтобы вызвать это тотальное изменение твоей химии, эту алхимию. Но любой подобный метод побеждает свою цель. Когда ты оказываешься в ситуации, где невозможно найти ответ на этот вопрос, в этот момент может что-то произойти, в этот момент запускной аппарат, который здесь есть, помогает запустить все это. Когда вопрос «Как?», освобожденный от желания понять или вызвать изменение, остается там... То, что ты видишь, это мысль, а мысль – это в итоге вибрация. Она имеет встроенную атомную структуру: в этой мысли вкраплен атом. И когда эта мысль не может двигаться, когда она не может сделать никакого движения в каком-либо направлении, тогда с этой мыслью что-то должно произойти.

Есть только одна мысль: «Как?» Этот организм заинтересован в одном вопросе: «Как отбросить все это рабство, как избавиться от удушающего влияния культуры?» Это единственный вопрос, который есть у этого организма – не в виде слова, не в виде мысли, – весь человеческий организм является этим вопросом. Не знаю, понятно ли я выражаюсь. Это тот вопрос, который бьется, пульсирует в каждой клетке, в самом мозге костей, пытаюсь освободиться из этой мертвой хватки. Это один вопрос, одна мысль. Это спаситель. Этот вопрос обнаруживает, что он не может найти ответ, что этот вопрос ничего не может сделать, и тогда он взрывается. Когда ему некуда двигаться, нет пространства, происходит «взрыв». Этот «взрыв» сродни ядерному взрыву. Он разбивает непрерывность мысли.

На самом деле непрерывности мысли не существует, так как мысли – это разорванные, изолированные вещи; но что-то их связывает. То, что вы называете «своим я», или «центром», иллюзорно. Я могу сказать, что оно иллюзорно, потому что именно знание, которое у вас есть о «своем я», создает «я», когда вы смотрите на себя. Так что все разговоры о «самопознании» или «знании своего я» не имеют для меня никакого смысла. Это все находится в рамках знания. Оно само себя водит за хвост.

Так вот, эта непрерывность заканчивается, и мысль попадает в свой естественный ритм. Тогда она не может связываться. Связь прерывается, и как только она прервалась, с ней покончено. Тогда мысль взрывается не однажды; каждый раз, когда возникает мысль, она взрывается. Это как ядерный взрыв, понимаешь, и он потрясает все тело. Это нелегко; это конец человека – такое потрясение взрывает каждую клетку, каждый нерв твоего тела. Я тогда прошел через ужасную физическую пытку. Не то чтобы ты испытывал этот «взрыв»; ты не можешь испытать «взрыв», но его последствия, «осадки», это то, что меняет всю химию тела. Тогда мысль больше не может связываться: постоянная потребность испытывать что-то прекращается.

В: *Есть ли кто-то или что-то, наблюдающее этот процесс?*

У. Г.: Этот кто-то, эта искусственная, иллюзорная идентичность разрушена. Тогда, понимаешь, и даже сейчас, тут нет никого, испытывающего чувства, думающего мысли, говорящего речи; это чистый и простой компьютер, функционирующий автоматически. Компьютер не интересуют ни твои вопросы, ни мои вопросы. Компьютер не интересуют попытки понять, как этот механизм работает, так что все эти вопросы, которые мы имеем в результате нашего логического и рационального мышления, больше не действительны; они потеряли свою значимость.

Итак, механизм работает автоматически, но с удивительной разумностью. Он знает, что хорошо для него. Не называйте это «божественным»; есть удивительная, чрезвычайная разумность, которая руководит механизмом человеческого тела, и она заинтересована в защите. Все, что она делает, она делает для защиты его выживания – это все, что ее интересует.

Тогда очень важными становятся чувства: они начинают функционировать на своей пиковой мощности, без вмешательства мысли, кроме как когда возникает необходимость в мысли. Здесь я должен прояснить: мысль не возникает самопроизвольно; она всегда приходит в действие по запросу. Это зависит от потребностей ситуации: есть ситуация, в которой необходима мысль, и она появляется; а иначе ее нет. Это как ручка, которой ты пользуешься, – ты можешь написать ею прекрасный стих или подделать чек, или еще что-то сделать – она есть, когда в ней есть потребность. Мысль нужна только для целей общения, иначе же она совершенно бесполезна. Тогда тобой руководят твои чувства, а не мысль, как прежде. Так что вся эта болтовня о контроле чувств – это абсурд, полная чепуха. У чувств есть встроенный механизм контроля; это не что-то такое, что нужно приобретать. Вся эта болтовня про *яму*, *ниаму* (контроле чувств) и тому подобном – чепуха; у них есть собственный механизм самоконтроля. Ты можешь пытаться контролировать, скажем, чувство вкуса, но тут (в этом состоянии) тебе не нужно дисциплинировать себя или контролировать себя. Этим физическим организмом, или человеческим организмом, или назови его как угодно, руководит только сенсорная деятельность, а совсем не мышление, не ум.

В: *Как ординарный человек...*

У. Г.: Говорю тебе, ты не ординарный человек; ты экстраординарный человек. *(смех)* Нет никого другого, такого как ты. Ты «один без второго», о котором говорили *Упаншиады*. Это происходит не оттого, что ты что-то делаешь или не делаешь. Вот почему я употребляю слово «беспричинное» – у этого нет причины. Структуры, которая заинтересована в установлении причинных отношений, больше не существует. Единственное, что осталось для него,

это выживание. А выживание ограничено: у него есть свой собственный заряд движения, и когда он заканчивается, то все. Оно не может воспроизвести еще одного, физиологически или еще как-то – вот почему я говорю, что это законченный продукт человеческой эволюции. Нет нужды воспроизводить другого, будь то цветок или другой человек, – вот почему вся химия твоего тела изменяется. Меняются гормоны, и ты больше не мужчина и не женщина. Такой человек совершенно бесполезен для этого общества, и он не может создать другое общество. (*смех*)

«Совершенствование» – это дурацкая мысль. Речь или игра на музыкальном инструменте может совершенствоваться, но я не об этом. Годы и годы практики ты тратишь на то, чтобы стать совершенным человеком, но это нечто такое, что нельзя усовершенствовать. Нет никакой гарантии, нет ответа на то, как это случается. Это единственная вещь, которую невозможно воспроизвести. Перед нами поставили идеал совершенного человека, и это повернуло все на ложный путь. Совершенный человек вообще не существует. Человек, в котором, или для которого, произошла мутация (если вам нравится это слово), вовсе не совершенный человек; ему присущи всяческие странности, чудаковатости, глупости и нелепости, которые не ассоциируются с совершенным человеком – это не имеет никакого отношения к нему. Он не становится сверхгением – он не изобретет завтра нечто экстраординарное и не заселит человека на все планеты – ничего подобного! Ограничения остаются ограничениями – это наследственное.

Я больше не подвергаю свои действия вопросам, ни до, ни после их совершения. Моральный вопрос: «Я должен был действовать так-то; мне не следовало действовать так-то. Лучше бы я этого не говорил» – ничего этого для меня нет. У меня не возникает сожалений или извинений; все, что я делаю, происходит автоматически. В определенной ситуации я не способен действовать как-то по-другому. Мне не нужно давать рационалистических объяснений, думать логически – *ничего* – это одно-единственное действие в этой конкретной ситуации. В другой раз и действие будет другим.

Для тебя это может быть практически такая же ситуация; но не для меня, потому что есть неизвестный фактор, новый фактор, и мое действие будет другим. Тебе это может показаться несообразностью или противоречием. Я не могу действовать как-то иначе – между двумя действиями нет связи.

Это физическое, а не психологическое – я не помню ничего, что не происходит в тот определенный момент – нет реакции, а только отклик. Но ты все время реагируешь – присутствует суждение «за» или «против»: «Это правильно, это неправильно». Отклик, о котором я говорю, это физический отклик на ситуацию. Я все время функционирую на физическом плане. Я ни о чем не думаю, когда вижу тебя; мои глаза сфокусированы на тебе. Если я повернусь в эту сторону, ты сотрешься; там есть дверная ручка, а не ты; ты для меня закончился, даже в уме. (Ума нет.) Если необходимо, оно вспоминается – если ты задаешь вопросы. Реакция – это размышление об этом: «Правильно», «Неправильно», «Хорошо», «Плохо». Отклик – это когда ты просто смотришь без вмешательства мысли. Отклик – физический, а реакция – ментальная. Ты все время реагируешь; ты не откликаешься физически на происходящие вещи.

В: *Если бы кто-то попытался ударить вас, вы были бы готовы?*

У. Г.: Это гипотетическая ситуация. Возможно, я ударил бы его в ответ, я не знаю. Я не проповедую ненасилие. Вероятно. Я не знаю, понимаешь. Проблемы в том, что ты хочешь быть подготовленным к каждой ситуации.

В: *Если бы кто-то ударил вас, вы бы ощутили страх?*

У. Г.: Есть такая вещь, как физический страх, – этот страх необходим для защиты человеческого организма – он очень важен. Физический организм знает, что делать в определенной ситуации, и тебе не обязательно думать об этом. Нет никакой подготовки. Если появля-

ется змея, ты отступаешь назад. Вот и все; ты не думаешь об этом. Физиологическая защита – это все, что интересует физический организм; и ничего больше.

Структура, которая всегда размышляет о каждой возможной ситуации, как быть подготовленным к любого рода ситуациям, которые могут возникнуть в ходе твоей жизни, это штука бессмысленная, потому что каждая ситуация отличается от другой.

Жизнь ведет тебя. Я не хочу употреблять слово «жизнь», потому что оно все мистифицирует. Этот организм заинтересован в том, чтобы защищать себя, и он знает, как выжить. Когда я иду на прогулку, я говорю друзьям: «Пожалуйста, ради бога, смотрите; не думайте!» Тебе не нужно думать. Просто используй свои глаза и уши, и они направят тебя.

Зрение становится необычайно ясным, механизм слуха становится чрезвычайно чувствительным, вот и все; это не ясность мысли. Теперь у них появилось то, что называют «сенсорной недостаточностью». Они пытаются достигнуть противоположного. Чувства здесь не лишены своей активности; у них праздник: они отправляются куда хотят и думают что хотят, все что приходит. Как воды реки Ганги: с берегов вы сбрасываете наполовину сожженные тела, мерзкие нечистоты, все грязное; пять минут спустя она кристально чистая. То же самое с мыслью: нет «хорошей» мысли, нет «плохой» мысли, нет «чувственной» мысли, нет «духовной» мысли; все мысли одинаковы.

Ты можешь спросить: «Как у такого человека могут быть чувственные мысли?» Он ничего не может сделать, чтобы подавить эту мысль или дать этой мысли простор для действия. Это реальность, факт. Иногда ко мне из ниоткуда вдруг приходит чувственное воспоминание о занятии любовью с моей женой. Но когда эти мысли пытаются укорениться там, все в тебе сжимается – тебе не нужно ничего делать. Мысли не могут там оставаться – нет продолжения, нет надстройки – ты знаешь, что это, и на этом все заканчивается – всплывает что-то другое. Но у вас этим не заканчивается; ты говоришь: «Как у меня могут быть эти чувственные мысли?» Ты думаешь, что ты не свободен, если у тебя возникают чувственные мысли; но если их нет у тебя, можешь быть уверен, что ты не живой человек. Будь то святой или грешник, он должен откликаться на каждый стимул. Нет никакой сублимации – все это полная чушь. Святые врут – это чепуха, вздор – не верьте всему этому. Какой толк осуждать себя, говорить себе, что ты грешник? Что за ерунду ты говоришь! Ты должен откликаться – если есть женщина, должен быть физический отклик – а иначе ты труп.

Но здесь нет продолжения, нет надстройки; всплывает что-то другое. Мысли приходят и уходят; они повторяются – это так смешно.

Не то чтобы я наблюдал за этим, как кто-то, желающий повеселиться. Чаще всего ты даже не знаешь, что они там. Они там не могут оставаться; они движутся. Когда ты признаешь, что есть проблема, прекрасно, она не может там долго оставаться; ее выгаликивает следующая мысль. Тебе ничего не приходится делать; еще до того, как ты осознал, что происходит, ее уже нет. Когда ты пытаешься посмотреть на нее, ее нет; то, на что ты смотришь, полностью отличается от того, что там было раньше. Это не проблемы; они становятся проблемами, только когда ты сидишь в углу, пытаешься медитировать и контролировать все свои мысли. Мысли бьют ключом внутри тебя. Как ты можешь контролировать это? У тебя нет контроля над этим. Ты не можешь контролировать это. Все это тщетное занятие. Тебе ничего не нужно делать.

Этот человек – не скала; на него воздействует все, что здесь происходит. И он не беспокоится о том, чтобы создать броню. Религиозный человек возвел вокруг себя броню. Здесь же совокупный процесс прекратился: единственное действие – физическое; только на этом уровне. Чувства скачут, как дикие лошади – их никто не контролирует – они бегут туда, сюда, куда угодно, как того требует ситуация. Это действие есть движение жизни, настоящее движение жизни, и у него нет направления. Если ты признаешь эту беспомощность, проблема решена – вот почему я говорю, что для тебя нет свободы действия. Я говорю не о

фаталистической философии; но о предотвращении вмешательства прошлого в настоящее и окрашивания его.

Все эти разговоры об *урдхварате* (сублимации сексуальной энергии) – ахинея. Я делаю такие экспрессивные заявления, потому что я с этим раньше экспериментировал и знаю, что это такое.

Консервируя сексуальную энергию, ты себя никоим образом не улучшишь. Это слишком глупо и абсурдно. Почему они придали этому такое значение? Воздержание, трезвенность, безбрачие – все это не поможет поместить тебя в это состояние (*смеется*), в этой ситуации. Ты можешь сегодня заниматься сексом, а завтра с тобой случится это – и оно может случиться даже посредством секса. Если там есть момент, когда нет никого, кто испытывал бы что-то, это момент, когда оно может случиться. Это не обязательно должна быть лекция религиозного деятеля; падение листа, мычание коровы, ржание лошади, или что угодно, может сработать – потому что, если ты ничего не переводить, оно об этом позаботится.

Нет такой вещи, как сублимация, ничего там не поднимается; оно только выходит наружу – но эти святые ни за что этого не признают. Будь они достаточно честны, они бы знали, что говорят. Ну, вот так.

К сожалению, секс отделяют от других видов деятельности. Почему? – меня это всегда удивляло. Он един; его нельзя отделить. Почему его поставили на другой уровень? Именно это и создало проблему, не только здесь, но и в западных странах. Христианство их тоже разделило, возможно, по причинам безопасности или собственности, но сейчас у нас есть способы освободиться от этих вещей – в те времена это было не так легко.

В: *Есть замечательный термин, «невротический разрыв».*

У. Г.: Религия ответственна за это – она все это создала. Сомнения по поводу наших действий – вот настоящая моральная проблема. У нас сейчас должны быть новые моральные кодексы поведения – это необходимо, иначе мы не сможем функционировать. В этом сейчас трудность. Люди, по крайней мере на Западе, нащупывают новые правила. Старые правила поведения устарели, это анахронизмы, им конец. Кого волнует секс? Секс теперь настолько прост, и все о нем говорят. Одно из самых эпохальных открытий нашего времени – это противозачаточные таблетки – они все изменили.

Могу я задать тебе вопрос? Что такое нормальный человек, по-твоему? Есть ли такой? Вы, конечно, разделили людей, и у вас есть определенные психологические или философские нормы... Или здоровый человек? Что такое здоровье? Я иногда задаюсь вопросом, кто нормальный человек? И у меня нет ответа.

В: *«Норма» устанавливается в каждом обществе. Обычный человек хочет быть всегда с другими, а не один, и поэтому он как-то приспособливается – у меня есть только такое определение.*

У. Г.: Даже такой человек – «необычный» человек, как противоположность твоему «обычному» человеку – должен жить здесь, в этом обществе; он не может сбежать и жить в пещере, медитируя. Он не в конфликте с этим обществом; он принимает реальность мира, хотя он так нереален, и функционирует в мире, принимая реальность, принятую всеми. Это очень важно: я не могу сидеть в пещере и медитировать на Брахмана и повторять себе «Я Брахман»; это – единственная реальность для такого человека, и другой реальности нет. «Абсолютная реальность» – это вздор и чепуха, ее не существует, это миф; единственная реальность здесь. Какая еще есть реальность? Пока ты чувствуешь чувствами общества, ты часть общества. Поскольку у тебя нет своих собственных мыслей, своих переживаний, или своих чувств, ты не можешь убежать из этого общества. Ты не отделен от общества; ты и есть это общество. В том, что я говорю, нет социального или религиозного содержания.

В: *Могу я вернуть вам этот вопрос? Что такое, по-вашему, нормальный человек?*

У. Г.: Для меня нет такого понятия, как нормальный человек. Когда я смотрю на так называемых душевнобольных, я сомневаюсь, они ли больны, или те, кто их лечит. Я на днях рассказывал анекдот. Один парень в психушке говорит: «Я Иисус Христос». Его друг, сосед по палате, говорит: «Я знаю, что ты не он». «Откуда, черт возьми, ты знаешь?» – говорит первый парень. Другой отвечает: «Я Вечный Отец. Я тебя создал. Я бы тебя узнал». *(смех)* Так же и здесь, когда я вижу всех этих людей, которые сидят тут и говорят: «*Ахам Брахмасми*» (я есть Брахман). Что за чушь? Но я ничего не имею против.

В: *Вы бы не задали такой вопрос о себе: «Нормальный ли я?»*

У. Г.: Нет, я не спрашиваю. Иногда единственное, что я читаю, – это журнал «Таймс» – видишь, я читаю всю эту ерунду. Почему я его читаю? Я живу в этом мире, и я бы хотел знать, что происходит в этом мире. Почему бы нет? Все остальные книги говорят мне, как улучшить себя, как изменить себя, как быть там-то, как быть тем-то. Я не хочу быть кем-то другим, кем я не являюсь, поэтому меня не интересуют все эти книги. Некоторые люди спрашивают, почему я читаю криминальное чтение. Потому что там много действия. Если я иду смотреть фильм, я смотрю фильмы про ковбоев. Понимаете, там много действия. Если я смотрю телевизор, я смотрю только рекламу.

В: *На вас влияет то, что вы смотрите?*

У. Г.: Это также влияет на тебя каким-то образом – ты часть этого мира – он влияет на тебя. Ты не вовлечен, но ты затронут. Есть разница между тем, чтобы вовлекаться и позволять себе быть затронутым. Все окна открыты: не важно, то или это, может прийти что угодно.

У нас очень странные идеи в религиозной сфере – истязать это тело, спать на гвоздях, контролировать, отказываться от каких-то вещей – всевозможные странности. Зачем? Зачем отказываться от чего-то? Я не знаю. Какая разница между человеком, идущим в бар за кружкой пива, и человеком, идущим в храм и повторяющим имя Рамы? Я не вижу большой разницы. Возможно, здесь это антисоциально; на Западе это не считается антисоциальным; здесь мы считаем так. Это все виды побега, ухода от реальности. Я не против побега, но, убегаешь ты по той улице или по этой, побег остается побегом. Ты бежишь от самого себя.

То, что ты делаешь или не делаешь, не играет никакой роли. Твоя практика святости, твоя практика добродетели – это ценно для общества, но не имеет никакого отношения к этому.

В: *Конечно, мы живем в обществе; но что касается этого – просветления, реализации или как вы это называете...*

У. Г.: Как бы ты это ни назвал – это твое слово.

В.: *... оно никак с этим не связано?*

У. Г.: Оно абсолютно никак с этим не связано. Я даже иногда дохожу до того, что говорю, будто это возможно для насильника, убийцы, для вора, для каторжника, для шулера – это может случиться! Чтобы выделить это; не то чтобы я...

В: *Но это случилось?*

У. Г.: Это может случиться, да. Я не знаю, может быть. Это никак не связано: моральные правила поведения не имеют *какого бы то ни было* отношения к этому. Не то чтобы такой человек был аморален – он не может быть аморален – для него это невозможно, понимаешь, *невозможно*.

В: *Его поведение автоматически подстраивается под моральный кодекс, превалирующий в обществе?*

У. Г.: Его поведение, вероятно, до какой-то степени попадает в рамки морального и религиозного кодекса. Но он представляет собой опасность. То, что я говорю, является угрозой тебе, каким ты себя знаешь и ощущаешь. Это угроза для тебя.

В: *Каким образом?*

У. Г.: Ты не можешь принять это. Как ты можешь это принять?

В: *Но если это приходит автоматически, как может идти речь о вас как опасности? Вы не можете никому предложить способ достижения этого.*

У. Г.: Именно по этой причине я говорю, что эта индивидуальность не может быть полезна обществу. Она – редкая птица, редкое растение – поместите ее в клетку, в музей, и смотрите на нее – она нечто другое, понимаете.

В: *Но никогда не опасная?*

У. Г.: Тем более, понимаешь, потому что она не вписывается в эти рамки.

В: *Люди говорят, что выживание человечества будет под угрозой уже в течение века.*

У. Г.: Ты веришь в это? Этот (вид) прожил много столетий, и он найдет какой-нибудь способ выжить. Я считаю так: мы научимся жить вместе не из любви, не из чувства всеобщего братства, не из-за всего этого, но из страха уничтожения себя. Ты никого не можешь ранить, не поранив себя – не психологически, а физически, – только осознав это, мы научимся жить вместе. Пока каждый ищет своей собственной безопасности, всеобщей безопасности быть не может. Мы говорим о «разрядке» в международном отношении, но она должна распространиться до уровня индивидуальных отношений. Только тогда это возможно; не этими разговорами о «всеобщем братстве», «единстве жизни», «единой жизни» – вся эта ерунда не помогла и не поможет. Только страх заставит нас жить вместе в мире, нравится нам это или нет. Ты можешь взять револьвер и заставить самого сильного в мире человека танцевать для тебя – это факт. Это каким-то образом выживет; вы не позволите всему взлететь на воздух. Только сумасброд, безумец может взять себе в голову, что пришло время всем нам взорваться.

Человек выживал столетиями, и теперь мы все вдруг заговорили о «ценностях» и подобной ерунде. Для чего? Это не помогло жить в гармонии и мире. Мы создали эту моральную проблему, видишь ли. У растений и животных нет никакой религиозной проблемы; человек создал эту религиозную проблему.

Понимаешь, у этого нет абсолютно никакого социального содержания, и я не могу думать ни о каком коллективном действии. Так что этот индивид подобен чему-то, выброшенному Природой, и не важно, признает ли это кто-то или нет. Этот человек не может быть ничем полезен этому обществу. Когда они подумают, что я угроза для их существования, они естественно ликвидируют меня. Я не против. Если общество ликвидирует меня, то, что здесь останется, мне не важно. Во мне нет миссионерского рвения и никакого желания спасти человечество. Кто дал мне полномочия спасти человечество? Человеческий род существовал столетиями, и он будет продолжаться. Я не участвую в «святом бизнесе»; я пою свою собственную песню. Если кто-то приходит, я говорю; если никто не приходит, я иду на прогулку или смотрю на птиц, смотрю на деревья – столько всего происходит. Но я не выхожу, чтобы выступать с трибуны, – я не создан для этого. Я простой человек – я не хочу излишне усложнять вещи. Понимаешь, моя позиция очень простая. Я всегда к вашим услугам. У меня нет личной жизни, которую я могу назвать своей собственной. Кто угодно может прийти ко мне в любое время. Я вижу их и говорю: «Доброе утро, что я могу для вас сделать?» – это все, что я могу сделать; мне нечего дать; это все.

Знание – это не что-то мистическое или таинственное. Ты знаешь, что счастлив, и у тебя есть теории о работе вентилятора, света – это знание, о котором мы говорим. Ты представляешь другое знание, «духовное знание», но – духовное знание, чувственное знание – какая разница? Мы даем им названия. Фантазии о Боге принимаются, но фантазии о сексе называются «чувственными», «физическими». Нет разницы между ними; одна социально приемлема, другая нет. Ты ограничиваешь знание до определенной сферы опыта, и тогда оно становится «чувственным», а другое становится «духовным»? Для меня все чувственно.

Знание, которое важно для живого организма, – все это необходимо. Но все эти предположения о Боге, Истине, Реальности не имеют для меня никакого значения – все это культурные ценности; они не имеют никакого отношения к выживанию живого организма; все это социально, деспотически установленные, религиозные ценности. Все наши вкусы – культивированные. Влечения и антипатии все культивированы; нет такой вещи, как абсолютная мораль. Под «моралью» я имею в виду сомнения по поводу ваших действий до и после. Это все социально.

Для чего хорош хороший человек в этом мире? Он хорош для общества, не так ли? Эти правила поведения необходимы для гладкого управления обществом. Эти религиозные деятели создали полицейских внутри вас. Определенные действия считаются «хорошими», а другие «плохими», либо до, либо после того, как вы их совершили, – это никак не помогло тебе; именно мышление создало эту проблему. Проблема человека по сути своей в моральной дилемме, сомнениях по поводу своих действий до и после – это стало неврологической, а не религиозной проблемой – все твоё тело вовлечено в это. Даже Бог стал неврологической проблемой: «Бог» – это перевернутое написание «собаки»/«собака наоборот»³, но все ваше существо реагирует на слово «Бог». Все ваши верования – они не просто психологические; они неврологические.

Ты не знаешь, что хорошо; ты знаешь лишь, что хорошо для тебя. Это все, что тебя интересует, это факт. Все крутится вокруг этого. Все ваше искусство и здравый смысл крутится вокруг этого. Я не говорю цинично. Это факт. Ничего тут такого нет. Я ничего не говорю против этого. Ситуации меняются, но это то, что ведет тебя через все ситуации. Я не говорю, что это неправильно, понимаешь. Если это не так, что-то должно быть неправильно с тобой. Пока ты действуешь в сфере того, что называют «парой противоположностей», хорошего и плохого, ты всегда будешь выбирать, в каждой ситуации, вот и все – ты не можешь не делать этого.

«Моральный человек» – трусишка. «Моральный человек» – это напуганный человек, малодушный человек – вот почему он соблюдает мораль и осуждает других. А его праведное негодование! Моральный человек (если такой существует) никогда не будет рассуждать о морали или осуждать кого-то. *Никогда!*

Человек всегда эгоистичен и будет оставаться эгоистичным, пока он практикует бескорыстие как добродетель. Я не хочу говорить о бескорыстии – у него нет никакой основы. Ты говоришь: «Завтра я буду бескорыстным человеком. Завтра я буду прекрасным человеком» – но пока не пришел завтрашний день (или послезавтра, или следующая жизнь), ты будешь оставаться эгоистичным. Что вы имеете в виду под словом «бескорыстие»? Вы всем говорите быть бескорыстными. Какой в этом смысл? Я никогда никому не говорил: «Не будь эгоистичен». Будь эгоистичен, оставайся эгоистичным! – вот мое послание. Желание просветления – эгоистично. Когда богач раздает милостыню – это тоже эгоистично: его будут помнить как великодушного человека; вы поставите его статую.

Основные удовольствия, которым вы предаетесь, я совсем не против них. Что бы вы ни делали, я совсем не против этого. Оттого, что вы думаете, что есть нечто более интересное, чем то, что вы делаете, есть это беспокойство – потому что у вас есть «идеальный способ» делать что-то, «совершенный способ» делать что-то. Почему так происходит?

В: *Нам хочется чувствовать, что мы с пользой прожили свою жизнь.*

У. Г.: А в конце жизни ты скажешь себе, что растратил свою жизнь. Вы ничего не делаете, чтобы измениться; вы изобрели «следующую жизнь». Ваше недовольство очень искусственно. Если бы вас действительно интересовало человечество, вы бы делали что-то, чтобы измениться.

³ В англ. яз. God – dog. – Прим. пер.

Как только вопрос «Как жить?» оставлен, жизнь сама по себе становится самой важной вещью. Ты должен быть свободен от бремени культуры. Конечно, ты не можешь просто выбросить культуру – например, принимать утреннюю ванну и все такое. Но это так просто – я тоже принимаю ванну – что в этом такого религиозного? Ты думаешь, что есть нечто более интересное, нежели то, чем ты занимаешься.

Вам всегда говорили, что вы должны практиковать отсутствие желаний. Ты практиковал отсутствие желаний тридцать или сорок лет, но желания до сих пор есть. То есть что-то где-то должно быть не так. Ничто не может быть неправильно с желанием; что-то должно быть неправильно с тем, кто сказал тебе практиковать отсутствие желаний. Это (желание) – реальность; то (отсутствие желаний) – фальшь – оно искажает тебя. Желание есть. Желание как таковое не может быть неправильным, не может быть неверным, потому что оно есть. Гнев как таковой не может быть неверным, потому что он есть. Ты говоришь о некоей энергии, которую эти люди определили как Бог или бог знает что. Разве ты не видишь, что само мышление превратило это в проблему? Гнев есть энергия, желание есть энергия – вся энергия, которую ты хочешь, уже действует. На кой черт ты хочешь энергию? Ты разрушаешь эту энергию мышлением. Именно мышление и только оно создало проблему. Без мышления проблемы нет. Я хочу сказать, что путем мышления ты не можешь решить проблему; мышление может лишь создавать проблемы.

Ты надеешься, что сможешь разрешить проблему желания путем мышления, из-за модели святого, который, как ты думаешь, поставил под контроль или уничтожил желание. Если у этого человека нет желания, как ты себе представляешь, то он труп. Не верь этому человеку! Такой человек выстраивает некую организацию и живет в роскоши, за которую платите вы. Вы обеспечиваете его. Он делает это ради своего заработка. В мире всегда найдется дурак, который попадет на его удочку. Время от времени он позволяет тебе кланяться ему. Ты удивишься, если будешь жить с ним. Ты испытаешь шок всей твоей жизни, если увидишь его там. Вот почему все они отстраненные – они боятся, что ты как-нибудь поймаешь их. Богач всегда боится, что ты украдешь его деньги. Так же и религиозный человек – он никогда, никогда не подпустит тебя близко. Увидеть его намного труднее, чем увидеть президента твоей страны – это намного проще, чем увидеть святого человека. Он не тот, кем представляется.

Но те люди, которые «сделали это», – они живут среди людей – их всегда можно увидеть.

В: *В чем смысл, цель жизни?*

У. Г.: Ты спрашиваешь меня: «Есть ли у чего-нибудь какая-нибудь цель?» Посмотри, тебе было дано множество смыслов и целей. Почему ты все еще ищешь смысл жизни, цель жизни? Каждый говорит о смысле жизни и цели жизни – *каждый*. Ответы давали спасители, святые и мудрецы человечества – в Индии их тысячи, и все-таки сегодня ты все еще задаешь тот же самый вопрос: «Есть ли у жизни какая-нибудь цель или смысл?» Ты либо не удовлетворен, либо не заинтересован по-настоящему в том, чтобы выяснить это самому. Я предполагаю, что ты не заинтересован, потому что это пугающая штука. Это *очень* пугающая штука. Существует ли истина? Ты когда-либо задавал себе этот вопрос? Кто-либо сказал истину?

В: *Истин так много.*

У. Г.: Лжецы, шарлатаны, щеголи и обманщики все те, кто утверждает, что они искали и рассказали истину! Ладно, ты хочешь выяснить для себя, что такое истина. Ты можешь выяснить это? Можешь ты схватить истину, удержать ее и сказать: «Это истина»? Принимаешь ты или отрицаешь, все равно: это зависит от твоих личных предубеждений и пристрастий. Так что если ты хочешь сам выяснить истину, какой бы она ни была, ты не в том положении, чтобы принимать или отрицать. Ты предполагаешь, что есть такая вещь, как истина,

ты предполагаешь, что есть такая вещь, как реальность (абсолютная или иная) – именно это предположение создает проблему, страдание, для тебя.

Смотри, я хочу ощутить Бога, истину, реальность или что там еще, так что я должен понимать природу структуры переживаний внутри меня, прежде чем иметь дело со всем этим. Я должен посмотреть на инструмент, который я использую. Ты пытаешься схватить нечто, чего нельзя схватить в понятиях твоей системы переживаний, так что этой структуры переживаний быть не должно, чтобы другое могло войти. Что это такое, ты никогда не будешь знать. Ты никогда не будешь знать истину, потому что это движение. Это движение! Ты не можешь схватить это, не можешь удержать это, не можешь выразить это. Нас интересует не логически установленное предположение. Это должно быть твое открытие. Какой толк в моем опыте? У нас записаны тысячи и тысячи опытов – они не помогли тебе. Надежда заставляет тебя продолжать двигаться – «Если я буду следовать этому еще десять, пятнадцать лет, может быть, тогда однажды я...» – потому что надежда и *есть* структура.

В: *И вот он тратит всю жизнь и в конце концов обнаруживает, что он ничего не обнаружил.*

У. Г.: Ничего. Это и есть открытие. Так называемая самореализация – это обнаружение самим собой и для себя, что нет никакой самости, которую нужно обнаруживать. Это будет большой шок – «Какого черта я растратил всю свою жизнь?» Это шок, потому что он разрушит каждый нерв. Каждую клетку, даже клетки мозга костей. Говорю тебе, это будет нелегко, тебе не принесут это на золотом блюдечке с голубой каемочкой. Ты должен совершенно утратить иллюзии, тогда истина начинает проявлять себя по-своему. Я обнаружил, что бесполезно пытаться открыть истину. Поиск истины, как я обнаружил, абсурден, потому что это нечто, чего ты не можешь схватить, удержать или выразить.

В: *Можете вы описать и передать свое состояние?*

У. Г.: Понимаешь, как только я пытаюсь передать что-либо, оно исчезает; это всего лишь его тень; не оно само.

В: *Это непередаваемый опыт?*

У. Г.: Нет, его нельзя испытать. Ты не можешь передать то, чего ты не можешь испытать. Я не хочу употреблять эти слова, потому что «невыразимый» и «непередаваемый» подразумевает, что есть нечто, чего нельзя передать, чего нельзя выразить. Там нет ничего. Я не хочу говорить, что там ничего нет, потому что ты меня поймашь – ты назовешь это «пустотой», «вакуумом» и тому подобными словами. *(смех)*

Я могу лишь так сказать об этом: что бы это ни было, его нельзя испытать – если там что-то есть, я не знаю – у меня нет способа знать все это. Если говорить вашими ведантическими терминами, неизвестного вообще не существует. То, что ты знаешь о называемом «неизвестным», уже не неизвестное. Я действительно не знаю, есть ли неизвестное. Что бы ты ни знал о неизвестном, что бы ты ни испытывал из того, что ты называешь неизвестным, это не неизвестное, потому что оно стало частью твоего знания.

Чего ты хочешь? Скажи мне, что это? Смотри, ты не можешь просить того, чего ты не знаешь, а ты ничего не знаешь об этом – сейчас или потом, – даже если предположить на минуту, что ты просветленный, у тебя нет никакого способа что-либо знать об этом. Это никогда не сможет стать частью твоего знания.

Здесь появилось понимание, что больше невозможно что-либо испытывать. Не знаю, понятно ли я изъясняюсь. Индивидуума, изоляции, разъединенности (назовите это как угодно) больше нет. То, что отделяет тебя, изолирует тебя, это твоя мысль – она создает *границы*, создает *барьеры*. А как только границы исчезают, оно *безгранично, беспредельно*. Не то чтобы ты мог испытать безграничность и бесконечность твоего сознания; содержание твоего сознания настолько *велико*, что ты *ничего* не можешь о нем сказать. Вот почему я использую слова «Это состояние незнания». Ты на самом деле не знаешь. Но как ты знаешь,

что ты не знаешь? Не то чтобы ты говорил себе, что ты не знаешь; но в отношении к обычному состоянию сознания у тебя нет никакого способа знать это – ни у кого нет. С твоей стороны нет даже и *попытки* что-либо понять.

Ты не накапливаешь опыты. Если ты хочешь испытать одну вещь, вся серия тайн тут как тут, стучится в твою дверь. Это вовсе не опыт. Тебя интересует получение опыта абсолютной реальности, истины, Бога и бог знает чего; но тебе бесполезно пытаться испытать то, чего ты испытать не можешь. Это не означает, что оно по ту сторону структуры переживаний – «Это нечто, чего я не могу описать, чего я не могу...» – понимаешь, не вся эта ерунда; структура переживаний заканчивается. Если ты не распознаешь то, на что ты смотришь – этот цветок как цветок, эту розу как розу, – это означает, что тебя там нет. Что ты такое? Ты не что иное, как пучок всех этих опытов, знания, которое у тебя есть относительно них.

Я вижу, и я не знаю, на что я смотрю. Мои сенсорные восприятия действуют на своей *пиковой* мощности, но все-таки ничто внутри меня не говорит: «Это зеленое. Это коричневое. У тебя белые волосы. Ты носишь очки...» Знание, которое у меня есть о вещах, остается на заднем плане, оно не действует. Так что «Я пробужден? Я сплю?» – у меня нет никакого способа знать это самому. Вот почему я говорю, что в этом сознании полностью отсутствует любое разделение на состояния бодрствования, сновидения и глубокого сна. Это можно назвать «*турия*» (используя ваш санскритский термин) – не *трансцендирование* этих вещей, а *абсолютное* отсутствие этого деления.

В: В вашем мире нет снов?

У. Г.: В некотором смысле вся жизнь подобна грандиозному сну. Я смотрю на тебя, но на самом деле я ничего не знаю о тебе – это сон, мир сна – в нем нет никакой реальности. Когда структура переживаний не манипулирует сознанием (или как вам угодно это назвать), тогда вся жизнь становится грандиозным сном с точки зрения опыта; не с этой точки зрения здесь; но с твоей точки зрения. Понимаешь, ты придаешь реальность вещам – не только объектам, но также чувствам и переживаниям – и думаешь, что они реальны. Когда ты не переводишь их в понятия твоего накопленного знания, они не являются вещами; ты на самом деле не знаешь, что это такое.

В: Итак, это состояние незнания похоже на жизнь во сне?

У. Г.: Для тебя. В отношении реальности, которую ты придаешь вещам, ты бы назвал это состояние незнания «сном». Я действительно даже не знаю, жив я или мертв.

Здесь больше нет такой вещи, как реальность, не говоря уже об абсолютной реальности. Я функционирую в мире, как будто я принимаю реальность всего так, как вы принимаете его. Например (я всегда это спрашиваю), возможно ли для тебя испытать трехмерное пространство, в котором ты функционируешь? Нет. У тебя должно быть знание – длина столько-то футов, ширина и высота столько-то футов. Как ты можешь испытать трехмерное пространство, кроме как посредством знания? Так что даже это нельзя испытать – не говоря уже о четвертом измерении – мы действительно не знаем о нем. И я могу сказать, что стены для меня не существуют, в том смысле, что нет непосредственного опыта стены вон там. Это не означает, что я не стукнусь о стену, когда пойду в том направлении. Это как течение воды: когда она встречает препятствие, есть действие – она либо переливается через него, либо идет в обход. И это действие возможно только тогда, когда знание, которое есть на заднем плане, включается в работу – тогда происходит действие. Но здесь и сейчас, когда я начинаю идти в том направлении, нет и речи о препятствии или чем-то другом там.

Видишь ли, если я употребляю слово «материя», то не в том смысле, в каком его используют ученые. (*трогает ковер*) Есть контакт. Умный человек спрашивает: «Откуда ты знаешь, что есть контакт?» Этот контакт есть осознание, ты можешь сказать. Но в тот момент, когда ты говоришь, что он твердый, ты придал ему твердость; а иначе, твердый он или мягкий? Можешь ты непосредственно это испытать? Я не знаю, язык вводит в заблу-

ждение. Если я использую слово «непосредственно», ты думаешь, что есть непосредственный способ испытать что-либо. Итак, когда я употребляю слово «непосредственно», я имею в виду, что ты вообще ничего не можешь испытать. Когда я говорю о «панорамном зрении», это не значит, что я могу испытать это панорамное зрение; я хочу сказать, что ты не можешь этого. Не пытайся испытать то, о чем я говорю. Я не могу испытать этого, ты не можешь испытать, никто не может. Тогда почему мы говорим об этом? Потому что ты там, а я здесь.

В: *Если только вам не надо успеть на поезд или что-то типа того, вы живете в настоящем моменте?*

У. Г.: Обманчиво было бы называть это «жить от момента к моменту». Ты никогда не можешь уловить это – жить от момента к моменту – это никогда не может стать частью твоего сознательного существования, а тем более твоего сознательного мышления.

Смотри, в структуре «тебя» нет никакого настоящего; все, что есть, – в прошлом, которое пытается спроецировать себя в будущее. Ты можешь думать о прошлом, настоящем и будущем, но нет ни будущего, ни настоящего; есть только прошлое. Если есть настоящее, ты никогда не сможешь испытать это настоящее, потому что ты испытываешь только твое знание о настоящем, а это знание является прошлым. Так что какой смысл пытаться испытать тот момент, который ты называешь «сейчас»? Ты никогда не сможешь испытать «сейчас». Оно никогда не сможет стать частью твоего сознательного существования, и ты никогда не сможешь выразить его. «Сейчас» не существует, пока тебя это волнует, кроме как концепция. Я не рассуждаю о «сейчас».

Как ты можешь ожидать опыта чего-то запредельного, если ты не можешь испытать такую простую вещь, как вон ту скамейку, которой ты пользуешься всю свою жизнь? Ты не можешь испытать даже такой простой вещи, как скамейка. То, что ты испытываешь, – это только знание, которое у тебя есть относительно нее, и знание, как всегда, пришло из какого-то внешнего источника – оно чье-то еще, а не твое. Если ты испытываешь чей-то еще опыт, он не твой. Кто-то еще придет и заберет его: более убедительный человек приходит и говорит: «Так испытывать неправильно; есть другой способ» и т. д.

Насколько я понимаю, для этого нет подготовки, нет *садханы*, нет медитации. Можешь сорок лет стоять на голове; ничего не произойдет; возможно, ты испытаешь то, что можешь испытать, все, что тебе захочется. Мысль – это нечто удивительное: ты можешь что-то создать, твердый предмет, и поместить его вон там, трогать его, ощущать его, разговаривать с ним – ты думаешь, что это нечто экстраординарное. Тебе придется пройти через все эти опыты.

Иногда на пустом месте происходит нечто вроде опыта, как будто бы слишком необычного, чтобы это случилось с тобой или с кем-то еще до этого. Но это не пришло из ниоткуда; это часть знания, присущего сознанию. Все, что человек испытывал раньше, есть часть сознания – все это здесь – все это загрязнение. Какие бы опыты ты ни переживал, какими бы глубокими они ни были, все это является загрязнением; оно не имеет ничего общего вот с этим состоянием; кто-то уже испытывал такое до тебя. Все, что ты испытываешь там, *ничего не стоит*; это не то.

Все, что ты испытываешь, порождено мыслью. Без знания ты не можешь переживать опыт. А опыт укрепляет знание. Это порочный круг: собака, гонящаяся за своим хвостом.

Расширение сознания – это ничто, но вы придаете этому такую важность. С наркотиками это намного проще, чем со всеми этими медитациями и йогами. Я знаю множество людей, которые принимали ЛСД. (Пожалуйста, не поймите меня неправильно – я не пропагандирую это.) Ты находишься рядом с огромной горой. Внезапно сознание расширяется до размеров горы, буквально. Происходит внезапный взрыв сознания, и это неожиданное расширение высвобождает потрясающую энергию внутри тебя. Какое влияние это оказывает на физическое тело? Физическое тело откликается на то, что вы называете «внезапным расши-

рением сознания». Единственно возможный способ, каким физическое тело может отреагировать на это внезапное расширение сознания, это внезапный вдох – ты вдруг делаешь вдох, и меняется весь характер дыхания – вот откуда выражение «дух захватывает». Я ездил в Слоновьи Пещеры (рядом с Бомбеем). У них там стоит *тримурти* (религиозная скульптура) – знаешь, огромная штукovina – и я стоял перед ней. И вдруг у меня произошло расширение сознания (или назовите это как угодно) до ее размеров. Такие вещи испытываешь постоянно. Нет ничего в этих опытах.

Никакие из этих опытов не имеют значения, будь ты «на этой стороне» или «на той стороне». На самом деле нет ни «этой стороны», ни «той стороны», потому что тут нет деления. Тебя осеняет понимание, что эти опыты, какими глубокими бы они ни были, *ничего не стоят*, вот и все. Ты можешь быть в состоянии блаженства – даже после этой «катастрофы» случаются состояния блаженства, состояние экстаза, внезапное улетучивание всего – это ничего не значит. Ты испытываешь, я испытываю – какая разница? В Индии святые люди испытывают нечто незначительное, называемое «блаженным состоянием» или «отсутствием сознания тела», и думают, что происходит что-то невероятное. Все эти вещи являются ограничениями, они ограничивают сознание, они ничуть не помогают; но тебя, вероятно, они очень интересуют, потому что человек постоянно функционирует в этом ограниченном сознании.

Ты начинаешь с предположения, что ЛСД – это что-то ужасное. Почему, интересно? Я не поддерживаю и не рекомендую его. Наркотики всего лишь вызывают опыты, а то, о чем я говорю, не является опытом. Но вся молодежь на Западе попробовала их – маленькие девочки и мальчики, каждый – вот почему они вдруг заинтересовались всеми этими индийскими штукovinaми; не потому, что они недовольны своим богатством или ценностями. Они попробовали ЛСД, и это дало им чувство того, что должно быть нечто большее в сознании. Но это обычные опыты.

Все эти религиозные опыты ничем не отличаются от опытов, испытываемых при принятии наркотиков. Я знаком с мальчиком, который никогда не слышал о тибетской литературе, но, когда он был «в трипе» (как они выражаются), он пережил опыт всевозможных *мандал* (мистических схем). Он стал рассказывать о них и как-то встретил парня с Тибета, который описал их ему. Как возможны такие вещи? Тебе не обязательно быть в Тибете; не важно, где ты, понимаешь, все это часть сознания. Даже Дональд Дак стал частью человеческого сознания.

Ты не можешь испытать *ничего*, что ты мог бы назвать своим собственным. Что бы ты ни испытывал, каким бы глубоким ни был этот опыт, он является результатом знания, которое есть часть твоего сознания. Кто-то *когда-то* обязательно испытал это блаженство – назови его «экстазом», назови его *каким угодно* именем – не обязательно ты – кто-то уже испытал это, и этот опыт является частью твоего сознания. Ты должен прийти к такой точке, где вообще нет такой вещи, как новый опыт: кто-то уже испытывал его раньше, так что он не твой.

Святой или мистик – это старьевщик, который испытывает то, о чем говорили видящие, так что он все еще находится в поле дуальности, в то время как видящие функционируют в неделимом состоянии сознания. Мистический опыт необычен, потому что это не интеллектуальный опыт; он помогает им по-другому смотреть на вещи, по-другому чувствовать, по-другому испытывать что-то и интерпретировать для других высказывания видящих.

Мир должен бы быть благодарен скорее святым, чем видящим. Если бы не святые, о видящих бы давным-давно забыли. Видящие не зависят ни от каких авторитетов; то, что они говорят, и *есть* авторитет. Об этом говорили видящие, а святые – некоторые из них – переживали опыты, и это стало частью их опыта. Они пытались поделиться этим (опытом)

с помощью музыки и всевозможных вещей. Но это не опыт, которым можно поделиться с кем-то еще; это вообще не опыт.

Святые пытаются рассказать тебе, так что они всегда в поле дуальности; в то время как видящий, или назовите его как угодно, находится в состоянии неделимого сознания. Он не знает, что он свободный человек, и потому перед ним не стоит вопрос освобождения других. Он просто живет в нем, он говорит об этом, и потом он уходит. У Гаудапады не было учеников – он отказывался учить кого бы то ни было. Рамана Махарши по крайней мере был нашим современником – мы о нем кое-что знаем. Он никого не учил, никого не инициировал. Такой человек не зависит ни от чьих авторитетов. Великие учителя никогда не используют авторитеты, и они не интерпретируют святых. Святые помогают тебе по-другому смотреть на вещи, по-другому их интерпретировать.

Видящим не станешь ни через какую *садхану* (духовную практику); это не в твоих руках. У видящего не может быть ученика, у видящего не может быть последователя, потому что это не опыт, которым можно поделиться. (Ты не можешь поделиться даже обычным опытом. Можешь ты рассказать кому-то, кто никогда не испытывал секс, что такое сексуальный опыт?) Видящие оригинальны и уникальны, потому что они освободились от прошлого в целом. (Даже мистический опыт – это часть прошлого.) Не то чтобы для такого человека прошлое полностью исчезало; но для него прошлое не имеет эмоционального содержания – оно не действует постоянно, окрашивая действия.

Это конец всего: ты должен полностью сдаться. Нет *джняна марги* (пути видения); нет вообще никакой *марги* (пути) – признать себя побежденным – и в результате получается *джняна* (видение). Это не самоотречение в обычном смысле слова; это означает, что ты ничего не можешь сделать. Это абсолютная капитуляция – абсолютная беспомощность. Это нельзя вызвать никакими усилиями или силой воли. Если ты хочешь поддаться чему-то, то только чтобы что-то получить. Вот почему я использую слова «состояние полной капитуляции». Это состояние капитуляции, где все усилия прекратились, где прекратилось любое движение в направлении *получения чего-то*. Любое хотение, будь то хотение того или хотение сего, полностью отсутствует.

Но, во-первых, нет голода. Голодный человек сделает что угодно, лишь бы утолить свой голод, и тогда он обнаружит, что он ничего не может сделать, чтобы удовлетворить его. Должна уйти даже надежда на то, что произойдет какое-то чудо, и это снизойдет на тебя откуда-нибудь. Все те, с кем это случалось, действительно тяжело трудились, дошли до предела отчаяния, рисковали всем. Это не приходит легко. Никто не принесет тебе это на золотом блюде.

Это очень простая вещь – настолько простая, что сложная структура не хочет оставлять ее в покое. Но в то же самое время я спрашиваю: «Можешь ли ты что-то сделать?» Никто не может создать голод. Я всегда привожу сравнение с рисовой шелухой: стоит только ее поджечь, она продолжает гореть, гореть и гореть, пока не сгорит вся. Это нельзя создать искусственно. Но тебя, вероятно, вдохновит или загипнотизирует какой-нибудь предприимчивый делец или гипнотизер – их такое множество.

Здесь нет такой вещи, как опыт. Тебе кажется, что ты знаешь. Ты *воображаешь*. Воображение должно прекратиться. Не знаю, как это сказать. Отсутствие воображения, отсутствие желания, отсутствие усилия, отсутствие любого движения в любом направлении, на любом уровне, в любом измерении – это и есть оно. Это то, что вообще невозможно испытать, – это не опыт. Тебя интересует переживание опыта блаженства, любви, бог знает чего, но это ничего не стоит. Если я испытываю блаженство, то блаженство ли это? Оно создано знанием, которое у меня есть. Это и *есть* знание. Нелегко быть свободным от знания. Ты и есть это знание – не только то знание, которое ты приобрел в этой жизни, но знание милли-

онов и миллионов лет, переживания всех и каждого. Понимаешь, люди переживают некоторые опыты и на этом строят огромную сверхструктуру.

В: *Вы говорите, что это простая вещь, а потом говорите, что это сложная вещь.*

У. Г.: Нет, понимаешь, она настолько проста, что сложная структура не желает оставить ее в покое.

Мне не нравятся статьи, написанные обо мне. Вы пытаетесь представить меня религиозным деятелем, каковым я не являюсь. Вы не можете понять самое важное, которое я подчеркиваю. Эти статьи не дают ни малейшей идеи о том, что я выражаю. В том, что я говорю, нет никакого религиозного содержания, никаких мистических подтекстов. Человека нужно спасать от спасителей человечества! Религиозные деятели – они обманывали себя и дурачили все человечество. Выкиньте их! Это само по себе мужество, из-за мужества там; а не то мужество, которое вы практикуете.

Какой толк повторять «*Абхайам вай Брахман*» (Абсолютная реальность есть бесстрашие)? Бесстрашие – это не свобода от всех фобий. Фобии важны для выживания организма. У тебя должен быть страх высоты и страх глубины – если этого нет, есть опасность, что ты упадешь. Но вы хотите научить человека мужеству для того, чтобы он сражался на поле боя. Зачем вы хотите научить его мужеству? Убивать других и быть убитым самому – вот ваша культура. Пересечь Атлантику на воздушном шаре или Тихий океан на плоту – это может сделать любой, это не мужество. Бесстрашие – это совсем не подобные глупости.

Мужество в том, чтобы отмести все, что человек испытывал и чувствовал до тебя. Ты единственный, ты больше, чем все эти вещи. Все кончилось, вся традиция кончилась, какой бы священной и святой она ни была, только тогда ты можешь быть самим собой – это и есть индивидуальность. Впервые ты становишься индивидуальностью. Пока ты зависишь от кого-то, от каких-то авторитетов, ты не индивидуальность. Индивидуальная уникальность не может выразить себя, пока есть зависимость. Тебе не нужно зависеть ни от каких авторитетов; у этого есть свой собственный авторитет. Ты никогда ничего не будешь интерпретировать, никогда не будешь полагаться на авторитет и все-таки ты не будешь называть себя «уникальным».

Проблема в том, что даже если такой человек не говорит, само его присутствие становится моделью для кого-то. Тот факт, что кто-нибудь сидит тут с утра до вечера, – что я могу с этим поделать? Иногда они впадают в транс – они говорят: «Как вы можете отрицать то, что происходит со мной?», а я говорю: «Ты можешь делать, что тебе угодно». Как я могу убедить тебя, что у меня нет чего-то большего, чем есть у тебя? У меня нет ничего такого, чего нет у тебя. Твое желание получить что-то от кого-то – это причина твоего несчастья. Конец иллюзии – это конец тебя. Ты не можешь быть без иллюзии; ты можешь только лишь заменить одну иллюзию другой иллюзией.

Очень трудно объяснить тебе абсурдность *садханы* в целом. (Я перекрываю любой путь побега. Нужно перекрыть даже этот выход, чтобы загнать тебя в угол. Тебя нужно как бы задушить до смерти.) Только настоящий учитель может обнаружить это и сказать тебе; никто другой. (Не те люди, что интерпретируют тексты и Пураны, – все это не имеет никакого отношения.) Только такой человек может говорить. А такой человек никогда не поощряет никакую *садхану*, потому что он знает, что если это должно с кем-то случиться, этому человеку не понадобится ничья помощь; это произойдет вопреки всему.

Все, что бы ты ни делал, лишь мешает этому случиться. Обманчиво так говорить, потому что *случаться нечему*. Ты не понимаешь, что все, что бы ты ни делал, «я»-центрично. Что бы ты ни делал в каком бы то ни было направлении, лишь укрепляет и искажает все. Вся *садхана* является «я»-центричной деятельностью – понять это очень сложно. Инструмент, которым ты пользуешься, рожден в поле причины и следствия – он не способен понять

ничего, происходящего без причины и следствия, – вот почему это не тот инструмент (чтобы понять это); а другого инструмента нет.

Оно беспричинно. Это квантовый скачок. Это скачок отсюда туда – эти вещи нельзя связать. Ты ставишь меня на другой берег реки. Ты хочешь переплыть ее на лодке. Эта лодка протекает, и ты утонешь. Другого берега нет, нет никакой реки, которую нужно переплывать, и лодки нет – тебе очень сложно это понять. Ты создал образ и поместил этот образ по другую сторону. Я говорю: «Нет, ради бога, я на том же самом берегу, нет никакой реки, и лодочник не нужен!»

Никто не может направить тебя. У тебя нет никаких ориентиров, потому что он сам не знает. Если бы я знал, я бы тебя проводил. Такой человек не может никуда тебя направить или привести. Не то чтобы я был против *гуру* – вовсе нет. Он знает – даже ваши книги это говорят, – что это не *гуру* могут помочь тебе. Это не означает чего-то мистического. Гимны говорят: «Кого оно изберет, с тем это случится». Это не значит, что есть некая сила вне тебя. Этот потенциал уже есть в тебе – он способен взорваться. Если по какой-то странной случайности, по некоей удаче, мысль остается сама по себе, не расщепляясь надвое, что-то должно с этим случиться. Это как атомный взрыв – не один, а триллионы. Когда он взрывается, это взрывает все, что есть там. Это цепная реакция; одна за другой подключается каждая клетка.

Это не так легко – не через логику, или силу, или чье-либо учение или повторение каких-то *мантр* (мистических слогов). Ты не можешь заставить это случиться. Но возможность, что это произойдет, есть в каждом, потому что такова природа этого. Вот почему это происходит с одним из миллиона. Если ты задаешься вопросом, почему это должно случиться с тем человеком, а не с тобой, это значит, что у тебя нет никакого шанса. У этого нет причины – оно беспричинно, потому что я не могу дать это тебе или рассказать тебе, как это произошло. Нет никакого «как» – это причина, по которой я говорю, что у этого нет причины и его нельзя воспроизвести. Ни один учитель не воспроизвел такого же учителя, как он сам. Это не мое мнение; Будда не оставил другого Будды, ни один учитель не воспроизвел другого такого учителя, как он сам. Несмотря на то что у него могут быть «последователи», у него есть что-то, чего воспроизвести нельзя, потому что Природа не использует ничего как модель для воспроизводства другого.

Все, что ты делаешь, чтобы очистить себя, не имеет никакого смысла, потому что вся эта болтовня об очищении никак тебе не поможет. Это может сделать тебя святым, но не затронет того, другого. Оно может произойти только в вырождающемся виде (как говорят биологи). Оно выдаст нечто уникальное, не воспроизведенное раньше – это биологический урод. Вся ваша мораль и вся ваша практика того, сего, пятого и десятого не имеет смысла. Вот почему видящие *Упанишад* никогда не говорили о морали или *садхане*; в то время как святые придали им большое значение, потому что они подражатели второго сорта. Это, если оно должно произойти, произойдет вопреки этим вещам. И я считаю, что это генетически определено: только в таком человеке такое происходит.

В: Вы имеете в виду, что никому не нужно устремляться?

У. Г.: Устремление – это часть твоего сознания. Это должно прекратиться; нет ничего, что ты можешь сделать, чтобы остановить это. Другими словами, ты не можешь не делать *садхану*, ты на это обречен. Даже если ты бросишь *садхану*, это создаст в тебе борьбу – ты заменишь ее другой *садханой*, вроде этого трюка Дж. К. (Джидду Кришнамурти), невыбирающей осознанности. Ты начинаешь практиковать все эти трюки, тот же самый старый бред – слова другие, но игра та же самая. Но в какой-то момент тебя должно осенить, что это не то; а иначе ты продолжишь слушать, надеясь, что, слушая его, в следующий раз ты поймешь. Нет никакого шанса. Если что-то должно произойти, оно должно случиться здесь и сейчас.

Видишь ли, проблема в том, что чем больше верований у тебя, тем сложнее это становится для тебя, потому что еще одна вещь добавляется к твоей традиции. Твоя тради-

ция, которую ты хочешь сохранить, укрепились и усилились с появлением нового человека, потому что ты пытаешься уместить его в рамки своей традиции. Эта структура (веры) заинтересована в защите традиции. Но этот (новый человек) заинтересован в разрушении накопительной природы традиции – не в поддержании традиции, но в разломе ее. Такой-то человек ломает ее, а ты делаешь это частью той самой накопленной мудрости – вот почему это становится еще более сложным. Даже революционное утверждение этой индивидуальности, которая достигла этого прорыва, уже стало частью твоей традиции: само твое слушание разрушило революционную природу этого прорыва и сделало его частью знания, традиции, потому что *ты* и есть традиция. Механизм слушания, действующий в тебе, и есть традиция – она усиливает себя, укрепляет себя через процесс слушания. Вот почему я говорю, что исходящее из моего рта ничем не отличается от лая собак, воя шакалов или пения котов.

Как только это принимают – то, что исходит из меня, – возникает необходимость для кого-то еще прийти и взорвать это. Вот почему я говорю. Само выражение этого создало необходимость того, чтобы произошло что-то новое, – такова природа этого. Это его цель (если есть какая-то цель); не создавать последователя, а создавать что-то новое. Нечто новое спасает тебя от бремени прошлого. В тот момент, когда оно находит выражение, оно уже старое.

Зачем быть таким, как этот человек? Передавать факел от одного человека другому и поддерживать иерархическую структуру – для чего? Следование другому – это животное качество. Человек не может стать человеком, пока он следует кому-то. Именно культура ответственна за то, что человек остается животным, – собака-вожак, следование за кем-то – это вам ничуть не помогло. Ты хочешь быть дешевой имитацией Шанкары или Будды; ты не хочешь быть собой. Зачем? Говорю тебе, ты намного более уникален и удивителен, чем все эти святые и спасители человечества, взятые вместе. Почему ты хочешь быть дешевой имитацией этого парня? Это один из мифов. Забудь об этом. Шанкара мертв уже несколько веков. У тебя есть этот потенциал.

Первое, что надо сделать, – это отбросить Шанкару. Конечно, если ты используешь учение Шанкары, чтобы заработать себе на жизнь, это другое дело.

Если предположить, что ты «там» (давайте выразимся так), ты не скажешь себе или другим, что ты свободный человек, ты не будешь пытаться никого освободить; оно просто есть, как цветок. (Не хочется употреблять это слово; у него есть мистические оттенки.) Цветок на навозной куче обладает своей собственной красотой – другие цветы с ним не сравнятся. Однажды он исчезнет – это не имеет значения.

Ты ничего не можешь сделать. Это утверждение не имеет для тебя никакого смысла, потому что ты постоянно что-то делаешь. Ты должен делать одно или другое, так что это утверждение не имеет смысла, никакой значимости для тебя. Описывать это состояние очень опасно, потому что ты пытаешься соотнести это с тем, как функционируешь ты. Зачем? Потому что ты хочешь изменить это, улучшить, модифицировать или сделать что-то в отношении того, что я говорю. Что ты хочешь изменить там? Что это? Можешь ты найти это? Можешь ты определить его местонахождение? Можешь ты указать на него и сказать: «Вот то, что я хочу изменить или трансформировать. Вот здесь я хочу вызвать мутацию»? Как? Что это? Можешь ты его увидеть? Можешь ты определить его место? Можешь ты его обнаружить? Не можешь. (*пауза*)

Все, чего ты хочешь, ты можешь получить – все, чего ты хочешь, какой только опыт ты ни пожелаешь, ты можешь испытать его. Если ты не знаешь, всегда есть кто-то, чтобы помочь тебе, – где-то – тебе нужно обнаружить. Ты можешь испытать все, что угодно. Но все опыты, которые ты испытываешь, не имеют никакой ценности, это не то – потому что этого испытать нельзя; это не опыт.

Просветление (если вообще есть такая штука, как просветление) – это совсем не опыт. Итак, тебя осеняет – это осознание (если угодно так выражаться), что осознать нечего. Само-осознание, или самореализация в том, чтобы осознать самому для себя, что нет никакого «Я», которое надо осознать, – это будет сокрушительный удар.

В: Для кого?

У. Г.: Для того, кто стремится. Вот почему это случается с одним на миллион, одним на миллиард – не оттого, что он делает или не делает, – все твои действия являются барьером.

Если только ты не «там», ты никак не можешь понять бессмысленность этого (поиска). Когда ты «там», ты видишь, что сам поиск и есть «я», то самое, от чего ты хочешь освободиться. Нет никакого «я», независимого от этого поиска (т. е. твоей *садханы* для достижения цели), – этого ты не понимаешь. Именно цель, которую ты поставил перед собой, и создала это «я». Если уйдет цель, если ты отметишь цель, ты заменишь ее другой. Ты не можешь быть без иллюзии; ты замещаешь одну иллюзию другой. Если исчезает иллюзия, исчезаешь и ты.

Если ты принимаешь цель, я не имею ничего против, но я говорю, что цель сама по себе фальшива. Ты говоришь, что хочешь достичь вот этого, и потому необходима *садхана*. Я подчеркиваю, что достигать нечего, совершенствоваться нечего, добиваться нечего, так что все, что ты делаешь, чтобы достичь своей цели, не имеет смысла. Я не понимал этого, когда делал всю эту *садхану*. Чем раньше до тебя это дойдет, тем лучше для тебя. Если эти вещи породят некоторые опыты, тебе будет очень сложно переступить пределы своего собственного опыта. В какой-то момент это должно дойти до тебя – ты знаешь, что это никуда тебя не приведет.

Но надежда заставляет тебя продолжать – надежда, что однажды, через то же самое, ты, вероятно, достигнешь своей цели – потому что этот инструмент (т. е. мысль) порожден временем, порожден причиной и следствием, и он не может постичь ничего, кроме как в понятиях времени. Так что если там нет времени, то случаться нечему – не говоря уже о будущем, – потому что именно время создало потребность во вневременном. «Время» означает «будущее». Если это время отрезано, это не значит, что то, чего ты ждешь, случится сейчас. Тут нечему случаться. Время сжигает само себя, когда покончено с вневременным.

Все, чего ты ждешь, чтобы произошло, – оно в понятиях времени. Предположив на момент, что ты уже в состоянии блаженства, ты не хочешь быть в этом состоянии завтра. В каком бы тебе состоянии ни хотелось быть, ты не в нем, потому что есть цель, которая завтра, не сегодня. Так что если ее (цели) нет, то нет и мысли, которая думает в понятиях чего-то, происходящего во времени. К сожалению, тут нечему случаться. Происходящее заключено во времени. Когда нет времени, ничего не происходит, там нечему происходить. *Атман* есть *Брахман* – вот что именно это означает – *Брахман*, которого ты желаешь в будущем, уже здесь; тут нечему случаться. Достижение (не важно, как ты его называешь) происходит во времени, так что оно не может не быть связано причиной и следствием. Ты хочешь произвести результат, но это не результат, не происходящее, не достижение.

Все, что ты делаешь, принесет тебе боль – вот почему я говорю, что поиск *мокши* (освобождения) – это *дуккха* (страдание) всех *дуккх*. (*смех*) Этому нет конца – ты будешь продолжать искать этого вечно – ты этого не получишь. Даже если ты получишь, чего хочешь, и испытаешь блаженство, счастье, бог знает что, всегда есть что-то большее. Ты испытываешь тишину, но хочешь постоянной тишины, ты хочешь всегда быть в тишине. Но в самой природе вещей нет никакого постоянства. Ты никогда не жил с этими (освобожденными) людьми (не знаю, есть ли вообще такие).

Это очень просто. Настолько просто, что сложная структура не хочет оставить это в покое. Ты, конечно, ничего не можешь сделать; ты приговорен. (*смеется*) Ты приговорен.

В: Так что оставь это в покое.

У. Г.: Оставь в покое.

В: *Этого мы тоже не можем сделать.*

У. Г.: Видимо, ты не можешь сделать и этого.

В: *Если мы не можем оставить это в покое, то мы все сделали.*

У. Г.: Тогда нечему и случаться.

В: *Мы бы не были здесь, если бы оставили это в покое. Но он говорил: «Вы ничего не получаете, приходя сюда».*

У. Г.: Вы можете оставаться рядом с этим человеком всю свою жизнь – ничего не произойдет.

В: *Мы не осознали, что ничего не можем сделать...*

У. Г.: Ты не можешь сказать: «Я ничего не могу сделать». Понимаешь, как только ты приходишь к тому, что «я *ничего* не могу с этим поделаться!», тогда тебе не нужно ничего делать, ни отпускать это, ни... *Никакое* внешнее средство не может *ничем* помочь.

В: *И никакое внутреннее?*

У. Г.: Тогда нет ни внутреннего, ни внешнего – внутреннее всегда связано с внешним, понимаешь?

Так что ты даже не завершаешь предложение «Я ничего не могу с этим поделаться»; еще до завершения этого предложения «Я ничего не могу с этим поделаться» (*щелкает пальцами*) – готово! Спусковой аппарат – это часть тебя; он уже есть.

В: *У меня вопрос, который может показаться глупым. Вы практикуете медитацию?*

У. Г.: Ничего – никаких медитаций – ничего. На чем медитировать? Я уже открыл все эти вещи – *мантры*, медитации, что делает медитация. Я, конечно, не практиковал Трансцендентальную Медитацию или что-то такое; но некоторые медитации. Так вот что я для себя открыл: медитация – это «я»-центричная деятельность. Она усиливает то самое «я», от которого вы хотите освободиться. Для чего ты медитируешь? Ты хочешь от чего-то освободиться. На чем ты медитируешь? Хорошо, мысль – это шум, звук. Что такое звук? Ты смотришь вот на это и говоришь: «Это магнитофон», так что мысль – это звук. Есть непрерывный поток мыслей, и ты постоянно связываешь все эти мысли, и именно это тот шум, которого ты не выносишь. Почему ты не выносишь этого шума? И вот, повторяя *мантры*, ты создаешь еще более громкий шум и подавляешь шум мысли, и тогда ты успокаиваешься. Ты думаешь, что с тобой происходит нечто чудесное. Но вся медитация – это деятельность, направленная на свое «я».

Я не говорю о медитативном состоянии. Это дело Кришнамурти – он говорит о медитативном состоянии: «Это не то, и не это». Ладно, если это медитативное состояние, на чем я медитирую? Я медитирую на этом (*указывает на предмет*) сейчас – смотрю на это. Тут есть отражение этого. Что-то двигается – движение – жизнь есть движение. Постоянно что-то происходит, одно или другое – все время – и движение там есть движение здесь. Нет ни одного момента, когда не происходило бы одно или другое. Ночью все затихает на момент, или ты слышишь, как шумят ящерицы. Тебе приходится их слушать. Если вокруг тебя нет никакого шума, тебе приходится слушать стук твоего сердца или течение крови, которая, как река, течет по твоим венам. Это шум. Ты можешь обвести себя вокруг пальца и вообразить, что это *омкара* (мистический звук «ом»). Это не *омкара*. Это (тело) – машина. Человеческая машина производит шум, точно так же как и включенный двигатель автомобиля. Почему тебе обязательно надо говорить, что это *омкара*, *брахманадам* и тому подобное? Это шум человеческой машины. Ты сойдешь с ума, если будешь слушать «туки-тук-туки-тук» своего сердца. Но это все, что можно тут слушать, если только не происходят другие вещи – кто-то смеется, кто-то храпит или кто-то видит кошмарные сны.

Для этого человека не бывает ни единой секунды скуки. Я могу часами сидеть здесь и смотреть, как движется маятник часов – мне не может быть скучно – действительно не знаю, что это такое. Маятник движется там – все мое существо есть это движение. Часами

я могу сидеть тут и смотреть на него. Тебе это не интересно; тебя интересует что-то еще, какая-нибудь медитация. Этот индивид всегда находится в состоянии медитации. «Где это движение?» – удивляюсь я – такая происходит медитация. Не то чтобы я удивлялся в обычном понимании этого слова; эта индивидуальность остается в состоянии удивления до конца своей жизни. «Снаружи» и «внутри» созданы мыслью. Когда нет движения мысли, ты не знаешь, внутри это или снаружи. Это всего лишь как зеркало. Это живое зеркало, отражающее вещи точно такими, какие они есть. Здесь никого нет: я ничего не вижу; все мое тело отражает вещи точно такими, какие они есть.

Механизм узнавания и называния остается на заднем плане, кроме тех случаев, когда в нем возникает необходимость. Это отсутствие движения мысли, которая узнает и называет вещи, есть состояние *самадхи*, *сахаджа* (естественная) *самадхи*. Ты представляешь себе, что *самадхи* это нечто, во что он входит и откуда выходит. Вовсе нет; он всегда там. Закрыты или открыты у такого человека глаза, он не знает, на что смотрит.

Человек, который вошел в такое состояние *самадхи*, подобен сумасшедшему и ребенку, вместе взятым. Безумцы функционируют точно так же – мысли разорваны, разобраны, и так же разрозненны и действия, и чувства. Но *их* мысли сопровождаются галлюцинациями, мысленными образами, видениями того, чего нет, – это единственная разница. Это состояние – всегда состояние удивления; он не знает, на что он смотрит, не знает, что он нюхает, и вместе с тем его чувства работают на своей пиковой мощности, они *чрезвычайно* чувствительны, все воспринимают.

В: Почему я не в том состоянии, которое вы описываете?

У. Г.: Потому что у тебя есть *постоянная* потребность испытать все, на что ты смотришь, все, что ты чувствуешь внутри. Постоянно, потому что если ты не делаешь этого, ты прекращаешься – «ты», каким ты себя знаешь, «ты», каким ты себя ощущаешь, заканчивается – а ты не хочешь, чтобы оно заканчивалось; ты хочешь непрерывности. И все духовные поиски идут в сторону усиления этой непрерывности. Это деятельность, направленная на свое «я». Как ты можешь посредством такой деятельности освободиться от действий своего «я»? (Я использую слово «я» в кавычках.) Так что *все* твои опыты, *все* твои медитации, *вся* твоя *садхана*, *все*, что ты делаешь, *усиливает* твое «я», *добавляет* движущей силы, *накапливает* движущую силу и таким образом уводит тебя в противоположном направлении. Что бы ты ни делал, чтобы освободиться от своего «я», все это тоже будет эгоцентричной деятельностью. Ты не можешь разделить эти вещи надвое; процесс, который ты усваиваешь для достижения того, что ты называешь «быть», это тоже процесс становления. Так что нет такой вещи, как *быть* и *становиться*. Ты *всегда* в процессе становления, как бы ты его ни называл. Если ты хочешь быть собой, а не кем-то другим, это тоже процесс становления. С этим ничего нельзя *сделать*. *Все*, что ты делаешь, чтобы привести себя в состояние «бытия», есть процесс становления – вот и все, что я хочу сказать.

В: Он никогда не может привести к процессу «бытия»?

У. Г.: Нет, что бы ты ни делал, любое движение в любом направлении на любом уровне – это деятельность, направленная на свое «я». Это очень умная штука – она выживала веками – она знает *все* в мире трюки.

В: Как могла эта иллюзия сущности, называемой своим «я», оставаться с нами тысячелетиями, несмотря на всех тех людей, которые получили реализацию, что бы это ни было?

У. Г.: Как? (*смеется*) Оно *тут*. Оно тут. Каждый раз, когда ты что-то делаешь, будь это хороший или плохой поступок, ты усиливаешь это. Видишь ли, все мы функционируем в «мыслесфере», если можно так выразиться. То, что ты выбираешь из этой «мыслесферы», есть твое окружение, твоя культура, это как антенна. Эта «антенна» – продукт культуры. Ты улавливаешь мысли, которые полезны для твоей защиты мысли. Мысль – это защитный

механизм. Что же такое он защищает? Он защищает себя. Он сделает все что угодно, лишь бы защитить себя от поломки. Даже если ты внедряешь так называемые духовные устремления, они лишь *усиливают* его – они вовсе не направлены против этого – так что ты на *ложном* пути. Нет ни утвердительного, ни отрицательного подхода. Так называемый отрицательный подход – это тот же утвердительный подход. Любой подход, все подходы, называете ли вы их отрицательными или утвердительными, или еще какими-то – все это подходы. Так вот, подхода нет: ты ничего не можешь сделать.

Вы выбрали отрицательный подход, потому что ваши утвердительные подходы оказались тщетными. Вы чувствуете, что между ними есть разница. Но даже то, что вы называете «отрицательным подходом», является утвердительным подходом – вы превращаете его в утвердительный подход – потому что цель, которую вы хотите достигнуть, это положительная цель, вы хотите добиться чего-то, вы хотите чего-то достичь, получить бог знает что, «состояние не-знания», посредством отрицательного подхода.

Отрицательный подход должен отрицать сам себя. Это не отрицательный подход с положительной целью, с идеей прийти к какому-то заключению. Я всегда опровергаю то, что говорю. Я делаю утверждение, но это утверждение не выражает всего, что говорится, и я опровергаю его. Вы говорите, что я противоречу сам себе. Я совсем не противоречив. Я отрицаю первое утверждение, второе утверждение и все остальные утверждения – вот почему иногда это звучит весьма противоречиво. Я постоянно отрицаю, не для того, чтобы прийти к чему-то; просто отрицаю. В моих разговорах нет никакой цели. Я всего лишь указываю на ту ситуацию, что вы не можете понять то, о чем я говорю. Для вас невозможно слушать меня, не интерпретируя. Я постоянно пытаюсь разделаться с точкой отсчета. Когда точка отсчета отсутствует, нет никакой нужды понимать меня, вы понимаете? – я постоянно это говорю. Этот старина говорит о «искусстве слушать», «настоящем слушании», и вы думаете, что есть какой-то способ слушать, искусство слушать. Нет ничего такого. Вы даже не будете знать, о чем я говорю.

Ты не в том положении, чтобы принимать или отрицать то, что я говорю. Ты принимаешь утверждение, потому что оно соответствует твоей точке отсчета, твоим предположениям типа «самореализации», «Богореализации» и т. д. Точка отсчета – это ты. Если исчезнет точка отсчета, вместе с нею исчезнешь и ты – это конец тебя.

Твое слушание как таковое – уже интерпретация. Ты никогда никого не слушаешь: ты не можешь никого слушать, не интерпретируя. Интерпретация – это часть твоего окружения, понимаешь, так что ты не можешь ничего слушать, не интерпретируя того, что ты слушаешь.

Есть ли какое-то другое слушание? Есть слушание, независимое от слов, но не на сознательном уровне. (Это не значит, что ты бессознателен – я должен очень ясно дать понять это.) Это чистая и простая физическая реакция на звук: звук приводит в движение барабанную перепонку, так что это всего лишь вибрация – ты на самом деле не знаешь, о чем он говорит. Это физиологическое явление, поэтому я излагаю его только физиологическими терминами.

Не психологическими, не религиозными, не духовными понятиями, потому что для меня очень важно выразить это состояние чистыми и простыми физическими и физиологическими терминами.

Если ты проиграешь запись этого разговора, он будет для меня совершенно бессмысленным. Вчера я слушал запись моей речи в Бангалоре – «Что такое говорит этот тип? Это же бессмысленная болтовня. Я бы не стал слушать этого парня». Эта пленка мертва. Это могут быть слова, но они не несут никакого смысла для меня. Забуди это! Сожги это! Выбрось прочь! Это всего лишь машина, реагирующая на раздражители твоих вопросов. Вы создали проблему из «ответов»; я тут ни при чем. Я не давал обязательства быть последо-

вательным, у меня нет никакой точки зрения, чтобы выразить ее, никаких тезисов, чтобы излагать их; я всего лишь реагирую на твой раздражитель.

Когда ты задаешь вопрос, он немедленно улавливается. Я даже не расшифровываю его; еще даже до того, как ты задал вопрос, ответ уже здесь. Ты можешь это делать; в этом нет ничего необычного. Если ты не озабочен чем-нибудь своим, это очень легко. Это не чтение мыслей; это всего лишь эхокамера: что происходит там, происходит и здесь. Ты не можешь этого делать; ты хочешь расшифровывать каждую мысль, все переводить.

Ты не можешь испытать то, что я говорю, кроме как посредством мысли. Другими словами, пока присутствует движение мысли, для тебя невозможно понять то, о чем я говорю. Когда его нет, то для тебя нет и необходимости понимать. В этом смысле, понимать нечего.

Жизнь – это одно целостное движение, а не два разных движения. Она движется, это непрерывный поток, но ты не можешь посмотреть на этот поток и сказать: «Это поток». Тогда почему я говорю, что это поток? Я прибегаю к таким словам, только чтобы дать тебе некоторое представление об этом. Но если ты переводишь эти слова в понятия твоих концепций и абстракций, ты уже заблудился. В самом деле, ты не знаешь, что говорится, ты вообще не понимаешь – и если ты осознаешь это, что происходит? Тогда больше нет движения мысли. (Желание понять означает, что есть движение мысли.) Ты на самом деле ничего не знаешь о том, что говорит этот старина. Что тогда происходит внутри тебя: ты лишь повторяешь эти фразы, фраза за фразой, слово за словом, не переводя их, не интерпретируя их в понятия твоих представлений, – его говорение является всего лишь шумом; ты эхокамера – вот и все, что происходит. Тебя в этом нет. (Когда есть «ты», ты переводишь.) Это всего лишь чистое и простое функционирование организма. Поскольку есть жизнь, есть ответная реакция. Реакция и стимул – это не два разных движения: реакцию нельзя отделить от стимула. (Как только ты отделяешь реакцию от стимула, появляется разделение, это действует разделительное сознание.) Итак, это одно действие.

Мысль и жизнь – это один сливающийся поток. Но кажется, что есть движение мысли, параллельное движению жизни, постоянно происходящему в тебе. Кажется, что есть; иначе нам не нужно было бы сидеть здесь и говорить об этом – слушать меня или пытаться понять меня – не было бы необходимости. Если бы в вас не было преемственности мысли, эта ситуация, которую мы создали для себя в этой комнате, больше не существовала бы. Вы бы не захотели слушать какого-то там типа, описывающего, как он функционирует, – с чего бы? Если он функционирует таким-то образом, здорово, весело. Почему вас это интересует? Почему вы устанавливаете какую-то связь?

Пока вы слушаете меня, вы в заблуждении. Вы слушаете меня, потому что хотите понять, о чем я говорю. Не то чтобы это было чем-то абстрактным или сложным; но ваше понимание происходит посредством этого инструмента (механизма мышления), а это не тот инструмент (чтобы понять это). Этот отточенный, повышенной чувствительности инструмент, что вы называете «интуицией», но другого инструмента нет. Если это не подходящий инструмент, а другого инструмента нет, тогда логический вывод из этого утверждения следующий: а есть ли что-то, что нужно понять? Нечего понимать. Если это понимание каким-то образом есть...

Это понимание каким-то образом есть здесь. Я не знаю, как оно пришло, – вот почему я не могу взять вас туда – у него нет причины. Вас интересует причина, потому что вы хотите, чтобы это случилось с вами; иначе вас бы не интересовала причина.

Так что это не вопрос понимания меня; меня понять невозможно. Это просто невозможно. Единственное, что вы можете понять, находится внутри этих рамок и в отношении к этой точке отсчета. Вы думаете, что чем больше вы слушаете, тем больше для вас становится ясным нечто; но ясность мысли делает для вас еще более трудным понимание того, о чем я говорю. И вот вы возвращаетесь, год за годом, и думаете, что вещи становятся все

более и более ясными для вас; но на самом деле это уничтожает возможность понимания чего бы то ни было.

Понимать нечего – каким-то образом это понимание есть здесь, и как оно пришло, никто не знает, и нет никакого способа заставить вас увидеть это, и вы спрашиваете: «Почему вы говорите?» Вы приходите сюда.

До тех пор пока ты думаешь, что все более и более ясно видишь, говорю тебе, ты ничего не увидел. Дж. Кришнамурти говорит: «Видение – это конец». Если ты говоришь, что увидел, ты не увидел, потому что увидеть – это означает конец структуры, которая говорит это. Нет такого видения, которое ты можешь знать. Другими словами, нет никакого видения. Пока ты думаешь, что можешь лучше понять это, яснее увидеть окружающий мир, говорю тебе, ты ничего не увидишь и ничего не поймешь. Этот разговор ни к чему тебя не приведет. Мой единственный интерес в том, чтобы прекратить все это.

Разница между тобой и мной в том, что ты пытаешься понять. Отсутствие того, что происходит там, это как раз то, что есть здесь. Обсуждение только усугубляет путаницу – оно совершенно бесполезно. Я могу только указать на препятствие, вот и все.

В: *Это своего рода подготовка?*

У. Г.: Нет. Я без конца повторяю: «Распрашивание бесполезно», но вы хотите применить к этому техники, которым научились в жизни. Вы говорите: «Будда сел под дерево и сказал, что не шевельнется». Он уже все сделал и понял, что ничто не в силах помочь ему. Он знал, что ничто не может помочь ему, и, вероятно, тогда что-то произошло. Вы спорите: «Он делал это, так почему мы не можем пойти по тому же пути?» – но для вас все совершенно по-другому; вы не в том положении; вы все еще надеетесь, что нечто произойдет. Суть в том, что понимать нечего.

В: *Когда вы говорите: «Я не знаю ничего», не подразумевает ли это, что вы знаете?*

У. Г.: Понимаешь, не то чтобы я знал, что я в состоянии незнания; утверждение «Я ничего не знаю» – это выражение этого состояния. Пойми это очень четко. Я не говорю себе, что я не знаю, на что смотрю; это само состояние выдает фразу «Я не знаю» – это то, как состояние выражает, описывает само себя. Не то чтобы был кто-то, кто говорит: «Я не знаю»; само состояние говорит это: «Я на самом деле ничего не знаю об этом». Это действительно так!

В: *«Это действительно так!» звучит как догматичное утверждение.*

У. Г.: Когда проваливаются все попытки и усилия с твоей стороны уместить то, что говорится, в логические рамки, рациональные рамки, мне приходится сказать, что ты никоим образом не можешь понять ничего об этом; это вне логики, за пределами рационального, это так. Тебе придется принять или отвергнуть утверждение, что я ничего об этом не знаю. Это не утвердительное высказывание. Ты ни за что не сможешь испытать этого. Не пытайся! Это тебе совсем не поможет. Это так. У этого нет двух путей. Я совсем не догматичен. Это не догматичное утверждение. Я действительно ничего не знаю. Это так, потому что ты, структура, пытающаяся понять, ни за что не поймешь – в этом смысле, это так. Здесь это так: я не могу ничего понять об этом. Здесь это так; так же должно быть и там. Там это не так, потому что ты все еще пытаешься понять, испытать что-то, чего ты никогда не сможешь понять.

Здесь есть сложность в понимании. (Мы пользуемся таким простым английским языком. Они (мудрецы *Упанишад*) говорили в те времена, когда слова имели совсем другие значения – тогда не было ни магнитофонов, ни стенографов; их ученики слушали и передавали это дальше.) Вот почему я часто спрашиваю: «Что у меня за учение? Пожалуйста, расскажите мне». Я ничего не знаю о моем учении. Я ничего не знаю о моем состоянии – и я не могу; я знаю, что не могу – есть ограничение. У него есть свое собственное ограничение, и оно осознало свое ограничение. Оно не может испытать этого – вот и все, что я хочу сказать.

Поскольку я *ничего* не знаю о моем состоянии, я не могу делать никаких высказываний, ни утвердительных, ни отрицательных, потому что и утвердительные и отрицательные утверждения находятся в поле мысли. Но вы столько говорите о моем состоянии: вы, кажется, знаете о моем состоянии больше, чем я. Как вы можете что-то говорить о моем состоянии? Вы ничего не говорите о моем состоянии: все это интерпретация того, что говорю я. Понимаете, само ваше слушание есть интерпретация. Вы *не можете* слушать то, что я говорю. Если вы в том состоянии, где есть только эхо того, что я говорю, повторяющее слова, не понимая их, вы действительно понятия не имеете, о чем тут говорит этот парень, и даже не пытаетесь понять. Если было бы какое-то слушание, то не было бы всего того, что вы говорите, – вот почему я говорю, что вы не слушаете.

Я сообщаю вам простой факт, что вы совершенно не можете меня слушать. И дело не в вашем слушании; вы вообще не можете слышать, что я говорю. То, что вы понимаете из своего слушания, – это ваше собственное слушание, а не то, что я говорю. Что я говорю, не знаете ни вы, ни я. (*смех*) Я вообще ничего не говорю об этом; я говорю только, что вы не слушаете, потому что не можете слушать. Вы не можете слушать, так и не пытайтесь! – вот и все, что я хочу сказать.

В том, что я говорю, нет логики. Если в этом и есть логика, то это его собственная логика – я ничего об этом не знаю. Но вам обязательно надо втиснуть меня в логическую структуру вашей мысли; иначе логическая структура здесь, рациональное, прекратит свое существование. Видите ли, вам приходится давать рациональное объяснение – потому что это то, что вы есть. Но оно не имеет никакого отношения к рациональному, не имеет отношения к вашей логике – но это не означает, что оно нелогично или иррационально.

Что вы хотите понять? Понимать нечего – вот о каком понимании я говорю. Если вы поймете, что это значит, о чем я говорю, то вы уже там. Это будет нечто новое, нечто абсолютно новое. Вы совсем иначе будете выражать это. Вы не будете повторять того, что сказал Будда, что сказал Иисус, что сказал Дж. К.⁴, или что говорит еще какой-то Кришнамурти. Оно будет новым и будет выражать себя совершенно по-другому. Как оно будет выражать себя, я не знаю, вы не знаете, никто не знает. Если другие приспособливают меня к своим рамкам, это их дело; нас это не особо интересует.

Вы, вероятно, поместите меня в какие-нибудь рамки и что, мол, такой-то уже говорил об этом раньше – это преследует меня, куда бы я ни отправился. Приходят последователи Кришнамурти, последователи Раманы Махарши, другие, и говорят: «Ты говоришь то же самое!» Откуда вы, черт возьми, знаете, что я говорю то же самое? Вы знаете, о чем он говорит? Прежде всего вы должны знать, о чем он говорит и что за этим стоит, и тогда можете сравнивать, что говорю я и что он. Я *не* говорю *ничего* такого.

Я ни с кем себя не сравниваю. Зачем сравнивать себя с мудрецами, святыми и спасителями? Это была бы величайшая трагедия моей жизни, ведь так? Я вообще себя не сравниваю. То, что я говорю, это не то же самое, что говорилось раньше. Нет. Откуда я знаю? Понимаете, вы пытаетесь поместить меня в эти рамки. Вам это необходимо сделать. Если вы этого не сделаете, вам придет конец – это опасный момент. Так что вы должны меня полностью отвергнуть со словами: «Он несет какую-то чушь, чепуху, вздор!» или же приспособить меня к своему прошлому опыту, или поместить в чьи-нибудь еще рамки и сказать: «Он говорит то же самое» – иначе глиняные идола, которых вы создали из чьих-то учений, рухнут. Вам необходимо сделать это – либо одно, либо другое.

В: *Сэр, каково ваше послание?*

У. Г.: Очень просто. Вы ничего здесь не получите. Вы теряете свое время. Собирайтесь и уходите! Вот мое послание. Мне нечего дать; вам нечего взять. Если вы так и будете сидеть

⁴ Джидду Кришнамурти. – *Прим. пер.*

здесь, то лишь потеряете время. Единственное, что вам надо сделать, – это подняться и уйти. Если вы все еще думаете, что я могу вам что-то дать, вам придется сидеть здесь до второго пришествия. Мне нечего дать. Давать вообще нечего.

Этот «святой бизнес» – я в нем не участвую. Мне ничего не нужно, мне нечего дать, так что тут нет никакого нарушения договора. Ничего – я ничего не хочу. Вы можете подумать, что я говорю ради самоутверждения – если это так, то это будет моей трагедией, моим несчастьем – так что вы вне игры; вы не заинтересованы в том, чтобы вовлекаться в мою трагедию.

В: *Вы здесь для локасанграхи (духовного подъема мира)?*

У. Г.: Я здесь не для локасанграхи; мне нет до вас никакого дела; я знаю, что вы обречены. Если вы думаете, что произойдет нечто, и сидите здесь день за днем, неделя за неделей, год за годом, ожидая второго пришествия, даже тогда оно не произойдет. Идите куда угодно и делайте что угодно! Я совершенно четко вам говорю, громко и четко, понятным и ясным языком, что сообщать нечего, ни сейчас, ни когда-либо еще. Я правда удивлен – несмотря на это настойчивое утверждение, вы все еще чего-то ждете тут. Это ваши похороны. Вы гонитесь за чем-то, чего не существует. Нечего трансформировать, нечего менять, нечего понимать. И до тех пор пока вы хотите походить на меня, вы будете оставаться такими, какие вы сейчас, и задавать те же самые вопросы. Вы будете получать те же самые ответы – единственный ответ на все вопросы – это «Перестаньте задавать вопросы!»

В: *Какими, по-вашему, должны быть люди?*

У. Г.: Они не могут быть другими, нежели чем те, какие они есть. Убийца останется убийцей – конечно, ему придется расплачиваться. Вы запретили убийства, но их происходит все больше и больше. Я вижу убийцу, притаившегося в вас. Если вы не можете получить, чего хотите, и кто-то стоит у вас на пути, а вы так сильно этого хотите, тогда вы, не раздумывая, любыми способами уберете этого человека – вот и все. Вся ваша болтовня о культуре для меня не имеет никакого смысла. Вся культура построена на основании того, чтобы убивать и быть убитым – этому даже учат в университетах. Я вас не боюсь. Вы можете меня убить – это ваша привилегия.

Вы не можете быть другими, чем те, какие вы есть. Что бы вы ни делали, чтобы измениться, у вас ничего не выйдет. Прекратите убегать от себя! Какой смысл мне говорить вам это? Мне бесполезно говорить вам это, потому что вы не прекратите делать это. Вы не уверены: «Может быть, что-то можно сделать». Я уверен, что у вас нет свободы действия. В этом смысле я делаю шаг дальше и говорю, что вы находитесь под контролем генов. Естественно, вы скажете, что это утверждение – теория. У вас есть надежда, что вы что-то можете сделать. В «святом бизнесе» множество людей, которые уверяют вас, что вы можете что-то сделать, и вы пойдете туда – вот и все. Моя уверенность сохраняется. Вы называете ее «теорией». Ладно, можете идти и попытать удачу. В конце концов вы сами обнаружите для себя: «Этот парень прав!» Я спою свою песню и уйду.

С моей стороны все ясно. Так много людей говорят, что могут помочь вам, – и вы хорошо сделаете, если пойдете туда и попытаете удачу. Но я хочу добавить официальное предупреждение (подобное тому, что у вас на сигаретных пачках): вы ничего ни от кого не получите, потому что получать нечего. Вот почему я говорю, что, поскольку нет такой штуки, как просветление, вопроса о том, просветлен такой-то или такой-то, вообще не возникает. Вы все люди с одинаковыми взглядами, стремящиеся к таким вещам, вот и все. Это ваша проекция, ваше представление о тех людях, вот и все, что я хочу сказать. Там может и не быть ничего, кроме того, что вы спроецировали на них.

В: *Сострадателен ли человек в естественном состоянии?*

У. Г.: Это ваша проекция; они черствы, безразличны, равнодушны. «Сострадание» – это одна из уловок «святого бизнеса», расхваливание товара. Вы думаете, этот человек осо-

знает, что он полон сострадания? Если осознает, то это не сострадание. Вы даете названия. Как это действует? Скажите мне. Какого рода сострадание вы в нем видите? Это ваше предположение, что я сострадатель.

Это не то, о чем нужно говорить и восхвалять. Если вы откроете организацию, то девяносто процентов ее сборов будет уходить администрации. В Америке столько организаций – все богатые женщины, увлекающиеся социальной деятельностью, собирают средства, и девяносто процентов этих средств тратит администрация. Это все, что вы можете сделать; вам не изменить мир. Вас никто не просит менять этот мир.

Я не заинтересован в том, чтобы менять общество. То, что я говорю, не имеет никакого социального содержания.

Что не так с этим миром? Почему вы хотите изменить мир? Это удивительно прекрасный мир! Вы хотите изменить этот мир таким образом, чтобы вы могли жить в мире своих идей. Настоящая проблема в том, что вы хотите изменить себя и обнаруживаете, что это невозможно, и вот вы хотите изменить мир, чтобы получилось уместить его в свою собственную схему.

В: Действительно ли здесь нет социального смысла? Они говорят о локасанграхе. Они имеют в виду, что присутствие реализованного человека очищает. Он излучает чистые вибрации, и атмосфера очищается.

У. Г.: Действительно? Так ли это? Во имя человека, говорившего о любви к своему ближнему как к себе самому, было пролито больше крови, чем за все последние войны, вместе взятые. Это вы называете «социальным смыслом»? Все они враждуют и спорят. Какой тут может быть социальный смысл? Ты хочешь быть хорошим человеком, милым человеком, невинным человеком и все такое; ты хочешь быть чем-то другим – всегда завтра или послезавтра, – но даже тогда ты будешь говорить то же самое – в следующей жизни. Это вам обещают все учителя (и они только обещают) – следующую жизнь. До этих пор он в бизнесе, он уверен. Если он говорит, что там ничего нет, вы его оставляете. Вот почему мне не стоит беспокоиться: вы в любом случае уйдете, потому как то, что привело вас сюда, определенно уведет вас еще куда-то. Вы хотите что-то получить. Вам этого не получить. Есть какая-то фальшивая надежда или обещание. Я не даю фальшивых надежд или обещаний. Но они создали некую надежду, и вот вы продолжаете и продолжаете – это как ехать верхом на тигре, вы не можете слезть.

Нет *никакого путешествия*. Себя обманывают и те, кто притворяется, что берут тебя в путешествие, и те, кто пытается. Вы не можете пойти со мной. Как вы можете идти со мной? Вы так боитесь колючек, камней, вы хотите подготовленного гида. Я сам не знаю местности. Вы никогда не слышали пословицы, которая предостерегает никогда не ходить с человеком, у которого есть сандалии, потому что он всегда наступает на колючки? У вас будут проблемы. Я сам не знаю местности; я просто иду.

Вы говорите о стольких вещах – расхожих истинах вроде «Будь хорошим. Будь мудрым». Но в этом нет никакого социального смысла: это не используешь для изменения мира, реформирования мира, создания нового человека, нового мира – все это пустые слова. Возможно, некоторые люди делают это, просто чтобы помочь каким-то людям – это нормально – делайте что-нибудь – если сработает, то сработает. Но предлагать нечто такое, зная, что это никогда не сработает, неправильно – «Дадим-ка им поиграть новой игрушкой». Все традиционные штуки провалились, так что вот новые игрушки, специально импортированные из Японии (или бог знает откуда). *Что вы делаете?* Вы ничего не делаете; вы повторяете новые фразы, новые слова, новые идиомы – вот и все, что вы делаете.

Вы не признаете того факта, что все это загрязнение в этом сознании. Все, что вы считаете священным, считаете экстраординарным – Сознание Будды, Сознание Христа, Сознание Кришны, – это загрязнение в этом сознании. Оно должно очиститься: все это, весь шлак

– все, что считается святым, священным, – все должно уйти. Иначе есть зависимость: вы испытываете нечто необычное и основываете организацию, Сознание Кришны или какую-нибудь еще. Эти организации собирают двадцать миллионов долларов и выпускают книги, чтобы поделиться этим опытом, заставить других испытать это, такие глупости.

В: *Есть ли разница между тем, чтобы ходить в церковь и сюда?*

У. Г.: По сути своей мотивация одна и та же: вы ищете нового учителя, новую Библию, новый порядок, новую Церковь – вот и все, что вы можете сделать. На самом деле это одно и то же: вы ни на шаг не ушли от католической церкви. Если вас интересует только религиозность, то нет нужды искать где-то еще, кроме христианства. Мудрые изречения великих учителей в разных религиях ничем не отличаются. Я всего лишь хочу сказать, что нет смысла искать чего-то в заморских странах и религиях. Вы учитесь новым техникам, новым системам, новым фразам, и тогда вы начинаете думать и говорить терминами этого нового языка, и вы, вероятно, великолепно себя чувствуете, но по сути своей это ничего не значит.

В: *Вы разрушили все мои пылкие мечты.*

У. Г.: Нет, нет, ты не можешь быть так уверен; они все еще здесь. Есть очень мощное средство – если в твоей структуре появляется небольшая трещинка, ты ее замазываешь. Это очень сильное средство – его движущая сила копилась миллионы лет. Ему известны всяческие уловки – оно может изобрести любой трюк, чтобы набрать силы. Такова его природа. Вы с этим ничего не можете поделать. Вы можете обсуждать это сорок лет, но, обещаю вам, ни к чему не придете. Если кто-то заставляет вас поверить, что вы можете к чему-то прийти, он вас дурачит. Он может быть честным. Не доверяйте честным парням! В этом деле нет честных. Никакое внешнее средство не в силах помочь вам.

В: *Вы полностью отвергаете учения свами (святых людей)?*

У. Г.: Я не отвергаю; я говорю вам: «Идите к свами и он вам что-нибудь даст. Он даст вам, что хотите. Удачи!» – вот и все. Могу сказать вам, что этого вы не получите; это не то, что можно получить. Желаю вам удачи. Я прекрасно знаю, что это не то, что ты или кто-то другой может получить или дать. Я не могу дать этого. Если кто-то обещает, он всего лишь обещает, и он будет тебя долго водить за нос. Он просто дурачит тебя. Он не может поставить свой товар и потому говорит: «В следующей жизни» или «Десять лет спустя» – и он в безопасности.

В: *Чего вы просите, чтобы мы сделали? Что нам следует делать?*

У. Г.: Я не прошу вас ничего делать. Моя проблема в том, что я правда не знаю, где вы, – я не могу вам помочь в этом деле – вы должны рассказать мне. Где вы? Что заставляет вас думать, что вы отличаетесь от меня? Я от вас не отличаюсь – этого не может быть.

Это не может быть вам интересным. Как это вас может интересовать? – вот в чем мой вопрос. Как вас может интересовать это? Вас интересует что-то совершенно другое, выдумки, фантазии. Можете предаваться любым фантазиям – это ваше дело. Если это не фантазия, то ты заинтересуешься другого рода фантазией. Как тебя может интересовать самоликвидация? – вот в чем заключается мой вопрос. Все, что ты знаешь, «ты», каким ты себя знаешь, – все это заинтересовано в продолжении. Оно знает все уловки: ты не можешь побороть его.

Люди задают вопрос – все вопросы сводятся к одному вопросу: «Как? Как мне получить то, что есть у вас? Как?» И через это «Как?» структура постоянно утверждает себя и получает продолжение. «Как?» Нет никакого «Как?». Если тебя интересует «Как?», то эти свами тебе помогут.

В: *Люди, которые остаются с вами на некоторое время, это, в общем и целом, не того типа люди, с которыми мне нравится быть. Общение с вами как будто поощряет отсутствие великодушия, холодность, самодовольство. Мне нравятся люди теплые, дружелюбные, любящие.*

У. Г.: Меня не интересует сфера самовыражения, соприкосновения со своими чувствами, преодоление комплексов и так далее; я отвечаю на то, для чего люди приходят ко мне, то есть естественное состояние. Если людей интересует психологическое изменение, так называемое расширение сознания и все такое, пусть идут в группы психотерапии или на прием к психотерапевту и занимаются тем, что я называю «фрейдистской фальшивкой». В конце концов их так называемый рост не принесет им счастья, так же как и их улучшенная сексуальная жизнь (если она улучшится); в лучшем случае они научатся быть несчастливойми новым, более богатым способом. Меня это не заботит; меня интересует прежде всего тот предмет, ради которого они приходят ко мне. Мой интерес в том, чтобы указать на абсолютную невозможность что-то сделать, чтобы достичь этого состояния.

В любом случае люди, которые приходят посмотреть на меня, не остаются здесь надолго. Они приходят несколько раз или околачиваются тут несколько месяцев, а потом либо возвращаются к своей обычной жизни или отправляются к какому-нибудь парню, который обещает им то, чего они ищут. Некоторые из них становятся преданными Бубба Фри Джона, нового американского *аватары*. Как бы то ни было, я не против.

Но я никогда не буду обманывать их. Я никогда никоим образом не буду намекать, что я могу им что-то дать. Я никогда не буду внушать им какую-нибудь дутую вздорную идею практики недифференцированного осознания и единства наблюдателя и наблюдаемого и все такое.

В: *То есть вас устраивает, что ваши последователи унылы и настороженны?*

У. Г.: Меня все устраивает. Если у тебя миллион долларов и восемь подружек, меня устраивает. Если ты одинокий, хмурый, без гроша в кармане и умираешь от рака, это меня тоже устраивает. Я весьма доволен всем, как оно есть. Я доволен несчастьем, бедностью и смертью; я также доволен богатством и психологической реализацией. Я думаю, что решение твоей настоящей проблемы во всяком случае невозможно для тебя, если только ты не пройдешь некую биологическую трансформацию, которая случилась со мной. Это не значит, что из-за этого я считаю себя превосходящим тебя или кого-то другого; идея превосходства или неполноценности никогда ни на мгновение не появляется в моей голове. Абсолютное отсутствие этой идеи – это одна из характеристик всей этой трансформации.

В: *Если бы вы обобщили свое учение в одну фразу, что это за фраза была бы?*

У. Г.: Это была бы фраза: «Я не могу вам помочь».

В: *И все-таки люди приходят к вам и здесь, в Швейцарии, и в Индии. Вы должны каким-то образом помогать им или они должны думать, что вы им как-то помогаете, иначе они бы не приходили.*

У. Г.: Некоторые приходят из любопытства. Но для тех, кто приходит, потому что все-рьез хочет понять меня, я могу сказать только, что мне нечего сказать. Я никому не могу помочь, и никто не может. Вам не нужна помощь; напротив, вам нужна полная беспомощность – и если вы пытаетесь достичь этой беспомощности с моей помощью, вы пропали.

В: *Вы можете говорить о разнице между вашим состоянием и состоянием бытия большинства людей?*

У. Г.: Я думаю, что она очень мала; это разница всего лишь на волосок.

В: *Но ваше тело подверглось биологическим изменениям.*

У. Г.: Да, но у меня нет какого-то секрета, спрятанного в тайном месте. Мне нечего предложить. Все, что я могу предложить, это уверенность, что любое расспрашивание, как и все философские дискуссии, бесполезны, что диалог невозможен и что твои вопросы, как и чьи-либо еще, не служат никакой цели. Понимание, в том смысле, который я подразумеваю, это состояние пребывания там, где вопросов больше нет.

В: *Вы имеете в виду, что это состояние не-думания?*

У. Г.: Это состояние, где мышление и жизнь не являются двумя разными вещами, а есть одно и то же. Это не интеллектуальное состояние; это больше состояние чувствования (хотя я употребляю слово «чувство» в другом смысле, чем вы). Это состояние отсутствия поиска. Человек всегда чего-то ищет – денег, власти, секса, любви, мистического опыта, истины, просветления, и именно этот поиск удерживает его в стороне от его естественного состояния. И хотя я в этом естественном состоянии, я не могу помочь кому-то другому, потому что это мое естественное состояние, а не его.

В: *Вы хотите сказать, что если я прекращу искать, во мне произойдет изменение?*

У. Г.: Да, произойдет. И если я сказал: «Да, произойдет», тогда что? Что хорошего в моем уверении тебя? Ничего хорошего – это совершенно бесполезно, так что не слушай меня или кого-то еще. Всю свою жизнь ты слушаешь других – в этом причина твоего несчастья. Ты уникален. Тебе незачем хотеть быть похожим на кого-то еще. Ты все равно не можешь быть таким, как он. Это желание – желание слушать, желание понять, желание быть таким-то и таким-то – возникло оттого, что общество заинтересовано в создании совершенного человека; но совершенного человека нет – вот в чем наша проблема. Все, что мы можем сделать, – это быть самими собой, и никто не может помочь вам в этом. Тебя могут научить кататься на лыжах или чинить мотор, но ничему важному тебя научить не могут.

В: *Даже Будда или Христос?*

У. Г.: Почему тебя волнуют эти ребята? Они мертвы. Их следует сбросить в реку. Вы этого не делаете; вы продолжаете слушать кого-то (не важно, кого) и продолжаете надеяться, что каким-то образом, завтра или послезавтра, ты сойдешь с карусели. Ты слушаешь своих родителей и учителей в школе, и они говорят тебе быть хорошим и послушным долгу, не злиться и все такое, но из этого ничего хорошего не выходит, и вот ты отправляешься обучаться йоге, и потом наконец появляется какой-нибудь старикан и говорит тебе быть неизбежно осознанным. Или, может быть, ты находишь кого-то в «святом бизнесе», и он творит чудеса – он делает из воздуха какие-нибудь безделушки, и ты попадаешь на это, или, возможно, он дотрагивается до тебя, и ты видишь какой-то голубой свет, или зеленый свет, или желтый свет, или бог знает что, и ты надеешься, что он поможет тебе испытать просветление. Но он не может помочь тебе. Это нечто такое, что нельзя схватить, удержать или выразить. Я не знаю, видите ли вы всю беспомощность ситуации, и как, если кто-то думает, что может помочь тебе, то он непременно введет тебя в заблуждение, и чем менее он фальшив, чем он сильнее, чем просветленнее, тем больше страдания и вреда он принесет тебе.

В: *Испытываете ли вы интерес к вопросу реинкарнации?*

У. Г.: Меня больше интересует вопрос «Рожден ли ты?». Ты можешь мне сказать? Ты сам – можешь ты быть уверен, что ты рожден? Можешь ты испытать свое собственное рождение? Не можешь. Ты можешь испытывать рождения и смерти других и ты думаешь, что однажды испытаешь свою собственную смерть. Но нет никакой гарантии, что ты испытаешь свою смерть. Твоей структуры, заинтересованной в понимании твоей смерти и твоего рождения, там не будет. Так что жизнь как таковая не имеет ни начала, ни конца; это безначальное и бесконечное движение, и ты лишь ее выражение, как птица, червяк или облако.

В: *С той единственной разницей, что я осознаю себя, а червяк нет.*

У. Г.: Ты осознаешь себя посредством мысли (под которой я имею в виду не просто сознательную мысль, но это обуславливание, которое превращает жизнь, проходящую через твои чувства, в удовольствие и боль). И эта мысль не твоя; это то, чему ты научился у других, мысль из секунд-хэнда, она принадлежит всем. Ты принадлежишь всем. Так почему ты не принимаешь эту естественную вещь? Если ты примешь эту естественную вещь, все попадает в свой собственный ритм: ничего не надо делать, ничего контролировать, ничего спрашивать. Тебе ничегошеньки не надо делать. Тебе пришел конец.

В: Ну, нельзя же просто сидеть на холме и гнить. А я именно это и делаю.

У. Г.: Все равно ты гниешь, не важно, где ты находишься. Не обязательно на холме; гниение происходит и посреди всяческой твоей деятельности. И бремя в том, что ты можешь однажды каким-то образом, каким-то чудом или с чьей-то помощью что-то с этим сделать. Ты ничегошеньки не можешь с этим поделаться, давайте посмотрим в лицо этому факту. Никаких чудес! Никто не может помочь вам!

В: Итак, если никто не может помочь...

У. Г.: И ты не знаешь, как помочь себе самому, – вот в чем дело. Ты знаешь, это не две разные вещи. Если ты действительно придешь к тому, что никакое внешнее средство не может помочь тебе, вся твоя абсолютная беспомощность автоматически уйдет. Это две стороны одной монеты. У тебя все равно остается надежда – тот факт, что ты здесь, означает, что ты еще не оставил надежду. Или, если ты не идешь сюда, то отправишься к кому-нибудь еще в Индию – к самому *аватару*, к самому богу, ступающему по Земле. Может быть, он сделает какие-то безделушки из воздуха, но какой в том толк? Не важно, кто он, если бы у тебя не было надежды, ты бы его не слушал, ты бы не притронулся к книгам, ты бы никого в этом мире не слушал. Не то чтобы ты возгордился или что-то такое; но все внешние средства в любой форме, на любом уровне прекратились бы раз и навсегда.

«Я не знаю, что делать. Я беспомощен, абсолютно беспомощен» – пока ты думаешь, что ты абсолютно беспомощен, ты будешь зависеть от какого-то внешнего средства. Это может прекратиться за раз: один взрыв, и вся твоя зависимость от внешних средств заканчивается, и вместе с ней исчезает идея о том, что ты беспомощен. Но ты ждешь, чтобы что-то произошло или чтобы на тебя снизошла какая-то благодать, – ты все еще зависишь от какого-то внешнего средства. Говорю тебе, нет никакой силы вне тебя – нет силы. Это не означает, что у тебя есть все эти атрибуты супер-пупер богов, о которых ты читаешь; но вне тебя нет силы. Если в этой Вселенной есть какая-то сила, то она в тебе.

В: Я убежден в том, о чем вы говорите.

У. Г.: Это не вопрос убеждения; это факт, и ты не можешь испытать этого факта. Пока ты говоришь себе, что ты убежден, ты не уверен.

В: Нет силы вне меня, здесь и сейчас?

У. Г.: Ты не позволяешь этой силе выразить себя, потому что это нечто, чего ты не можешь испытать. Ты хочешь испытать ее. Как это возможно? Эта сила – нечто живущее, живое – это трепет, пульсация, биение жизни – ты всего лишь одно из выражений этой жизни, вот и все. Как ты можешь испытать это? Эта структура мысли, посредством которой ты испытываешь, мертва; она вообще не может испытать эту жизнь, потому что одно – живое, а другое – мертвое, и между ними не может быть никакой взаимосвязи. Ты можешь испытывать только что-то мертвое, но не живое. Жизнь должна проявиться. Никто не может научить тебя этому. Тебе не нужно получать это от кого-то; что у тебя есть, уже здесь.

В: Да, но если...

У. Г.: Нет никакого «да, но». Ты не можешь сказать «да» и начать следующее предложение с «но». Там нет никакого «но». Если «да» – это настоящее «да», то оно там что-то высвобождает – «да» растворяется в ничто, и тогда то, что там есть, начинает выражать себя. Если ты говоришь «но», ты даешь продолжение этой мертвой структуре мысли, опыта и надежды. «Да!» – это то, от чего вся структура разлетается на части.

Никакое внешнее средство не может помочь тебе – *никто* – даже этот парень, который столько говорит об этом; он не может помочь тебе. (Он по крайней мере честен – «Ну, не могу я помочь».) Так что все внешние средства прекращаются – к этому заключению очень сложно прийти – «Для меня все внешние средства закончились!» Ты не идешь никого слушать, каким бы святым он ни был. Он может быть Богом из Богов, он может говорить: «Я пришел освободить все человечество!», но ты не идешь туда, понимаешь? (Если ты пой-

дешь туда просто из любопытства, другое дело.) Ты ничего не пытаешься найти ни в каком внешнем источнике. Так что ты полагаешься на себя и ты *действительно не знаешь*. Ты хочешь выяснить. Ты снова и снова задаешь вопросы – ты не отвяжешься от этого: «Как я могу понять это?» Когда все ответы извне прекратятся и изнутри не появляется никаких ответов, что становится с этим вопросом? Этот вопрос не может оставаться здесь; он растворяется. Происходит ионизация мысли, потому что она не может ускользнуть, а это энергия, это жизнь.

В: *Мы слышали, что вы провели семь лет с Дж. Кришнамурти. Вы хотите сказать, что его влияние не имеет отношения к вашему настоящему состоянию? Это полный ноль для вас?*

У. Г.: Абсолютно. Некоторые люди приходят и спрашивают меня: «Вы семь лет общались рядом с Кришнамурти. Вы хотите сказать, что это не имело никакого воздействия?» Я говорю: «Это произошло вопреки Кришнамурти». Если это должно произойти, оно должно произойти вопреки мне и вопреки моим учителям. Никакого воздействия, ничего; напротив, это для меня все очень затруднило. Я могу сказать, что это мешает и уничтожает возможность быть собой, лишить себя бремени прошлого.

Как ты можешь лишить себя бремени прошлого? Видишь, язык... «Лишить бремени» подразумевает, что ты можешь что-то сделать, чтобы освободить себя от прошлого. Это всего лишь описание состояния, где прошлое больше не действует – оно не может повлиять на твои действия. Те действия – это больше не твои действия. Ты ничего не знаешь об этом действии – ты никак не можешь этим манипулировать, это само действие жизни. В то же самое время я хочу отметить, что это не является чем-то мистическим или религиозным, или же чистым, спонтанным действием; оно не имеет к этому никакого отношения. Жизнь постоянно действует, в том смысле, что, пока работает сенсорная деятельность, что-то происходит. Не одно, но миллионы и миллионы ощущений попадают в человеческий организм. Этот человеческий организм не является отдельным от этого; это единое электромагнитное поле. Это одно поле, а изолирует, отделяет тебя и создает крохотное электромагнитное поле *мысль*.

В: *Можно сделать свою мысль безусловной с помощью осознания ее?*

У. Г.: Как ты видишь мысль? Пытался ты сделать это или ты просто принял эту идею? Тот, кто смотрит на обусловленную мысль, тоже обусловлен, так что видишь ты абсурд того, чтобы делать это? Я так не думаю. Ты ничего не можешь поделать. Не отправляйся в это путешествие по освобождению себя от обусловленности своей собственной мысли.

Но ты все равно пытаешься. Ты принимаешь эти идеи; ты никогда не подвергаешь сомнению достоверность этих утверждений. Не важно, кто это говорит, для тебя это неверно. Более того, оно обманывает тебя, потому что ты не проверяешь достоверность этих утверждений для тебя самого.

Видишь ли, ты никогда не будешь свободным от обусловленности. Не верь никому. Неусловленного ума не существует; ум обусловлен. Также абсурдно, понимаешь, и... Если есть ум, он обязательно обусловлен. Нет такой штуки, как открытый ум. В Теософском Обществе мы всегда повторяли: «открытый ум». Как это абсурдно! Ум никогда не может быть открытым; это нечто закрытое. Я не признаю, что вообще есть ум, не говоря уже об открытом уме или безусловленном уме. Нет совокупности этих мыслей и опытов; все они разъединены, расчленены.

Состояние без-мыслия, тишина... Как ты можешь испытывать тишину? – вот мой вопрос. Как ты можешь испытывать состояние без-мыслия? Ты никогда не будешь свободным от мысли. Если и есть состояние без-мыслия, его никогда не испытать ни тебе, ни кому-то другому. Все, что ты испытываешь здесь, создано мыслью.

Вневременное... Мы раньше писали эссе, «Время и вневременное», смехотворная чушь. Именно время создает вневременное и потом преследует вневременное – и путем этого преследования продолжается – все, что его интересует, это продолжение.

Абстракции вводят в заблуждение. Если ты начинаешь говорить понятиями «невинности», понятиями того, сего, пятого и десятого, ты пропал. Абстракции вводят в заблуждение. Ты говоришь о невинности. Что ты знаешь о невинности? В этом состоянии ты даже не знаешь, на что ты смотришь. Ты не знаешь, что смотришь на свою жену. Могут тут быть какие-то отношения? Может ли быть жена? Могут быть дети? Понимаешь, ты говоришь о невинности, но, когда нет ума, зачем говорить о невинном уме? Эти фразы вводят в заблуждение; они тебе ничем не помогут.

Для меня ума не существует; ум – это миф. А поскольку нет ума, то «мутация ума», о которой говорит Дж. Кришнамурти, не имеет никакого смысла. Там нечего трансформировать, ни радикально, ни как-то еще. Нет никакого «Я», которое нужно реализовать. Вся религиозная структура, построенная на этом фундаменте, рушится, потому что реализовывать нечего. По-моему, Дж. Кришнамурти играет в ту же самую игру, что и все эти безобразные рыночные святые, которые у нас есть сегодня по всему миру. Учение Кришнамурти – это дутая болтовня. В его учении нет ничего стоящего, и он совершенно ничего не может произвести. Человек может слушать его шестьдесят, семьдесят или сто лет, но с этим человеком ничего не произойдет, потому что все это фальшивка. Если количество последователей является критерием успешного духовного учителя, то Дж. К. просто пигмей. Просто мастер на слова. Он создал новую ловушку.

Вы хотите курить сигареты, и на улице всегда есть торговцы, продающие свои марки сигарет. Каждый говорит, что его марка – единственная и неповторимая, лучшие сигареты; и вот появляется Кришнамурти и говорит, что у него сигареты без никотина. А проблема не в гуру, а в вас. Если вы перестанете хотеть курить, все эти марки исчезнут. Эти самые гуру – худшие из всех эгоистов, которых только видел мир. Все гуру – это благотворительные организации, снабжающие своих последователей незначительными впечатлениями и опытами. Игра в гуру – это прибыльная индустрия: попробуйте зарабатывать два миллиона долларов в год каким-то другим способом. Даже Дж. К., который утверждает, что у него нет собственности, является президентом восьмидесятимиллионной империи.

Неизбирательная осознанность – это чушь. Кто является неизбирательно осознующим? Ты сначала должен проверить это для себя. Этот викторианский джентльмен собрал вокруг себя духовный сухостой двадцати-, тридцати- и сорокалетнего клуба. Что в этом хорошего? Я жил с ним годами и могу сказать, что он великий актер. «Джентльмены, мы вместе отправляемся в путешествие» (*смех*) – но вы никогда не сможете отправиться с ним в это путешествие. Что бы вы ни делали, будет одно и то же. С ним вы испытываете очищение мысли. Вы и есть эта мысль. Он – благодетель, которому уже давно бы стоило оставить это.

Вам придется поверить мне на слово. Мне никогда не приходит в голову, что я отличаюсь от вас. И когда вы сидите здесь и задаете вопросы – «Почему они задают мне эти вопросы?» На эти вопросы нет ответов. Никто в этом мире не может ответить на эти вопросы. Какие бы ответы вам ни давали, они вводят вас в заблуждение – в конце концов через сорок, пятьдесят лет окажется, что вас запутали, завели не туда и вы потратили свою жизнь не на то... Я знаю многих людей, которые следовали этим великим учителям, – многие из тех, кто был в окружении Кришнамурти пятьдесят, шестьдесят лет, приходят и спрашивают меня: «Я зря потратил сорок лет, слушая этого человека?» Надо ли мне отвечать на этот вопрос? Вы должны ответить; мне не обязательно на него отвечать. Вы потеряли пятьдесят лет и потеряете еще пятьдесят. Вы можете приходить сюда – ничего не произойдет, ничего не разовьется – вы ничего от меня не получите. Вот почему я в безопасности – я живу своей

собственной жизнью – если кто-то приходит, я говорю: «Скажите мне, что я могу сделать? Я не могу сделать ничего особенного. Спасибо. До свидания».

(Участники следующей беседы посетили У. Г., приехав для участия в ежегодном лагере Дж. Кришнамурти в Саанене, недалеко от швейцарского дома У. Г.)

Вопрос: Мы хотим понять эту проблему страдания.

У. Г.: Смотрите. Страдание – это неполучение желаемого; не важно, чего ты хочешь – счастья, хорошего здоровья, просветления – это меняется, знаете ли. В общем, неполучение того, что ты хочешь, это страдание.

В: И это делает нас невротиками?

У. Г.: Сама природа ума (если ум вообще есть) невротична, потому что он хочет двух вещей в одно и то же время, так что каждый человек – невротик. До тех пор пока ты хочешь двух вещей, ты в состоянии невроза. А когда ты не можешь получить этого, ты становишься психом, становишься буйным. Совсем не обязательно, что ты отправишься кого-то избивать; но ты разрушаешь сам себя, потому что это насилие внутри тебя.

Вас делает несчастными поиск того, чего не существует. Счастья вообще нет. Как нет и просветления. Вы можете сказать, что каждый учитель, все святые и спасители человечества на протяжении веков доказывают, что просветление существует и что они просветленные. Выкиньте их всей кучей в реку! Мне плевать. Понять, что никакого просветления нет, это и *есть* просветление. (смех)

Мысль не останавливается. Мысли всегда будут, потому что мысль и жизнь – это не две разные вещи. Не воображайте себе, что вы будете свободны от мыслей; мысли могут быть или не быть, но вы вообще не отождествляете себя с мыслями – тут нет ничего, что отождествляло бы себя с определенным движением мысли. Они могут быть или не быть – они будут, потому что жизнь и мысль – это не две разные вещи – ты с этим ничего поделать *не можешь*. Когда ты видишь, что этот инструмент совсем не то, что можно использовать для понимания чего бы то ни было, тогда он каким-то образом замедляется и попадает в свой естественный ритм, и тогда он не становится проблемой или бременем для тебя.

Вы пытаетесь понять чье-то учение посредством этого инструмента, который является продуктом мышления. Когда вы кого-то слушаете, вы не понимаете, что пользуетесь не тем инструментом. Через *это* вы не можете понять, что кто-то говорит, – это первое, что вы должны понять. Все, что вы делаете, является барьером к тому, что вы хотите получить, не имеет значения, что вы хотите получить. Понимаете, все, что бы вы ни делали, только добавляет топлива, придает этому движущую силу. Так как же оно может замедлиться или остановиться, и когда вы будете это делать? Завтра или послезавтра? Вы говорите: «Завтра я пойму». Завтра не существует: это не произойдет завтра; оно должно случиться либо сейчас, либо никогда. И вот, «Я *полон решимости* увидеть, *что* мешает мне понять то, что я хочу понять». Что тебе *мешает* понять то, *что* ты хочешь понять, так это та самая штука, которую вы используете для понимания чего-то. Это не мое учение или чье-то еще учение, но это *единственная* вещь: вы пытаетесь понять нечто посредством инструмента, который не является инструментом для понимания.

Так вот, единственное, что заставляет вас продолжать попытки, – это надежда: «Если я завтра обсужу эту тему с этим парнем, возможно, я смогу понять» – но это не способ. Если я не понимаю, то я не понимаю: «Я не знаю, у меня, кажется, нет способа разрешить эту проблему». Есть пример с собакой, которая гоняется за собственным хвостом, – это все продолжается и продолжается, и у вас чувство, будто вы *чего-то* добились. Вот плачевная ситуация: вы ни к чему не приходите; это совсем не выход. Тогда в чем выход? Выхода нет.

Все, что я говорю, вы превращаете в выход и добавляете движущей силы. Это не выход, это не путь, оно должно быть *твоим*. Так что все пути должны исчезнуть. Пока ты следуешь чьему-то пути, этот путь является продуктом мысли, так что это на самом деле не новый путь; это тот же самый старый путь, и ты играешь новым способом в ту же самую старую игру. Это не новая игра; вы все время играете в ту же самую старую игру, но думаете, что играете в новую. Когда вы увидите абсурд того, что вы делаете, может быть, вы осознаете: «Какого черта я делал тридцать лет, сорок лет, пятьдесят лет!»

Нужно ли мне двадцать лет смотреть на эту гору? Мне не нужно двадцать лет. Я не знаю, как смотреть на нее. (Кто-то объясняет естественное состояние его бытия, которое ваше, не мое.) *Что* происходит, когда ты стоишь перед этой штукой под названием «гора», ты не знаешь. (Я описываю это состояние, что на самом деле происходит – я говорю о действии.) Она действует на тебя. Каким образом это действие происходит в тебе и что происходит, когда это действует на тебя, ты никогда не поймешь. Вы должны прожить это, чтобы понять, что я говорю. Если бы вы это прожили, вы бы тут не сидели и не задавали все эти вопросы. Ты смотришь на это либо сейчас, либо никогда. Но надежда: «Может быть, в следующее мгновение я смогу понять» заставляет вас продолжать попытки. Ты пытаешься сфокусировать глаза на том, на что ты смотришь и увидеть что-то с большей ясностью, чем ты видел вчера. И все эти трюки, которые ты применяешь – что если ты смотришь более тщательно, с полным вниманием, то в том, на что ты смотришь, больше ясности, – все это обман, потому что все, что ты делаешь, проясняет только твое мышление; ты ни на что не смотришь. Вы не можете так смотреть ни на что; это не занимает времени. Итак, «Что же мне с этим делать?» Кто-то говорит: «Смотри на цветок», и вы смотрите на каждую линию, каждый лепесток, цвет, глубину, и так далее и тому подобное. Если это не тот способ, то тогда какой способ, и когда вы так будете смотреть на это? Вы должны дойти до того момента, когда вы можете сказать себе: «Я просто не могу смотреть на него так, как описывает этот парень. На самом деле я не знаю. На самом деле я, кажется, не могу смотреть на него иначе, чем я смотрю» – сначала вы должны прийти к этому. Это значит, что должно уйти то, о чем говорит этот другой парень, – все, что он рассказал тебе о том, как смотреть на цветок, должно уйти – тогда ты сможешь иметь дело с тем, как ты смотришь на этот цветок. Тогда ты от этого не отвяжешься: ты на самом деле не знаешь, что с этим делать. Ты должен дойти до точки, где ты *вообще ничего* не можешь сделать: «Это невозможное задание!» Ты скорее должен иметь дело с этим, чем с тем, каким ты хочешь быть.

«Восприятие без воспринимающего» – это понятие, и единственное, что вы можете с ним делать, это думать о нем: «Что это означает – „восприятие без воспринимающего“? Или „видение без видящего“... я не употребляю этих слов. Я говорю, что нет переводчика, который переводил бы ощущения; они остаются чистыми и простыми ощущениями; нет даже знания, что это ощущения. Зрение, вкус, прикосновение, запах, слух – это все ощущения – эти пять чувств действуют. Что происходит, когда эти ощущения остаются ощущениями без перевода, вы никогда не узнаете. Вы переводите все эти ощущения. Ну и «Как перестать делать это?» Если вы спрашиваете: «Как мне прекратить этот перевод?», вы пропали. Вы не можете прекратить перевод; вы – продукт перевода. Не может быть никакой остановки. Если кто-то говорит, что есть остановка, «К чертям все, что он говорит. Этот парень или чокнутый, или слетевший с катушек придурок. Он говорит о вещах, которые не являются реальными для меня». У вас нет на это *мужества*. Вы не хотите принимать реальность себя самих. То, что я говорю, не имеет никакого отношения к тому, как вы функционируете. *Завтра*, вы говорите, вы хотите посмотреть на вещи так, как на них смотрю я. Может быть, я обманываюсь. Итак, «*Вот* как я смотрю на это. Это, кажется, единственное, что я знаю; я не знаю ощущений этого парня». Так оставьте этого парня в покое – бесполезно винить этого человека или кого-либо еще. Нет смысла и винить себя. Какой толк винить себя? Это то, как

вы функционируете. Тогда этому естественно придется *остановиться* – не остановиться; оно должно замедлиться. Ты *не знаешь*. Ты приходишь до точки, где ты не знаешь, что со всем этим делать: «Я *ничего* не могу сделать. Это единственный способ, который я знаю; я не знаю никакого другого; то, что говорит кто-то другой, не имеет для меня никакого смысла». И вот он говорит: «Попробуйся», и ты пытаешься, но все безуспешно. Надежда заставляет тебя продолжать: «Может быть, завтра я смогу понять, что говорит этот парень, может быть, у меня получится делать то, что он от меня хочет» – но ты потратишь всю оставшуюся жизнь, попытаешься понять. Но если ты увидишь тщетность всего этого, может быть, оно прекратится – не совсем прекратится, но замедлится.

В: (*Неразлично, но, вероятно, попытка сравнить «учения» У. Г. и Дж. К.*)

У. Г.: Я могу использовать разные сравнения: цветок, например. Природа этого человеческого сознания в том, чтобы выражаться в словах, – это его аромат. Поскольку есть лишь горстка людей, которые, не потому, что они что-то делали или не делали, натолкнулись на это, они говорят, и когда они говорят, не может не быть различий, потому что на человека влияет его воспитание и окружение. Вы сидите и сравниваете эту фразу, ту фразу, и тогда говорите, что он говорит относительно то же самое или нет. Откуда вы знаете, о чем говорит этот парень? – вот что я у вас спрашиваю. Прежде всего вы не знаете, о чем говорит он. Не знаете. Понимаете, если бы вы знали, вы бы не возвращались год от году. Он может сказать, что говорит для радости жизни, – я не знаю; спросите его. Он знает, что вы ничего не добились, и (если быть очень резким), вы все равно не добьетесь успеха (*смех*), чего бы вы ни хотели. Это суровый факт. Вы этого не добьетесь в любом случае, потому что добиваться нечего, достигать нечего. Вот что я пытаюсь сообщить тем из вас, кто приходит увидеться со мной и кому не лень меня слушать: пока ты хочешь получить или достичь чего-то или хочешь быть просветленным человеком, ты не будешь просветленным. Просветление в том, чтобы бросить всю эту затею быть просветленным, – это просветление. Не хочу употреблять это слово.

В: *Так просветление все-таки есть!*

У. Г.: Если вам угодно так это называть, понимаете. Я не знаю. Я никогда себе не говорю: «Я просветленный, я самореализованный человек». Что это значит? Для *меня* это ничего не значит. Я не вижу смысла говорить о просветлении или рассказывать вокруг с поднятой головой, говоря себе и другим: «Придите и слушайте меня. Я просветленный. Я освобожу всех вас» – весь этот «святой бизнес» – *никогда*. Может быть, все вы здесь из любопытства. Может быть, вы услышали, что есть некий странный парень, который говорит то же самое, или не то же самое, что он злой, жестокий, и что он поливает грязью этого человека и говорит всякие вещи. Возможно, вас привело сюда любопытство, я не знаю. Я не против, если вы здесь из любопытства. И если вы говорите, что я делаю это забавы ради, я тоже не против. Но я это делаю не ради забавы. Что я получаю? Ладно, предположим, я делаю это все ради удовольствия, почему вы позволяете, чтобы я вас использовал? Не приходите! Не позволяйте, чтобы я вас использовал! Держитесь подальше! Мой интерес в том, чтобы отправить вас всех укладывать чемоданы. Не позволяйте, чтобы я вас эксплуатировал! Я не получаю никакого удовольствия. Если вы не придете завтра, мне все равно. Но вы этому не верите, потому что единственное, что вы знаете, это удовольствие. Не говорите, что это нечто неправильное. Если вы признаете, что вы здесь по *той же самой* причине, по которой человек идет в *бордель*, это будет для вас ужасным потрясением. Нет никакой разницы – люди идут туда каждое утро, день за днем, (*смеется*) воскресенье за воскресеньем, в девять часов, врываются в этот шатер (*в котором Дж. К. дает свои сааненские лекции*) по тем же самым причинам. Вы можете выразить это любым утонченным языком, как вам угодно, вы можете сказать, что я становлюсь все хуже и хуже...

«Все это тарабарщина!» – если вы можете увидеть это... Я сказал это себе в шатре и вышел оттуда. Я сказал, что я никогда больше не пойду слушать его, или *кого бы то ни было* еще в этом мире, не только этого человека. Тогда для тебя все кончено – «Зачем я здесь? Зачем я слушаю это?» Вы, возможно, услышали что-то о мутации или о трансформировавшемся человеке и это привело вас сюда – это преследует вас; это не дает вам спать. Тогда это настоящее препятствие – «Я не хочу, чтобы меня преследовали мысли о сексе; я хочу, чтобы меня преследовали мысли о самореализации, Бого-реализации, просветлении». Вы можете сказать, что это нечто намного более высокое; но они *совершенно* одинаковы.

Должен сказать одно. Это не порождено мышлением. Это не логически установленное предположение, которое я выдвигаю. Это просто слова, возникающие из их естественного источника, без какой-то мысли, без структуры мысли. Так что выбирайте: либо да, либо нет! Если нет, то вам же легче.

В: *Это тот же самый отрицательный подход, которым пользуется Дж. Кришнамурти.*

У. Г.: Проблема в том, что подход, который вы называете «отрицательным», является утвердительным подходом; вы просто называете его «отрицательным подходом», но вы уже все превратили в утвердительный подход. Если это отрицательный подход, он должен отрицать и сам себя. Очень важно использовать отрицательный подход, но вы, к сожалению, превратили весь отрицательный подход в утвердительный. Ответственность за это лежит вовсе не на том человеке; все, чего касается эта структура, она *должна* превращать в нечто утвердительное, потому что она – продукт утвердительного мышления. Итак, все, что вы слушаете, превращается в метод, в систему – вы хотите *получить* что-то благодаря этому. Например, кто-то говорит, что есть ум, и вы должны сделать его безусловленным. Как вы собираетесь делать безусловленным свой ум? Вы обуславливаете свой ум этой тарабарщиной – вот и все, что вам необходимо понять. Не вините того парня. Я буду петь эту песню до конца моих дней, пока не уберусь вон; будет кто-то ее слушать или нет, мне не важно. И тогда вы оставите этого старину в покое: вы никогда не установите никаких отношений с этим человеком. Как только вы используете это, чтобы получить то, что хотите, или прийти к какой-то цели назначения, вы обманываете себя, вступая в ту же самую старую игру, – это вы должны видеть. Видение – это конец; все *кончено*, понимаете. Но вы ничего не поняли; вы ходите туда снова и снова. И вы только прочистили свои мысли, и через это так называемое очищение вы придали сил для продолжения мысли – вот и все, что произошло. Надежда заставляет вас продолжать. У вас появилась привычка, определенный режим: вместо того чтобы ходить в церковь, вы ходите туда – вот и все, что вы делаете. Если вы увидите всю абсурдность того, что вы делаете, тогда окажется возможным, что вы скажете себе: «Какого черта ты делаешь? Что я делаю? Чем я отличаюсь? Почему я слушаю это?»

В: *Вы, по-видимому, противник духовных дискурсов.*

У. Г.: Я вчера говорил моим друзьям о сравнении, которое есть в одной из наших книг, что те, кто посещает духовные дискурсы, читают религиозные книги и ищут чего-то запретного, подобны обезьянам, сидящим вокруг красной охры, пытаясь согреться. Вы знаете, что такое красная охра – она красного цвета, но тепла не дает. Вы ничего не можете получить из духовного дискурса или какой бы то ни было религиозной книги. Вот что я пытаюсь объяснить тем, кому не лень слушать меня: нечего достигать, нечего добиваться. Так к чему весь этот гвалт? Чего вы хотите? Чего вы ищете? – вот мой вопрос. Если вы чего-то ищете, чего-то хотите, первое, что вам надо сделать, это выбросить все вместе взятое, со всеми потрохами, всю эту ерунду, за которую вы хватаетесь. Вы должны разнести все это в пух и прах, иначе у вас никакого шанса быть собой. Если вы следуете по какому-то пути, не важно, *какому* пути, он всегда вводит вас в заблуждение, уводит вас не туда. Если вы разберетесь в чем-то из того, что я говорю, вы пропали, душой и телом, и если есть Бог, он должен, просто из

милосердия, спасти всех вас и спасти вас от меня. Одно я говорю точно: я здесь не для того, чтобы спасти вас. Кто я такой, чтобы вас освобождать? От чего вы хотите освободиться? Вы пытаетесь просить нечто, что у вас *есть*. И я всего лишь показываю, что вы на ложном пути; вы спрашиваете меня: «Какой путь правильный?» Что мне делать? Вы готовы признать тот факт, что вы на ложном пути? Это означает, что учитель, за которым вы бегаеете, и вся эта ерунда, о которой вы думаете, – *вот* что должно уйти. Вы готовы выбросить все это вон? А? У вас есть надежда, что однажды это приведет вас туда, куда вы хотите попасть, – вот в чем проблема, понимаете. Ваш учитель должен уйти, не важно, кто этот учитель. То, что вы читаете, – именно от этого вы должны быть свободны. Многих из вас заденет за живое, если я покажу на это пальцем. Вон там на полке вы найдете книжку «Свобода от известного» (написанная Дж. К.), хм? Какое причудливое название. И вот вы читаете эту книгу. Это именно то, от чего вам надо освободиться, чтобы быть свободными: то, что вы там читаете, от этого вы должны быть свободны. Если у этого джентльмена не вышло освободить себя и освободить вас от того, что вы там читаете, он потерпел крах. Вы не захотите винить его; вы готовы винить себя. В такой вот плачевной ситуации вы находитесь сегодня. Это ваша проблема, не его. Оставьте его в покое.

В: *А что у нас будет, когда мы бросим эти поиски?*

У. Г.: Вы хотите быть заранее уверены. Видите ли, путь означает, что вы пытаетесь добраться до места назначения. «Путь» – это мистическое слово. По какому пути ты следуешь? Кто-то говорит тебе: «Вот путь. Ты должен освободить себя от обусловленности. Вот он, этот путь», например. Но это всегда вводит вас в заблуждение; это ни к чему вас не приводит. Вы уходите прочь от себя: вы *должны* быть *собой*, а его путь превращает вас в *нечто* другое, чем то, что вы есть. Почему вы хотите быть чем-то другим, нежели тем, кто вы есть? В обратном случае вы *никого* бы не стали слушать.

Смотрите. Я хочу быть полон сочувствия ко всем. Кто-то говорит, например, о любви, и вот вы хотите быть полны любви, что бы такое это ни было. Вы ничего, черт побери, не знаете, о чем говорит этот парень или еще кто-то. Но вы хотите быть полны этого. Вы *стократно* проецируете то, как вы представляете себе любовь, например... Именно это и мешает вам быть собой. И *этим* вы собираетесь быть только *завтра* или послезавтра.

В: *Это не путь; мы делаем из этого путь.*

У. Г.: А если вы не хотите куда-то идти, так зачем вам искать путь?